А.А. Шабунова

Очерки к социально-демографическому портрету современной России

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

А.А. Шабунова

Очерки к социально-демографическому портрету современной России

Вологда
2022

УДК 314 (470)
ББК 60.7 (2Рос)
Ш13

Публикуется по решению
Ученого совета ФГБУН ВолНЦ РАН

Шабунова, А. А.
Ш13 **Очерки к социально-демографическому портрету современной России** : монография / А. А. Шабунова. – Вологда : ВолНЦ РАН, 2022. – 272 с.

ISBN 978-5-93299-529-7

В книгу вошли избранные статьи, отражающие проблемы социально-демографического развития современной России. Собранные воедино, они позволяют читателю получить развернутую картину динамики важных социально-демографических аспектов: от актуальных проблем и ценностей молодежи, поиска резервов социально-экономического роста через реализацию человека в труде по призванию до рисков, связанных со старением населения, и обсуждения роли серебряного поколения в социально-экономическом развитии.

Представленные материалы охватывают период социальных трансформаций за последние четверть века. Исследовательской основой статей послужили работы, проводимые в Вологодском научном центре РАН, с широкой информационной базой, включающей, помимо статистических и ведомственных данных, результаты социологических мониторингов, что позволяет чутко улавливать изменения, происходящие в российском обществе.

Книга будет полезна не только ученым и преподавателям, аспирантам и студентам, но и широкому кругу читателей как с академическим, так и практическим интересом.

УДК 314 (470)
ББК 60.7 (2Рос)

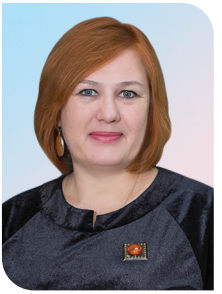
Рецензенты:

Тамара Керимовна Ростовская,
доктор социологических наук, профессор,
заместитель директора по научной работе
Института демографических исследований, ФНИСЦ РАН

Елена Валерьевна Базуева,
доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры,
Пермского государственного национального
исследовательского университета

ISBN 978-5-93299-529-7

© Шабунова А.А., 2022
© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022



Шабунова Александра Анатольевна
Директор Вологодского научного центра
Российской академии наук,
доктор экономических наук

«Опорой нации и ее рычагом является простой народ. Как бы ни была богата нация замечательными людьми, тем не менее движущей силой ее останется простой народ – именно он и есть стан, ось и рычаг этой машины...»

Микаэл Налбандян

Эта книга – сборник избранных статей, отражающих проблемы социально-демографического развития современной России. Представленные материалы охватывают период социальных трансформаций за последние четверть века. Исследовательской основой статей стали работы, проводимые в Вологодском научном центре, с широкой информационной базой, включающей не только статистические и ведомственные данные, но и социологические мониторинги, что позволяет чутко улавливать изменения, происходящие в российском обществе.

Надеюсь, что собранные воедино статьи позволят читателю получить развернутую картину динамики важных социально-демографических аспектов от актуальных проблем и ценностей молодежи и поиска резервов социально-экономического роста через реализацию человека в труде по призванию до рисков, связанных со старением населения, и обсуждения роли серебряного поколения в социально-экономическом развитии.

Структура книги построена по сюжетному принципу. Первая глава отражает важнейшие вызовы в формировании молодежных когорт. Обращает внимание на то, что помимо снижения численности детей ухудшается потенциал их здоровья. В то же время важность самосохранительного поведения недооценивается молодыми. Затрагивает вопросы социализации и социальной активности молодежи.

Во второй главе обсуждаются вопросы, связанные с реализацией человеческого потенциала в трудовой деятельности. Показана важность и значимость труда по призванию. А также обращено внимание на качество кадров местного самоуправления. Третья глава полностью обращена к проблемам и возможностям людей старшего поколения. В четвертой главе собраны работы, обсуждающие проблемы сельских территорий, связанные с изменением демографической структуры: старением населения, нарастанием гендерной диспропорции в его структуре; с социальной активностью сельчан. На конкретных примерах Вологодской области показано, что сельская глубинка жива и сохраняет свою самобытность во многом благодаря женщинам. В селах присутствует и развитие индивидуального предпринимательства, и накопление социального и человеческого капитала жителей, что в совокупности противостоит социально-экономическому сжатию села. Пятая глава отражает оценку населением мер социально-демографической политики в части сохранения населения и повышения рождаемости. Материалы статей во многом опираются на данные социологических замеров.

Выражаю глубокую благодарность Владимиру Александровичу Ильину за многолетнюю помощь и поддержку.

Благодарю рецензентов Тамару Керимовну Ростовскую и Елену Валерьевну Базуеву за содействие и доброжелательное отношение.

При подготовке материалов для ряда статей, вошедших в монографию, мы плодотворно сотрудничали с коллегами и учениками. Пользуясь случаем, хочется выразить искреннюю признательность и благодарность за многолетнюю плодотворную совместную работу моим коллегам Галине Валентиновне Леонидовой и Ольге Николаевне Калачиковой, чьи ценные рекомендации и поддержка были очень важны для меня, и многим другим, кто проявил искреннюю заинтересованность в моих исследованиях.

Также большое спасибо всем, кто так или иначе помогал в организации исследований и сборе материалов.

Книга будет полезна не только ученым и преподавателям, аспирантам и студентам, но и широкому кругу читателей как с академическим, так и практическим интересом.

Введение

Общественное развитие и демографические вызовы современности

Мировое сообщество в третьем тысячелетии пришло к переосмыслению путей общественного развития. Экономическая деятельность является только частью общечеловеческой деятельности, и экономическое развитие целесообразнее рассматривать в рамках более широкой концепции общественного развития. Меняется и вклад различных компонентов в формирование общественного богатства. По оценкам международных экспертов вклада различных активов в прирост общественного богатства [15] в бедных странах вклад природных ресурсов в среднем составляет 26%, в среднеразвитых – 13%, а в развитых – около 2%. В то же время происходит увеличение вклада нематериальных активов, а именно различных составляющих человеческого капитала.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) Программы развития Организации Объединённых Наций (ПРООН) в странах с высоким уровнем социально-экономического развития стабильно высокий, заметно выше, чем в Российской Федерации *(табл. 1)*. Вклад нематериальных активов в развитие современной России крайне мал, хотя страна имеет значительный потенциал. По оценке Мирового банка по образовательной компоненте ИРЧП Российская Федерация входит в 15% наиболее развитых

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 13-22-01002 «Демографическая безопасность России и Беларуси: проблемы и перспективы»).

Шабунова А.А., Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.

Таблица 1. Динамика индекса развития человеческого потенциала[1]

Территория	1970	1995	2001	2007	2008	2009	2010
Норвегия	0,870 (1)*	0,936 (1)	0,944 (1)	0,967 (2)	0,968 (2)	0,971 (1)	0,938 (1)
ФРГ/Германия	0,864 (5)	0,913 (15)	0,921 (18)	0,935 (22)	0,94 (23)	0,947 (22)	0,885 (10)
Франция	0,854 (8)	0,921 (8)	0,925 (17)	0,952 (10)	0,955 (11)	0,961 (8)	0,872 (14)
СССР/РФ	0,821 (22)	0,770 (50)	0,761 (63)	0,817 (72)	0,825 (71)	0,840 (66)	0,843 (55)
Вологодская область (место в РФ)	н. д.	0,782 (22)	0,752 (20)	0,809 (15)	0,824 (19)	0,821 (24)	0,818 (37)

Источники: Human Development Report. Oxford, New York, 1991. С. 97, 223–225; Национальные доклады о человеческом развитии Российской Федерации**: Россия перед лицом демографических вызовов, 2008. С. 178–180; Регионы России: проблемы, цели, достижения, 2006–2007. С. 132–133; Модернизация и человеческое развитие, 2011. С. 137; Устойчивое развитие: вызовы РИО, 2013. С. 149.
*(1) – место в мировом рейтинге.
** Год публикации индекса означает, что он рассчитан по показателям двухлетней давности.

стран мира[2], однако по вкладу человеческого капитала в создание общественного богатства страна входит в 15% наименее успешных по этому показателю стран.

На увеличение роли человеческого капитала в территориальном развитии указывают и теоретики новой экономической географии. В частности, Пол Кругман подчёркивает, что такие факторы, как агломерационный эффект, человеческий капитал, институциальная среда, в наибольшей степени связанные с деятельностью государства и общества, играют значительную роль в продвижении модернизационных преобразований. Развитие идёт быстрее в тех регионах, где выше концентрация населения и его качество, более развита инфраструктура и меньше экономическое расстояние, ниже институциальные барьеры [5].

[1] Ранжировано по 2010 году.

[2] Образовательная компонента индекса развития человеческого потенциала ПРООН (индекс достигнутого уровня образования) определяется на основе показателей грамотности взрослого населения и совокупной доли учащихся.

Таким образом, человеческий фактор выделяется в качестве основы ускорения социального и экономического развития государств, регионов. Самое серьёзное влияние на формирование человеческого потенциала оказывает демографическое развитие. Численность населения, его половозрастная структура, продолжительность и качество жизни, квалификация рабочей силы, миграция населения и её социально-экономические последствия – всё это в значительной мере определяет тенденции развития любой территории.

На демографическое развитие России в ближайшей и среднесрочной перспективе будет оказывать влияние демографическая волна, сформировавшаяся в 80–90 годы прошлого столетия. Предстоящую динамику различных групп населения [12] определили всплеск рождаемости в 1983–1987 гг. и её спад в 1996–2001 гг. Впадина демографической волны уже в ближайшее время будет воздействовать на воспроизводство населения России, а значит, и на её геополитическое, экономическое и социальное развитие.

Выступая 15 февраля 2012 года на видеоконференции в Набережных Челнах [8], премьер-министр России отметил, что, поскольку демографический спад будет постепенно распространяться по разным возрастным группам, надо уже в настоящее время при планировании развития сети дошкольных учреждений заранее совмещать их со школами с тем, чтобы потом их вновь не перепрофилировать. Добавим, что будет меняться наполняемость не только детских дошкольных и школьных учреждений, но и других, в первую очередь высших учебных заведений.

Негативные последствия демографической волны наиболее существенно будут проявляться по следующим направлениям.

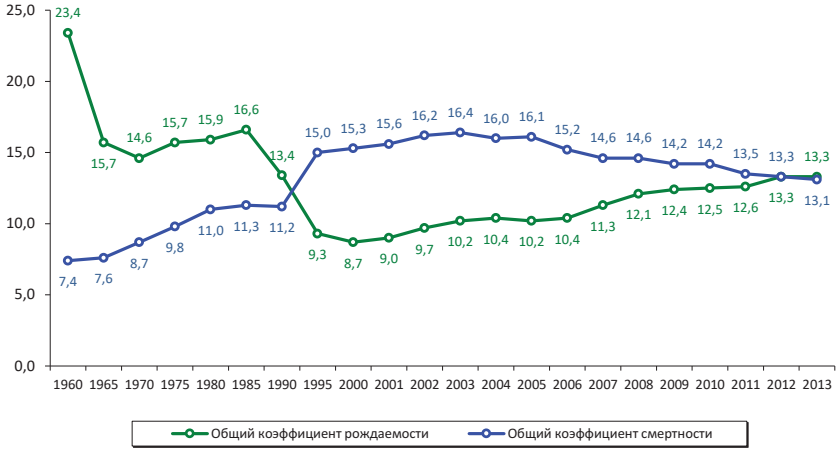
1. Сокращение численности населения.

На протяжении 11 лет продолжалась естественная убыль населения страны, за период 1992–2012 гг. она составила 13 млн. 400 тыс. человек.

Позитивные тенденции наметились с начала нового тысячелетия, что во многом было обусловлено государственным регулированием. Уникальное явление пересечения кривых коэффициентов рождаемости и смертности в России (так называемый «русский

крест»), зафиксированное в 1991 году, повторилось вновь: в 2012 году значения обоих показателей – 13,3‰ *(рис. 1)*. В 2013 году в России впервые после длительного перерыва отмечен естественный прирост населения (за счёт снижения смертности населения).

Рис. 1. Динамика естественного движения населения Российской Федерации

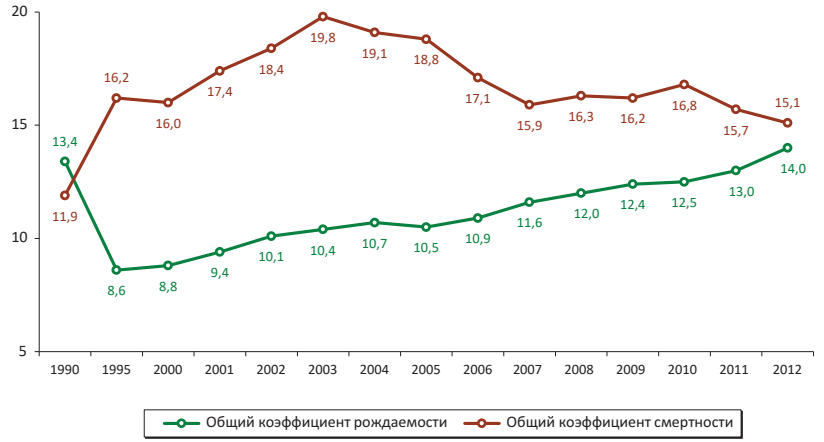


Источник: Данные Росстата.

В большинстве регионов страны демографическое развитие имеет сходные тенденции. В Вологодской области, несмотря на заметное улучшение ситуации, естественная убыль населения продолжается *(рис. 2)*. Основной причиной депопуляции является высокий уровень смертности населения.

Как отмечает А. Вишневский [1], мнение Минздравсоцразвития, отвечающего за демографическое развитие страны, о решении проблемы сокращения численности населения России ошибочно: «Естественная убыль населения, хотя и сохраняется, но нарастать не будет. Прогресс в этом показателе очень значительный. Если в 1999 году убыль составила почти 930 тыс. человек, то в 2007 году – 470 тыс., в 2008 году – 362 тыс., в 2009 году – менее 250 тыс. человек. Сокращение численности населения остановлено. Естественная убыль будет сокращаться и дальше. Главная причина

Рис. 2. Динамика естественного движения населения Вологодской области



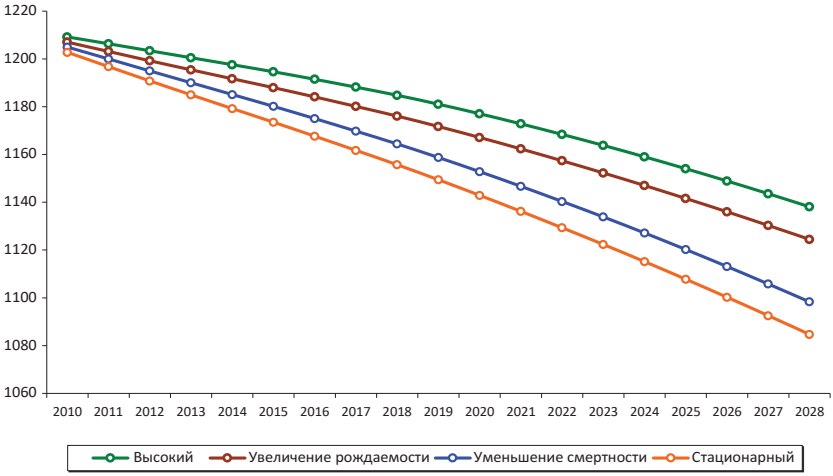
Источник: Данные Росстата.

этого – проведение в рамках приоритетного национального проекта «Здоровье» активных программ по снижению смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, основной причины смертности населения». Это успокоительное утверждение не имеет ничего общего с действительностью. Мы стоим на пороге нового увеличения естественной убыли населения.

Все прогнозы показывают, что в ближайшие годы естественная убыль населения снова начнет нарастать. Естественная убыль ожидается даже по наиболее оптимистическому варианту официального прогноза Росстата, согласно же более вероятному среднему варианту естественная убыль населения России уже в начале следующего десятилетия превысит 500 тыс. человек в год и будет продолжать увеличиваться [9].

Сокращение численности населения при любом варианте прогноза ожидается и в Вологодской области *(рис. 3)*. Прогнозный счёт осуществлялся методом передвижки возрастов с учётом вероятности дожития каждой возрастной группы до следующей старшей. Миграционные процессы в прогнозных оценках не учитывались. Такое развитие событий во многом предопределено сложившейся возрастной структурой населения [4].

Рис. 3. Вариативный прогноз численности населения Вологодской области, тыс. чел. [4]



В Вологодской области и России в целом в ближайшей перспективе будут происходить неблагоприятные изменения возрастной структуры населения. Это станет причиной обострения демографического кризиса.

Росту рождаемости после 1999 года во многом способствовало увеличение числа женщин в возрасте от 18 до 34 лет: в России на 2 млн., в Вологодской области – почти на 6 тыс. человек. К 2030 году, напротив, ожидается снижение данных контингентов в стране в целом более чем на 7 млн., в регионе – на 50 тыс. человек. Кроме того, в ближайшей перспективе будет снижаться и численность женщин в возрасте 25–34 лет. Совокупное снижение женских когорт приведёт к падению рождаемости.

Перемещение рождаемости на более поздние возраста смягчило неблагоприятные структурные подвижки, о которых сказано выше. В ближайшие несколько лет демографические показатели ещё имеют шанс несколько улучшиться, но в средне- и долгосрочной перспективе (10–20 лет) их ухудшение практически неизбежно, т. к. произойдет значительное сокращение числа потенциальных

матерей [11]. Директор региональной программы Независимого института социальной политики Наталья Зубаревич отмечает, что благодаря поддержке властей рождаемость была подстёгнута. «Рожать начали в низкодоходных группах, – говорит она. – Но как только в детородный возраст войдёт малочисленное поколение 90-х годов рождения, рождаемость пойдёт вниз». Что делать, сказать трудно. «Если избегать резких выражений, то можно констатировать: социальная политика по поддержке семьи сегодня в России такова, что не даёт возможности женщинам совмещать работу с нормальным деторождением», – считает Зубаревич [6].

Снижению смертности отчасти способствовало сокращение численности лиц в старших возрастных категориях, формировавшихся за счёт малочисленных поколений военных лет рождения. В ближайшей же перспективе в России в целом и в регионах ожидается стремительный рост численности пожилых когорт. Неизбежным следствием будет увеличение смертности даже при увеличении продолжительности жизни.

При снижении рождаемости и росте числа смертей сблизившиеся кривые рождаемости и смертности вновь разойдутся, а естественная убыль населения будет нарастать.

2. Обезлюдение Центральной России и Северо-Запада страны, особенно заметное в сельской местности.

На огромной территории России значительны региональные различия в динамике естественного движения населения. В то время как в наиболее благополучных регионах число родившихся в три и даже в пять (Чечня) и семь (Ингушетия) раз превышает число умерших, в Центральной России и на Северо-Западе смертность в большинстве регионов на 50–80% выше рождаемости. Причины неблагоприятных трендов – низкая рождаемость в прошлом и сложившаяся вследствие этого неблагоприятная структура населения, а также отток молодёжи в крупнейшие города – Москву и Санкт-Петербург. Грубо говоря, рожать на селе в Нечерноземье попросту некому.

Быстрая индустриализация и урбанизация XX века наряду с демографическими потерями привели к очень сильной убыли сельского населения и его концентрации в крупных населённых пун-

ктах и пригородах [2]. В 2012 году удельный вес сельского населения в целом по РФ сократился до 26% (на 0,8 п. п. по сравнению с 2000 годом).

В Вологодской области удельный вес сельского населения несколько выше среднероссийского – 28,7%, однако темпы его снижения существенно опережают российский уровень. С 2000 по 2012 гг. доля сельского населения сократилась на 2,5 п. п. Сельское население области за указанный период сократилось на 14,8% – с 403,2 до 343,3 тыс. человек.

Крупные города (Вологда и Череповец) стягивают в себя и в свои пригороды сельское население области. За 2000–2012 гг. население Вологды увеличилось на 3,1%, Череповца – на 0,4%, а Вологодского и Череповецкого районов сократилось лишь на 0,1 и 2,7%. При этом население Белозерского, Вашкинского, Междуреченского и Харовского районов сократилось более чем на 25%.

В результате сельское пространство Вологодской области, и так сравнительно слабо освоенное и заселённое, давно уже сжалось в отдельные ареалы (очаги), а вокруг них возникла социально-демографическая пустыня. Схожая ситуация наблюдается и в других регионах страны. Глобализация и информационная проницаемость пространства лишь усугубляют ситуацию, высвечивая экономические и социальные контрасты городских и внегородских территорий и обнажая несоответствие имеющейся социальной среды и запросов молодёжи.

Отток населения (особенно молодёжи [7]) из сёл в крупные города приводит к количественному и качественному сокращению трудового потенциала сельских территорий. Упадок инфраструктурной базы, особенно сильно проявляющийся в периферийных деревнях и селах, наряду с отъездом молодёжи ведёт к дальнейшему измельчанию и вымиранию села. Быстрыми темпами увеличивается количество опустевших деревень *(табл. 2)*, сокращается число малонаселённых сельских поселений.

В сельском расселении преобладает мелкодисперсность: почти 70% населённых пунктов имеют численность жителей менее 200 человек, поселения с людностью свыше 1 тыс. составляют 0,6%.

Таблица 2. Число населённых пунктов по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

Территория	Города		Сельские населенные пункты		В том числе без населения	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
РФ	1098	1100	155289	153124	13086	19416
Вологодская область	15	15	8041	8006	1625	2131
Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13; Итоги Всероссийской переписи населения 2010]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm						

3. Демографическое старение населения.

Длительные изменения в характере воспроизводства – продолжительное снижение рождаемости, а также сокращение смертности взрослых – ведут к постарению населения, то есть к увеличению доли пожилых лиц (старше 60 или 65 лет) в общей численности. Миграция молодых людей из села в город приводит к постарению сельского населения.

В начале 60-х годов 20 столетия польским демографом Эдвардом Россетом были предложены фазы демографического старения для стран Восточной Европы и других, где основная масса населения уходила на пенсию в возрасте 60 лет [10]:

1. Отсутствие признаков демографической старости (демографическая молодость) – доля лиц в возрасте 60 лет и старше в общей структуре населения менее 8%.
2. Ранняя переходная фаза демографического старения (преддверие старения) – доля пожилых от 8 до 10%.
3. Поздняя переходная фаза демографического старения (собственно старение) – доля лиц 60 лет и старше в общей структуре населения от 10 до 12%.
4. Состояние демографической старости – 12% и выше.
5. Состояние глубокой демографической старости – доля лиц в возрасте 60 лет и старше 15% и более.

Для развитых стран процессы старения населения характерны уже на протяжении многих десятилетий. За последние два десятилетия доля детей в странах ЕС снизилась на 3,7 процентных пун-

кта, в то время как пожилых людей стало больше на 3,6 процентных пункта. Количество пожилых людей в них уже превысило численность детей. По оценкам ООН к 2050 году пенсионеров в США, Западной Европе и Японии будет проживать и вовсе в два раза больше, чем молодых граждан. Мировой лидер по доле пожилого населения – Япония, в которой доля лиц в возрасте старше 60 лет более 32% *(табл. 3)*.

Таблица 3. Индикаторы демографического старения населения в странах мира

Территория	Доля людей старше 60 лет в общей численности населения страны, %				Средний (медианный) возраст населения			
	2013 г.	2050 г.	2100 г.	Прирост, п. п.	2013 г.	2050 г.	2100 г.	Прирост, лет
Среднее в мире	11,7	21,2	27,5	15,8	29,2	36,1	41,2	12
Индия	8,3	18,3	30,2	21,9	26,4	36,7	44,3	17,9
ЮАР	8,6	15,6	27,7	19,1	26	33,7	42,4	16,4
Мексика	9,5	25,9	39,4	29,9	27	41,9	50,5	23,5
Турция	10,8	27,3	37,8	27	29,4	42,4	49,4	20
Бразилия	11,2	28,9	38,4	27,2	30,3	44,4	49,8	19,5
Китай	13,9	32,8	34,3	20,4	35,4	46,3	46,9	11,5
Южная Корея	17,1	41,1	42,3	25,2	39,4	53,5	52,6	13,2
Россия	19,0	28,5	27,8	8,8	38,3	41,6	42,4	4,1
США	19,7	27,0	32,2	12,5	37,4	40,6	44,4	7
Австралия	19,8	27,6	35,5	15,7	37,2	40,6	47,3	10,1
Канада	21,2	30,7	35,0	13,8	40,1	43,3	46,9	6,8
Норвегия	21,6	28,1	34,1	12,5	39	41,4	46	7
Франция	24,1	31,0	35,4	11,3	40,6	43,3	46,4	5,8
Германия	27,1	39,6	39,9	12,8	45,5	51,5	51,1	5,6
Великобритания	28,0	40,2	48,6	20,6	40,2	43,3	47	6,8
Япония	32,3	42,7	41,1	8,8	45,9	53,4	51,8	5,9
Источник: Данные Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН.								

Среди развивающихся стран процессы демографического старения в большей степени характерны для Китая, где к 2050 году люди в возрасте 60 лет и старше составят около трети населения. В КНР старение происходит более стремительно, чем в Европе. Если в развитых государствах доля населения старше 60 лет выросла за 60 лет (с 1950 по 2010 гг.) на 3 п. п., то в КНР она стала больше на 3,8 п. п. всего за период с 2000 по 2010 гг. [3].

Проблема старения населения актуальна и для России. На 2012 год количество жителей нашей страны в возрасте 60 лет и старше составляло 26,5 млн. человек или почти 19% от общей численности. В дальнейшем старение россиян приобретет ещё больший масштаб: согласно официальному демографическому прогнозу, к 2050 году доля населения в возрасте 60 лет и старше превысит 28%.

В Вологодской области в 2012 году численность населения в возрасте старше 60 лет составляла 225 тыс. человек (18%), а к 2025 году число лиц старше трудоспособного возраста увеличится до 281 тыс. и будет составлять 25% от имеющегося населения [14].

Улучшение качества здравоохранения, совершенствование санитарного надзора, расширение доступности образования, повышение экономического благополучия позволяют увеличить продолжительность жизни, снизить смертность. Несомненно, это положительные тенденции, но старение населения несёт с собой и множество вызовов. Особую значимость имеет вопрос о соотношении лиц трудоспособного и пенсионного возраста в свете увеличения нагрузки на трудоспособное население.

Согласно прогнозным оценкам ООН при сохранении существующих тенденций трудоспособное население Европы к 2050 году сократится на 40 млн. человек. На каждого европейского пенсионера сегодня в среднем приходится четыре человека трудоспособного возраста, однако уже к 2050 году это соотношение может составить 1 к 2.

С 2010 года в России наметилось долгосрочное снижение количества граждан трудоспособного возраста. К 2020 году их численность сократится более чем на 7 млн. человек. По прогнозам А. Вишневского к 2050 году в России демографическая нагрузка пожилыми составит от 530 до 1118 человек на 1000 человек трудоспособного населения.

Кроме того, в России значительно сильнее, чем в Западной Европе, выражен гендерный дисбаланс возрастной структуры. Поэтому и значения таких показателей, как доля лиц в возрасте 60+ в общей численности населения, индекс старения и демографическая нагрузка за счёт пожилых для женского населения у нас почти в два раза выше, чем для мужского. Различаются и показатели старения для городского и сельского населения России [13]: доля лиц в возрасте 60+, демографическая нагрузка за счёт пожилых и коэффициент поддержки родителей для сельского населения выше, чем для городского, а индекс старения выше для городского населения. Учитывая гендерный дисбаланс, можно предсказать, что в будущем особого внимания потребуют проблемы пожилых (и зачастую одиноких) сельских женщин.

В Вологодской области трудоспособное население уменьшится с 720 тыс. человек в 2012 году до 605 тыс. в 2025 году. Это значительное падение, вызванное изменениями в возрастной структуре, приведёт к заметному росту демографической нагрузки, что, вне всякого сомнения, будет представлять большую социальную проблему. В регионе демографическая нагрузка в 2012 году составляла 663 на 1000 трудоспособных, а к 2025 году коэффициент вырастет до 942 на 1000 трудоспособных.

Согласно мировому опыту, наиболее приемлемой является демографическая ситуация, когда соотношение работающей части населения и не занятой в трудовом процессе составляет 2,5:1, т. е. не менее 2,5 работников содержит 1 иждивенца. Стареющее население и тяжесть пенсионных и социальных расходов, несомненно, отразятся на темпах экономического роста.

В то же время пожилые люди – ценный и продуктивный ресурс для экономики. Поэтому для полного раскрытия их потенциала власти должны менять сложившуюся практику на рынке труда, которая ориентирована исключительно на молодое, активное поколение.

Подводя итог, ещё раз перечислим демографические вызовы:

1) снижение численности населения;
2) обезлюдение территорий;
3) демографическое старение населения.

Все демографические тенденции взаимосвязаны между собой. Они существуют и оказывают влияние на развитие территории вне зависимости от нашего знания о них. Демографические процессы требуют не только пристального внимания (мониторирования), но и учёта текущих и предстоящих изменений при разработке краткосрочных и стратегических программ и планов. Крайне важно, чтобы планы перспективного развития принимались с учётом независимой демографической экспертизы.

Литература

1. Вишневский А. Россия: демографические итоги двух десятилетий и ближайшие перспективы: доклад на конференции «Ответственная деловая практика и социальные инвестиции: партнёрство бизнеса и власти» 7 февраля 2012 года. URL: media.rspp.ru
2. Глейзер О.Б., Вайнберг Э.И. Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. 2013. № 3. С. 21–38.
3. Грабарь Я. Стареющая планета: число пенсионеров угрожает мировой экономике // РБК. URL: http://top.rbc.ru/economics/23/08/2013/871343.shtml
4. Калачикова О.Н., Шабунова А.А., Ласточкина М.А. Тенденции и перспективы демографического развития России и Вологодской области // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 5. С. 143–153.
5. Кругман П. Оглядываясь на успехи и провалы стимулирования // Независимая газета. URL: http://www.ng.ru/krugman/2014-03-04/5_stimulation.html
6. Куликов С. Минздрав поторопился с рождаемостью // Независимая газета. 28.01.2010. URL: http://www.ng.ru/economics/2010-01-28/1_demography.html
7. Молодёжь современной России – ключевой ресурс модернизации / коллектив авторов; общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 148 с.
8. Официальный сайт Президента Республики Татарстан. URL: http://president.tatarstan.ru/news/view/111501

9. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 года. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140095525812
10. Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968.
11. Рубанов И. Крест на «русский крест» // «Эксперт». 2014. № 3 (882). URL: ttp://expert.ru/expert/2014/03
12. Рыбаковский Л.Л. Демографические вызовы: что ожидает Россию? // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 49–60.
13. Сафарова Г.Л. Старение городского и сельского населения России // Современные проблемы старения населения в мире: тенденции, перспективы, взаимоотношения между поколениями. М.: МАКС Пресс, 2004. С. 121–130.
14. Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Качество трудовых ресурсов России: региональный аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 126–134.
15. Where is the Wealth of Nations: Measuring Capital for the 21st Century. // Washington, D.C.: The World Bank, 2006.

Глава I. Социокультурный дискурс положения детей и молодежи

1.1. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности

Современное мировое развитие становится все более неравномерным, формируются глобальные вызовы: неравномерность экономического роста, демографические дисбалансы, снижение доли молодых в общей численности населения, мощные миграционные потоки из зон распространения терроризма, экологические проблемы, рост числа природных катастроф. Кроме того, в мировой экономике и политике возникают новые региональные экономические союзы (ВТО, ОПЕК, ЕврАзЭС, АТЭС, Таможенный союз ЕАЭС и др.), которые начинают активно менять принципы мирохозяйственного регулирования. Происходит активизация инновационной деятельности стран, обусловливающая нарастание скорости изменения ряда ключевых мирохозяйственных тенденций[1], что требует нового качества человеческого потенциала.

Во всех регионах мира отмечается снижение темпов роста численности населения при значительной территориальной дифференциации. По данным Всемирного банка, в тех регионах, где сконцентрированы преимущественно развивающиеся государ-

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-18-03120 «Качество детского населения в контексте модернизации России»).

Статья подготовлена в соавторстве с Г.В. Леонидовой, О.Н. Калачиковой.

Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Калачикова О.Н. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 6 (42). С. 36–57.

[1] Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации (до 2025 года).

ства (Южная и Северная Африка, Ближний Восток, Южная Азия, Латинская Америка), темпы роста численности населения значительно выше по сравнению с территориями, на которых преобладают развитые государства (*табл. 1*).

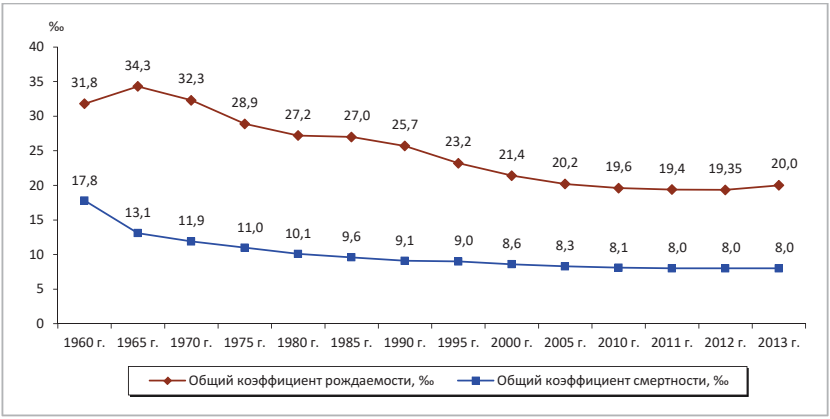
Общий коэффициент рождаемости в мире в период с 1960 по 2013 год снизился с 32 до 20‰ (суммарный – с 5,0 до 2,5), общий коэффициент смертности – с 18 до 8‰ соответственно[2]. Наиболее существенное снижение рождаемости за этот период зафиксировано в Европейском (с 21,5 до 10,5‰), Азиатском (с 42,3 до 19‰) регионах и в Австралии (с 23,0 до 12,9‰). То есть снижение уровней рождаемости и смертности – общемировая тенденция *(рис. 1)*.

Таблица 1. Численность населения (млн. человек) и темпы роста, %

Мир, регион	Численность, млн. чел.							Темпы роста, %				
	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2012	1970/ 1960	1980/ 1970	1990/ 1980	2000/ 1990	2010/ 2000
Весь мир	**3032**	**3699**	**4451**	**5295**	**6124**	**6987**	**7052**	**122,0**	**120,3**	**119,0**	**115,7**	**114,1**
Европа	605	657	693	721	729	738	740	108,6	105,5	104,0	101,1	101,2
Африка	282	364	480	637	821	1051	1070	129,1	131,9	132,7	128,9	128,0
Азия	1704	2139	2636	3181	3705	4216	4250	125,5	123,2	120,7	116,5	113,8
Латинская Америка	220	288	364	444	523	596	603	130,9	126,4	122	117,8	114,0
Северная Америка	204	232	256	284	316	346	351	113,7	110,3	110,9	111,3	109,5
Австралия и Океания	16	20	23	27	31	37	38	125	115	117,4	114,8	119,4
Справочно: Россия	*119*	*130*	*138*	*138*	*146*	*143*	*143*	*109,2*	*106,2*	*100*	*105,8*	*97,9*
Источники: Europe in figures – Eurostat yearbook 2009 [El. res.]. P. 130. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu (дата обращения: 25.10.2010); Демографический ежегодник России. 2001. С. 19; 2011 World Population Data Sheet. The World at 7 billion. Population Reference Bureau. Pp. 6–9.												

[2] Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии / кол. авт. под рук. д.э.н., профессора В.А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 132 с.

Рис. 1. Глобальные показатели рождаемости и смертности в 1960–2013 гг., промилле (на 1 тыс. чел. населения)



Источник: The World Bank. World Development Indicators [El. res.]. Available at: http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx

Позитивной тенденцией последних лет является наблюдаемое относительное улучшение показателей состояния здоровья населения. С начала 2000-х годов зафиксирован рост ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) – с 65,3 в 2000 г. до 70,8 года в 2013-м и ожидаемой продолжительности здоровой жизни (ОПЗЖ) – соответственно с 58 до 61 года.

В то же время отставание России от развитых стран мира по продолжительности жизни остается весьма ощутимым: в 2013 г. ОПЖ в странах Евросоюза на 10 лет превышала среднероссийский показатель, аналогична ситуация и с продолжительностью здоровой жизни. Характерно, что динамика параметров здоровья россиян уникальна. В рассмотренный период при заметно более низких позициях «на старте», сходных со значениями развивающихся стран, России удалось приблизиться к уровню развитых, где динамика была несущественна.

Хотя с начала столетия в России наметились некоторые позитивные сдвиги (с 2000 по 2014 г. общий коэффициент рождаемости увеличился с 8,7 до 13,1 промилле; общий коэффициент

смертности снизился с 15,3 до 13,3; с 2013 г. имеется естественный прирост населения – 54 тыс. человек за 2013–2014 гг.), прогнозные оценки экспертов указывают на предстоящее ухудшение трендов *(рис. 2)*, поскольку структурный ресурс повышения рождаемости исчерпан.

В период с 1999 по 2009 г. число женщин в возрасте от 18 до 34 лет выросло более чем на 2 млн., что способствовало росту числа рождений после 1999 года. По прогнозу Института демографии НИУ ВШЭ, к 2020 г. численность женщин в активном репродуктивном возрасте сократится на 4,7 млн., а к 2025 г. – более чем на 7 миллионов[3].

Вместе с тем особую тревогу вызывает то, что, несмотря на рост ОПЖ и ОПЗЖ, высоким остается уровень младенческой и детской смертности (*табл. 2*). Сокращение доли молодых в населении как европейских государств, так и России – один из серьезных глобальных вызовов современности.

Рис. 2. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности населения России, промилле (факт и прогноз) (по данным Росстата)

[3] Вишневский А. Россия: демографические итоги двух десятилетий и ближайшие перспективы // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 3. Т. 21. С. 3–40.

Таблица 2. Младенческая смертность, случаев на 1000 родившихся живыми

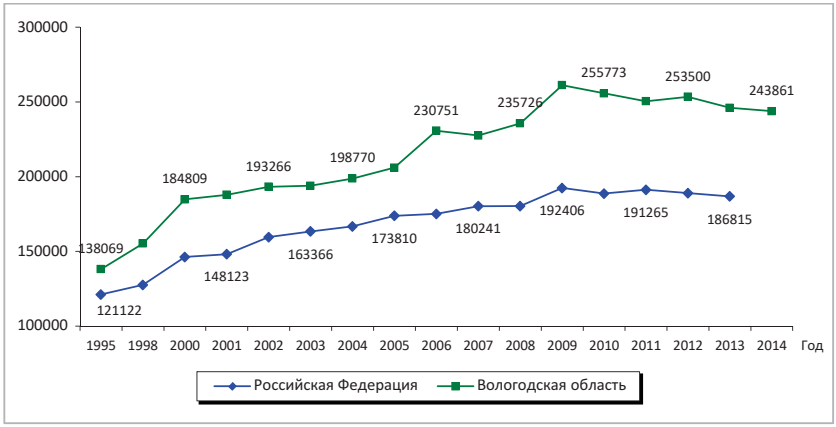
Страны	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Мир	62,8	60,0	53,1	44,3	37,5	36,2	34,9	33,7	32,6	31,7
Россия	21,9	22,2	19,7	14,4	10,3	9,8	9,3	8,9	8,5	8,2
Развитые страны мира										
США	9,4	8,0	7,1	6,8	6,3	6,1	6,1	5,9	5,7	5,6
Англия	7,9	6,1	5,6	5,1	4,4	4,2	4,1	3,9	3,7	3,5
Швеция	5,8	4,0	3,4	3,0	2,5	2,4	2,4	2,4	2,4	2,4
Канада	6,8	5,7	5,2	5,3	4,9	4,7	4,7	4,6	4,4	4,3
Дания	7,3	5,4	4,6	4,1	4,1	3,3	3,2	3,1	3,0	2,9
Норвегия	7,0	4,6	4,0	3,2	2,6	2,5	2,3	2,3	2,2	2,0
Франция	7,4	4,8	4,4	3,8	3,5	3,5	3,5	3,6	3,6	3,5
Италия	8,3	6,4	4,7	3,7	3,4	3,3	3,2	3,1	3,0	2,9
Германия	7,0	5,3	4,4	3,9	3,5	3,4	3,3	3,3	3,2	3,1
Япония	4,6	4,1	3,3	2,7	2,4	2,3	2,2	2,1	2,1	2,0
Источник: World Health Organization. Global Health Observatory Data Repository [El. res.]. Available at: http://apps.who.int/gho/data/view.main.CM1320R?lang=en										

Основными причинами изменения пропорций возрастной структуры послужили снижение рождаемости и увеличение продолжительности жизни. Демографы с тревогой отмечают, что впервые в истории России удельный вес детей стал ниже удельного веса населения пожилых возрастов. В 2013 г. в 56 регионах страны на долю детей и подростков приходилось менее 20% жителей (на начало 2000 г. таких регионов было 41, в 1990 г. – 3).

В этой связи важным вызовом для России является сохранение здоровья подрастающего поколения. Потенциал здоровья детей снижается с самого раннего детства, о чем свидетельствует рост их заболеваемости. В стране около 35% детей рождаются больными или заболевают в ближайшее время, в Вологодской области этот показатель составляет около 30% *(рис. 3)*.

Материалы государственной статистики характеризуют состояние и тенденции изменения здоровья детской популяции в целом и позволяют оценить его как компонент здоровья общественного. Понять изменения индивидуального здоровья детей помогают специальные исследования. С этой целью в Вологод-

Рис. 3. Заболеваемость детей в возрасте от 0 до 14 лет (на 100 тыс. детей)



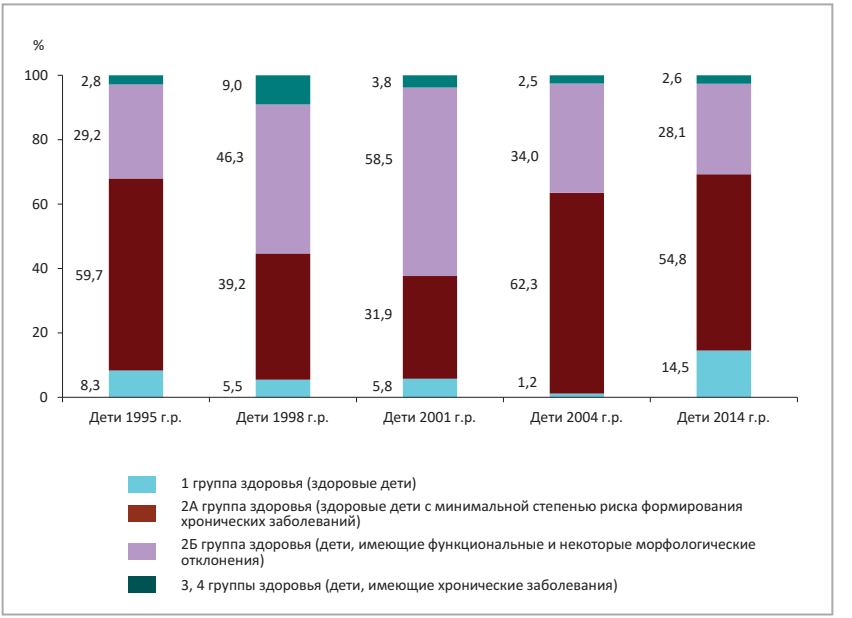
Источники: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2001–2014.; Основные показатели деятельности учреждений здравоохранения Вологодской области за 1999–2014 гг.: стат. сб. Вологда: Департамент здравоохранения Вологодской области, ГУЗ ДЗ ВО МИАЦ, 1999–2014.

ской области с 1995 г. проводится медико-социологический мониторинг здоровья и развития детей в режиме реального времени. В нем участвуют четыре когорты семей, в которых родились дети весной 1995, 1998, 2001, 2004 и 2014 годов *(рис. 4)*. Исследование дает уникальную возможность выяснить, как меняется здоровье детей, понять, какие факторы оказывают большее влияние на его формирование. Медико-социологический мониторинг позволяет увидеть детское здоровье и нездоровье на качественно ином уровне и более подробно обсуждать проблему.

В исследовании выявлено, что ухудшение здоровья происходит поэтапно, ступенчато. Установлены основные критические периоды детства:

- первый год жизни (среди новорожденных доля здоровых детей и детей с минимальным риском потери здоровья составляет 60–40%, к одному году она снижается до 20–15%);
- 6–7 лет (удельный вес детей, имеющих хронические заболевания, увеличивается в среднем на 5–6%), что связано с наиболее ответственными моментами социальной адаптации;

Рис. 4. Здоровье новорожденных детей (по материалам мониторинга), %



12 лет (к этому возрасту, в силу физиологических особенностей, укрепляется иммунная система детей, сокращается удельный вес часто болеющих простудными заболеваниями, однако увеличивается заболеваемость опорно-двигательного аппарата, желудочно-кишечного тракта, снижается острота зрения, т.е. растет число хронических патологий).

Особенно тревожным на этом фоне выглядит ослабление внимания медицинского персонала к категории детей, имеющих вторую группу здоровья. Часты случаи отнесения их к группе здоровых только на основании редкой обращаемости в медицинские учреждения[4].

[4] Шабунова А.А. Здоровье и здоровьесбережение подрастающего поколения // Дети и общество: социальная реальность и новации : сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Москва, 23–24 октября 2014 г. – М. : РОС, 2014. – С. 851-861.

По наблюдениям медицинских работников 70% расстройств, сформировавшихся у детей в начальных классах, к моменту окончания школы перерастают в хронические заболевания, при этом в 4–5 раз возрастает заболеваемость органов зрения, в 3 раза – органов пищеварения и опорно-двигательного аппарата, в 2 раза – заболеваемость нервно-психическими расстройствами[5].

Распространенность вышеперечисленных факторов риска довольно высока. Лишь 6% семей благополучны в этом отношении, в остальных риски присутствуют в различных сочетаниях. Более чем в трети семей отмечаются два каких-либо фактора риска, примерно в 20% семей сочетаются три. Наибольшая доля здоровых детей выявлена в семьях, где негативные воздействия отсутствуют или минимальны (около 30%). Наиболее велика доля детей, имеющих хронические заболевания, в семьях, сочетающих четыре (25%) и пять (33%) факторов риска. При этом факторы риска сконцентрированы в семьях с низкими доходами. Распространенность выявленных факторов риска в популяции представлена в *таблице 3*.

Полученные данные свидетельствуют о формировании определенной закономерности: широкая распространенность факторов риска в популяции ведет к ухудшению здоровья детей, это в свою очередь ведет к низкому уровню здоровья молодежи и в конечном счете отражается на здоровье взрослых, плохое здоровье родителей становится причиной нездоровья детей. Формируется так называемая «социальная воронка», куда всё активнее втягиваются молодые когорты: проблемы здоровья перемещаются из групп населения старшего возраста в группы детей и молодежи[6].

Негативные условия и факторы жизни вызвали ослабление иммунной защиты, развитие патологических процессов, депрессии и другие психические отклонения. Состояние «износа» и «уста-

[5] Шабунова А.А. Там же.

[6] Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 209–218.

лости» населения приводит к тому, что поколение детей не воспроизводит поколение родителей не только количественно, но и качественно[7].

Таблица 3. Распространенность факторов риска в популяции

Факторы	Распространенность в популяции
Неудовлетворительное здоровье матери	В 2014 г. в Вологодской области 8% женщин в репродуктивном возрасте оценивают свое здоровье как плохое и очень плохое; 43% – как удовлетворительное.
Низкий уровень гемоглобина у женщин в период беременности	Анемии составляют 33% заболеваемости беременных женщин.
Курение матери	Распространенность курения среди беременных женщин значительно возросла (с 3% в 1995 году до 10% в когорте 2014 г.). В Вологодской области в репродуктивном возрасте курит 29% женщин. Их доля увеличивается.
Условия труда будущей матери, не соответствующие санитарным нормам	В Вологодской области в 2006 г. 26% женщин трудились в не отвечавших санитарным нормам условиях, в то время как в 2000 г. этот показатель не превышал 7% (по данным Вологдастата).
Низкие доходы семей	Около 20% детей в возрасте до 16 лет в России проживают в условиях бедности. Выявлено и некоторое улучшение в данный период субъективных оценок покупательной способности семей, участвующих в мониторинге. Отмечено увеличение доли респондентов, которым денег хватает на все текущие расходы, с 27 до 38% соответственно. Число семей, считающих, что денег им хватает только на ежедневные расходы, но покупка одежды и других вещей представляет трудности, уменьшилось соответственно с 53 до 37%.
Неблагоприятные жилищные условия	13–18% семей, участвующих в мониторинге, проживают в плохих либо требующих капитального ремонта домах и квартирах.
Неудовлетворительные экологические условия в районе проживания	28% детей (по оценке родителей) проживают в плохих или очень плохих экологических условиях.

[7] Аналитический материал к разработке концепции государственной миграционной политики РФ [Эл. рес.]. Реж. дост.: http://www.proektnoegosudarstvo.ru/materials/analiticheskij_ material_k_razrabotke_kontceptcii_gosudarstvennoj_migratcionnoj_politiki_rf/

В России неуклонно растет численность подростков 15–17 лет, состоящих на учете по поводу тяжелых психических расстройств (шизофрения, шизоаффектные психозы, шизотипические расстройства и аффективные психозы). С 2000 г. она выросла на 45% (с 50,8 до 73,3 случая на 100 тыс. подростков)[8]. Данный показатель среди детей от 0 до 14 лет также увеличился – на 20% (с 12,7 до 15,2 случая на 100 тыс. детей соответственно[9]).

О распространении среди подростков 15–17 лет психических расстройств и расстройств поведения, связанных с употреблением психоактивных веществ, свидетельствует следующая тенденция. Если в начале 1990-х годов наиболее острой была проблема токсикомании, во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов – проблема быстрого роста наркомании, то в 2000-е годы на первый план стала выходить, как и для взрослого населения, проблема алкоголизма[10]. Зарегистрированная заболеваемость наркоманией достигла пика в 2000 году, когда под наблюдение было взято 6122 подростка (82 в расчете на 100 тысяч человек данного возраста), на учете в лечебно-профилактических учреждениях к концу года состояло 9062 подростка (121 на 100 тыс. подростков), а на профилактическом учете – еще 16 тысяч (218 на 100 тысяч). Заболеваемость подростков наркоманией резко снизилась к 2003 году, а затем продолжала снижаться умеренными темпами. В 2012 году под наблюдение с впервые в жизни установленным диагнозом наркомания было взято лишь 143 подростка (3,4 в расчете на 100 тысяч человек в возрасте 15–17 лет), на конец года в лечебно-профилактических учреждениях состояло на учете 284 подростка (6,9).

Психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением психоактивных веществ, регистрируются и у детей в возрасте до 14 лет. В 2000 г. под наблюдение было взято 216 детей. Начиная с 2010 г. их число составляет в среднем 7–8

[8] Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. Росстат. М., 2013. С. 147.

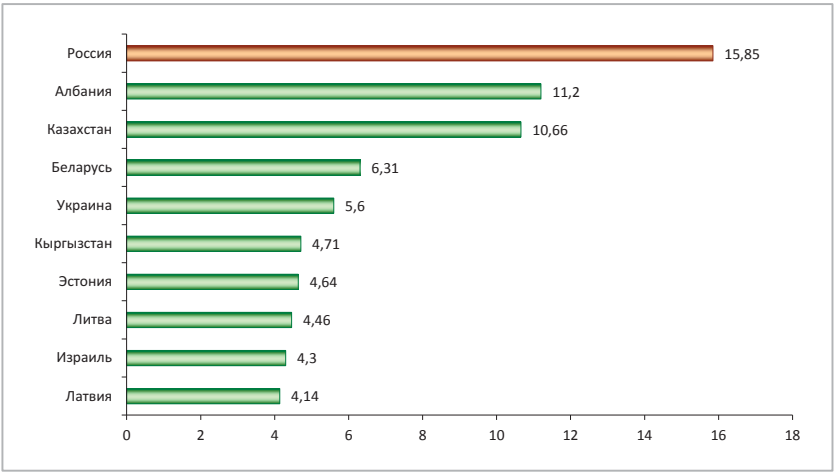
[9] Там же. С. 131.

[10] Щербакова Е. Число состоящих на учете с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, наркомания и токсикомания, в 2011 году продолжало сокращаться // Демоскоп Weekly. 2013. № 547–548. 18–31 марта 2013.

в год[11]. В 2012 г. на учете в лечебно-профилактических организациях с диагнозом наркомания состояло 13 детей до 14 лет. Кроме того, 427 детей состояли на профилактическом учете в связи с употреблением наркотических средств с вредными последствиями.

Российская Федерация возглавляет список европейских стран с максимальным уровнем смертности от насильственных причин среди молодежи в возрасте от 10 до 29 лет *(рис. 5)*. По данным ВОЗ ежедневно в Европе в результате насилия погибают примерно 40 молодых людей в возрасте от 10 до 29 лет, или более 15 тыс. человек в год[12]. Насилие является третьей по значению причиной смертности в этой возрастной группе. Для сравнения: в странах

Рис. 5. Государства с наиболее высоким уровнем смертности от насильственных причин среди лиц в возрасте от 10 до 29 лет в Европе (число умерших на 100 тыс. населения)



Источник: Доклад о предотвращении насилия и преступности среди молодежи / Европейское региональное бюро ВОЗ, 2010.

[11] Здравоохранение в России. 2013: стат. сб. / Росстат. – М., 2013. – 380 с.

[12] Европейский доклад о предотвращении насилия и преступности среди молодежи (European report on preventing violence and knife crime among young people) / World Health Organization, 2010.

Западной Европы уровень смертности лиц в возрасте от 10 до 29 лет несоизмеримо меньше – например, по 0,5 случая на 100 тыс. населения в Германии и Австрии.

В 2013 г. уровень самоубийств в Вологодской области уменьшился во всех возрастных категориях населения (*табл. 4*). Следует отметить, что в группе 10–19 лет снижение идет наименьшими темпами.

Таблица 4. Возрастная структура смертности населения Вологодской области от самоубийств (умерших на 100 тыс. населения данной возрастной группы)

Возрастная группа	Год											2013 к 1998
	1998	1999	2000	2002	2004	2006	2007	2008	2009	2010	2013	
10–19 лет (с 1998 по 2000 г. – 0-19 лет)	6,7	6,3	8,8	15,2	12,8	8,8	11,9	7,2	7,0	9,7	4,5	67,2%
20–39 лет	59,8	68,4	61,0	57,0	55,6	43,2	37,5	25,3	33,7	27,8	26,0	43,5%
40–59 лет	88,2	94,7	84,5	74,7	64,3	56,0	46,8	37,8	38,6	33,8	30,7	34,8%
60 и более лет	54,8	81,0	71,4	63,0	62,0	57,8	47,3	36,7	45,3	38,1	29,7	54,1%
Источник: база данных Федеральной службы государственной статистики [Эл. рес.]. Реж. дост: www.gks.ru												

Это можно объяснить тем, что представители данных категорий (в первую очередь дети и подростки) имеют повышенный уровень лабильности психики и, одновременно, не обладают жизненным опытом, достаточным для конструктивного реагирования на психотравмирующие ситуации, что повышает риск совершения суицида. Только в 2013 г. наблюдается значительное улучшение данного показателя.

Таким образом, мы видим, что проблема суицидального поведения актуальна для всего российского общества, и особенно в отношении детей и подростков. Самоубийства среди детей и подростков несут в себе комплекс угроз общественному развитию[13], важнейшими из которых мы считаем следующие.

[13] Морев М.В., Шматова Ю.Е. Социальные патологии в детско-подростковом возрасте (на примере исследований суицидального поведения) [Эл. рес.] // Вопросы территориального развития. 2014. № 10 (20). Реж. дост.: http://vtr.isert-ran.ru/article/1456

1. Социально-психологическая угроза. Социальная дезадаптация, по сути, – это невозможность индивида приспособиться к условиям социальной реальности, то есть это определенная негативно окрашенная реакция индивида на воздействие социальных условий. В детском возрасте такой реакции вообще не должно быть, поскольку представители данной возрастной группы только познают мир, их взаимодействие с социумом «прикрыто» родительской опекой, семьей. Тот факт, что в детско-подростковом возрасте имеют место проявления социальной дезадаптации, причем находящиеся в такой степени, что выражаются на физическом уровне, на уровне социальных патологий, вызывает особую тревогу относительно будущего молодого поколения и всей страны в целом.

2. Экономическая угроза. Чем моложе возраст смерти от самоубийства, тем больше потери человеческого и трудового потенциала территории. Это показала оценка экономического ущерба от преждевременной смертности вследствие различных причин[14], в т.ч. и некоторых форм деструктивного и аутодеструктивного поведения, проведенная в Вологодской области ИСЭРТ РАН в 2013 году[15].

---

[14] Одним из ключевых показателей при расчете стоимости социально-экономических последствий преждевременной смертности выступает стоимость экономического ущерба от потери члена общества, выраженная стандартизованными единицами «Потерянные годы продуктивной жизни (ПГПЖ)». В качестве меры стоимостного выражения данного ущерба использовался подушевой размер валового регионального продукта (ВРП) Вологодской области, рассчитанный исходя из численности населения, занятого в экономике в данном году. Это позволило определить размер упущенной выгоды региона вследствие смертности населения, находящегося в трудоспособном возрасте, при допущении, что всё оно является экономически активным. По каждому случаю смерти было определено количество лет «недожития» до пенсионного возраста (мужчины до 60, а женщины до 55 лет), просуммированы все случаи и умножено полученное число недожитых человеко-лет на среднегодовой валовой региональный продукт (ВРП) на одного занятого в экономике. В результате получался упущенный ВРП вследствие смертности от самоубийств.

[15] Короленко А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). DOI: 10.15838/esc/2015.4.40.14. С. 192–210.

Общие потери человеко-лет продуктивной жизни от смертности вследствие самоубийств составили в 2013 г. 3241 ПГПЖ *(табл. 5)*, в денежном эквиваленте – около 2 млрд. рублей, или 0,6% ВРП (для сравнения: ущерб от убийств – 2096 ПГПЖ, или 0,4% ВРП). Злоупотребление спиртными напитками наносит еще более значительный урон трудовому потенциалу региона. Исследование показывает необходимость более пристального внимания к проблеме в целях предотвращения аутодеструктивного и деструктивного поведения, особенно среди подростков.

Таблица 5. Структура бремени вследствие смертности населения Вологодской области в 2013 г. от различных групп причин

Причина смерти в 2013 г.	Смертность				ПГПЖ			Ущерб	
	Мужчин, в %	Женщин, в %	Всего случаев	% к общей смертности	Мужчин, в %	Женщин, в %	Всего	В млн. руб.	% к ВРП
Все причины	81,5	18,5	4783	100,0	80,9	19,1	54684	32667,1	9,4
Злокачественные новообразования	72,8	27,2	691	14,4	69,9	30,1	5818	3475,6	1,0
Сердечно-сосудистые заболевания	86,1	13,9	1550	32,4	86,6	13,4	13555	8097,5	2,3
Заболевания органов пищеварения	97,3	2,7	258	5,4	99,0	1,0	4889	2920,6	0,8
Алкоголь*	86,3	13,7	388	8,1	88,1	11,9	5109	3052,0	0,9
Внешние причины:	83,9	16,1	1327	27,7	85,6	14,4	23511	14045,0	4,0
суициды	87,6	12,4	177	3,7	89,8	10,2	3241	1936,1	0,6
убийства	84,3	15,7	102	2,1	88,9	11,1	2096	1252,1	0,4
ДТП	78,7	21,3	183	3,8	80,9	19,1	4119	2460,6	0,7

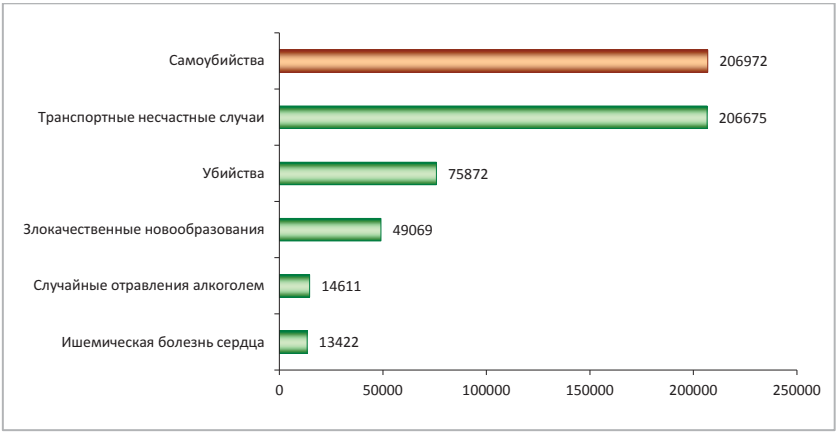
* Данная группа причин смерти включает психические расстройства (алкогольные психозы), дегенерацию нервной системы, вызванную алкоголем, алкогольную полиневропатию, алкогольную миопатию, алкогольную кардиомиопатию, алкогольный гастрит, алкогольную болезнь печени, хронический панкреатит алкогольной этиологии, алкогольный синдром у плода, случайное отравление алкоголем, преднамеренное отравление алкоголем, отравление и воздействие алкоголем с неопределенными намерениями.

В сравнении с другими причинами смертности при самоубийствах максимальные потери ПГПЖ имеют место в молодом возрасте (20–29 лет; *табл. 6*). В целом на данную группу приходится до 37% всех потерь ПГПЖ. Аналогичная ситуация наблюдается только в отношении транспортных несчастных случаев. Наибольшие потери от убийств зафиксированы в группе от 25 до 35 лет, от алкогольных отравлений – 30–39 лет, от новообразований и ишемической болезни сердца – 45–55 лет.

Таблица 6. Динамика ПГПЖ в различных возрастных группах населения Российской Федерации

Причина смерти	Возрастные группы										
	5–9	10–14	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59
Ишемическая болезнь сердца	47	42	3146	10276	25922	48541	72757	109537	175137	169830	60134
Злокачественные новообразования	12715	10881	20656	28413	40380	53263	63737	84667	132767	125041	44832
Случайные отравления алкоголем	0	136	2077	12534	29580	42136	42833	36123	37503	21740	4758
Транспортные несчастные случаи	13342	16119	68327	138348	113427	82378	52997	37639	29036	13881	2634
Убийства	2631	2408	21944	53928	64600	65788	52168	35366	28861	13749	2578
Самоубийства	515	10613	71571	135401	133027	105111	71107	48737	41590	22823	4566

Рис. 6. Потери ПГПЖ в возрастной группе от 15 до 24 лет, лет



Среди молодежи (возрастная группа от 15 до 24 лет) потери от самоубийств составляют почти 207 тысяч человеко-лет, что выше, чем потери вследствие всех рассматриваемых причин смертности *(рис. 6)*.

В целом на молодое поколение (до 24 лет) приходится треть суммарной величины ПГПЖ от самоубийств. Для сравнения: потери от ишемической болезни сердца составляют 2%, от новообразований – 15%, от алкогольных отравлений – 7%, от транспортных несчастных случаев – 43%. Следовательно, самоубийства несут наибольший социально-экономический ущерб вследствие широкого распространения среди людей молодого возраста.

3. Демографическая угроза. Смертность от самоубийств является не только психологической и социально-экономической угрозой, но и влечет демографические потери. Так, согласно нашим расчетам[16], потери ОПЖ вследствие смертности от суицидов, убийств и причин, связанных с употреблением алкоголя, составляют 1,3 года. При этом пик демографического ущерба приходится на возрастную группу до 19 лет *(табл. 7)*, в случае смертности от спиртных напитков – на молодежь 20–24 лет.

[16] Методика описана в книге: Вальчук Э.А., Гулицкая Н.И., Антипов В.В. Заболеваемость населения: методы изучения. Минск, 2000. С. 23.

Таблица 7. Потери ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) вследствие смертности населения от причин, связанных с ухудшением социального здоровья, 2012 г., лет

Возраст	Средняя ОПЖ	Общая потеря лет вследствие смертности от				ОПЖ без учета смертности от суицидов, убийств, причин, связанных с алкоголем
		суицидов	убийств	употребления алкоголя*	суицидов, убийств и причин, связанных с алкоголем	
0–1	70,35	**0,32**	**0,19**	0,62	1,13	71,48
1–4	69,7	**0,32**	**0,19**	0,62	1,13	70,83
5–9	65,73	**0,32**	**0,19**	0,62	1,13	66,86
10–14	60,79	**0,32**	0,18	0,62	1,12	61,91
15–19	55,86	**0,32**	0,18	0,62	1,12	56,98
20–24	50,98	0,3	0,17	**0,63**	1,1	52,08
25–29	46,26	0,26	0,14	0,62	1,02	47,28
30–34	41,6	0,23	0,11	0,6	0,94	42,54
35–39	37,18	0,2	0,1	0,56	0,86	38,04
40–44	33,13	0,15	0,07	0,46	0,68	33,81
45–49	28,87	0,12	0,05	0,36	0,53	29,4
50–54	24,77	0,09	0,04	0,27	0,4	25,17
55–59	21,13	0,05	0,02	0,18	0,25	21,38
60–64	17,88	0,02	0,01	0,1	0,13	18,01
65–69	14,84	0,01	0	0,02	0,03	14,87
70 и более	11,88	0	0	0	0	11,88

Обобщая всё вышесказанное, можно сделать вывод о том, что суицидальное поведение в детско-подростковой среде несет в себе угрозы: социально-психологическую, демографическую и экономическую. И это негативно отражается на формировании трудового и человеческого потенциала. Предотвратимость данного явления определяет важность разработки и принятия превентивных мер.

Сокращение численности молодых когорт сопряжено со значительным риском для развития страны, что проявляется прежде всего в снижении творческого потенциала, основным носителем которого выступает молодая часть трудовых ресурсов.

Молодое поколение современной России – один из тех ресурсов модернизации, потенциал которого пока используется не в полной мере. Молодежь представляет своеобразный накопитель исторического опыта и, в определенном смысле, показатель устойчивости общества и мощный инновационный фактор. Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. отметил: «...Сбережение нации, воспитание детей и раскрытие их талантов – то, что определяет силу и будущее любой страны, в том числе и нашей»[17].

Молодое поколение[18] в новых общественно-экономических условиях претерпевает значительные изменения в своих интересах, взглядах, ценностях [6, с. 5–6], а выбранные им социальные ориентиры во многом определяют будущее общества. Молодежный возраст сегодня – это понятие не столько демографическое, сколько социальное и политическое. Отношение общества к молодежи, ее положение и роль в обществе являются индикатором способности социума к быстрому развитию. Молодежь – носитель новых идей, значительного интеллектуального потенциала, расширенных способностей к творчеству (в силу присущих ей повышенных чувственности, восприятия, образности мышления и т.п.), критических взглядов и настроений в отношении существующей действительности, особенно необходимых в период преобразований в обществе. Являясь по природе противником консерватизма, молодежь способствует ускорению внедрения в практику новых идей, инициатив, новых форм жизни. В молодом возрасте человек легко приобретает основные знания, умения и навыки. Значимость и ценность молодости в современном мире повышается и в связи с необходимостью расширения объемов и глубины

[17] Послание Президента РФ Федеральному собранию от 03.12.2015.

[18] В Российской Федерации молодежным официально считается возраст от 14 до 30 лет (в Европе – от 15 до 29 лет), но при этом исследователи дифференцированно подходят к определению возрастных границ молодого населения. Так, например, при изучении потребления психотропных веществ в молодежной среде возрастные рамки определяются от 11 до 24 лет; профессиональной ориентации – от 15 до 26 лет; а при изучении экономических и политических вопросов – от 18 до 30 лет (учитываются избирательные права населения).

профессиональной подготовки, что неизбежно в условиях модернизации общества.

Анализируя молодежь как будущий трудовой потенциал страны, следует учитывать, что она по законам преемственности (по закону отрицания отрицания) осваивает наследуемые общественные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества, а в последующем осуществляет их воспроизводство. Будет это простое или расширенное воспроизводство – зависит в том числе и от уровня социального развития молодежи, ее формирующихся ценностей.

Итоги социологического опроса[19] молодежной когорты населения Вологодской области свидетельствуют о том, что молодые вологжане проявляют достаточно высокую политическую и информационную активность, заинтересованы в самореализации в культурном и социально-экономическом пространстве региона. Наиболее важными для себя ценностями молодежь отмечает *здоровье*, материальную обеспеченность, семью, любовь (4,5 балла из 5-ти; *табл. 8*). Для младшей группы (16–18 лет), в основной массе еще не приступившей к профессиональной деятельности, характерна большая привязанность к традиционным ценностям (семья, счастье). Для средней группы (19–24 года), в основной массе получающей профессиональное образование, на первый план выходят ценности свободы и независимости, что отражает реальную ситуацию – они определились с профессией, многие начали самостоятельную жизнь в отрыве от родителей. С возрастом (25–29 лет) увеличивается приоритет труда.

[19] Исследование проводилось в виде формализованного опроса молодежи. Форма исследования – поквартирный опрос в городах Вологде и Череповце и восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Шекснинском и Тарногском). В выборку исследования вошли 1000 чел. в возрасте 16–29 лет включительно (генеральная совокупность – 217 841 чел.). Выборка целенаправленная, квотная. Квоты выборки составлены в соответствии со следующими параметрами: 1) место проживания; 2) половозрастные характеристики. В выборку опроса вошло молодое население:

– г. Вологды – 32,8%; г. Череповца – 28,1%; районов области – 39,1%;

– в возрасте 16–18 лет – 14,7%; 19–24 – 39,2%; 25–29 – 46,1%;

– мужчины – 51%; женщины – 49%.

Таблица 8. Степень важности для молодежи различных аспектов жизни в разрезе возрастных групп (в баллах; где 1 – совсем не важно, 5 – очень важно)

Вариант ответа	Среднее по опросу		По возрасту					
			16–18		19–24		25–29	
	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг	Балл	Ранг
Здоровье	4,5	1	4,5	1	4,5	1	4,5	1
Материальная обеспеченность	4,5	1	4,4	2	4,5	1	4,4	2
Счастливая семейная жизнь	4,5	1	4,5	1	4,5	1	4,5	1
Любовь	4,5	1	4,4	2	4,5	1	4,5	1
Наличие хороших и верных друзей	4,4	2	4,4	2	4,4	2	4,3	3
Свобода, независимость	4,3	3	4,3	3	4,4	2	4,3	3
Интересная работа	4,2	4	4,1	5	4,3	3	4,2	4
Достоинство, честь	4,2	4	4,1	5	4,2	4	4,2	4
Эмоциональное спокойствие, внутренняя гармония	4,2	4	4,1	5	4,2	4	4,2	4
Развлечения	4,1	5	4,2	4	4,1	5	4	6
Социальная справедливость	4,1	5	4,1	5	4,2	4	4,1	5
Активная деятельная жизнь	4,0	6	3,9	7	4	6	4	6
Познание	4,0	6	3,9	7	4	6	4	6
Общественное положение, статус	4,0	6	4,1	5	4	6	4	6
Постоянное физическое и духовное совершенствование	4,0	6	4	6	4	6	4	6
Общественное признание, авторитет	3,9	7	4	6	3,9	7	3,9	7
Одобрение окружающих	3,8	8	3,9	7	3,8	8	3,8	8
Творчество, искусство	3,7	9	3,7	8	3,8	8	3,7	9
Источник: данные социологического опроса молодежи Вологодской области, 2015 г., № =1000 чел.								

Здоровье занимает лидирующие позиции в ранжированном перечне ценностей молодежи. Оценка важности здоровья среди молодых в целом выше, чем у всего населения региона (4,5 против 4,4 балла по пятибалльной шкале). Однако, по мнению молодежи, умение поддерживать свое здоровье наименее важно для людей, входящих в круг их общения, что говорит о недостаточной культуре самосохранительного поведения. В исследовании выявлено, что, выстраивая стратегию поведения при трудоустройстве, молодые люди не соотносят требования рабочих мест к здоровью и собственные возможности, вследствие чего происходит дальнейшее ухудшение здоровья, потеря производительности и оплаты труда (различия в производительности труда у молодежи с разным состоянием здоровья достигают 19%, в оплате – 34%). По мере взросления трудоустройство чаще осуществляется в соответствии с потенциалом, а отсутствие необходимого состояния здоровья частично восполняется высоким профессионализмом, что положительно влияет на результативность труда (различие в производительности труда – 11%, в оплате – 6%; *табл. 9*).

Таблица 9. Результативность трудовой деятельности в зависимости от возраста и состояния здоровья населения

Возраст	Состояние здоровья	Производительность труда, средний балл	Средний размер заработной платы, руб.	Индекс социальной дееспособности, ед.	
		2014 г.	2014 г.	2000 г.	2014 г.
До 30 лет	Отличное, хорошее	7,7	18008	0,700	0,710
	Удовлетворительное	7,0	14606	0,662	0,676
	Плохое, очень плохое	6,2	11850	0,613	0,597
После 30 лет	Отличное, хорошее	8,0	20829	0,676	0,701
	Удовлетворительное	7,4	17991	0,641	0,654
	Плохое, очень плохое	7,1	19535	0,581	0,582
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области, N=1500 чел.					

А вот ценность творчества у всех групп находится на одном из последних мест. С одной стороны, это связано с большей значимостью для современной жизни материальных приоритетов: ценность творческих проявлений для тех, кто не имеет финансовых затруднений (64%), на 10 процентных пунктов актуальнее, чем для тех, кому доходов хватает лишь на повседневные затраты (54%).

С другой стороны, это связано с распространённым явлением невостребованности данного качества работника на его рабочем месте. Около 20% опрошенных молодых людей проявляют себя творчески лишь в том случае, если получают соответствующее задание от начальства, еще столько же – в условиях возникновения практической необходимости, и лишь малая часть населения занимается творчеством и изобретательством на постоянной основе[20]. То есть возникает двоякая ситуация: молодые люди имеют определенный запас креативности и изобретательства (это будет показано ниже), а экономика еще не успела перестроиться на инновационные запросы к молодым кадрам.

Как свидетельствует мировой исторический опыт модернизации, отсутствие государственной политики в сфере управления молодежным ресурсом формирует в обществе разнонаправленные тенденции. С одной стороны, возможность для участия молодых людей в общественной жизни, с другой – «размывание и утечку данного ресурса». Стране требуется эффективная программа модернизации, в которой была бы определена его роль. В этом случае вовлечение молодежи в социально-экономическое развитие государства видится одним из наиболее вероятных сценариев становления её как субъекта модернизации.

В то же время эффективное развитие и продуктивное использование потенциала молодых становится главным преимуществом стран с инновационной экономикой. В Послании Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г. сказано: «Российскую школу, дополнительное и профессиональное образование, поддержку детского творчества нужно настроить на будущее

[20] Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / кол. авт.; под общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 151 с.

страны, на запросы как... молодых людей в данном случае, так и на запросы экономики, имея в виду перспективы её развития. Им, ребятам, предстоит решать ещё более сложные задачи, и они должны быть готовы стать первыми, стать не только *успешными в профессии*, но и просто порядочными людьми с *прочной духовной и нравственной опорой*»[21].

Успешность молодых поколений, занятие ими достойного места в российском обществе в значительной мере зависит от своевременного поощрения инициативы каждого ученика в школе, студента в вузе, степени их адаптации к постоянно меняющемуся миру и социуму. В нормативную и практическую канву образования (новые ФГОС) одновременно с принятием Закона «Об образовании в РФ» (2012 г.) была введена задача формирования компетенций[22], которая позволяет учащимся совместить теоретические знания и их практическое применение для решения не только конкретных жизненных задач, но и проблемных ситуаций. Современному обществу нужны работники, которые хорошо ориентируются в профессиональном пространстве, а их образовательный потенциал может способствовать общественному признанию и востребованности в социуме[23].

Исследование сформированности компетенций у молодого населения, проведенное с использованием данных опроса молодежи Вологодской области[24], показало, что более высокий уровень развития компетенций обеспечивает инновационную активность (наличие проектов, разработок и изобретений) студентов (3,93 против 3,69 балла – при отсутствии разработок; *табл. 10*).

---

[21] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г.

[22] В переводе с латинского «компетенция» означает круг вопросов, в которых человек хорошо осведомлён, обладает познаниями и опытом.

[23] Королёва Л.В. Социальные компетенции и воспитание успешности // Начальная школа плюс До и После. 2010. № 12. С. 30–37.

[24] Пилотный опрос (октябрь 2015 г.) был направлен на определение уровня развития компетенций студентов высших и средних профессиональных образовательных организаций г. Вологды (500 чел.) и влияния его на инновационную активность молодежи. Выборка сформирована с учетом удельного веса студентов той или иной образовательной организации в общей численности обучающихся и разной успеваемости для исключения смещённости данных.

Таблица 10. Распределение молодых людей по наличию изобретений в зависимости от уровня развития компетенций, %

Уровень развития компетенций (средний балл)	Есть изобретения	Вид изобретений			
		Устройство	Способ	Компьют. программы	Методы и технологии
Разбиение на основании среднего и стандартного отклонения					
До 3,18	9,3	0,0	0,0	8,3	20,0
От 3,18 до 3,71	11,6	11,1	8,4	16,7	0,0
От 3,71 до 4,25	60,5	77,8	58,3	58,3	60,0
Больше 4,25	18,6	11,1	33,3	16,7	20,0
Разбиение на 3 группы (деление шкалы от 1 до 5 на 3 равные группы)					
Низкий уровень (до 2,33)	2,3	0,0	0,0	0,0	20,0
Средний уровень (2,33...3,66)	16,3	11,1	8,3	16,7	0,0
Высокий уровень (выше 3,66)	81,4	88,9	91,7	83,3	80,0
Источник: Пилотный социологический опрос по оценке уровня развития компетенций студентов ВПО и СПО, г. Вологда, 2015 г., N=500 чел.					

Свою принадлежность к инновационно активному обществу отметили 9% студентов, обучающихся в вузах и колледжах региона. На вопрос: «Приходилось ли в течение последнего года что-либо изобретать?» – положительно ответили около 1% студентов, имеющих патенты на изобретения, и 8% от числа тех, у кого есть изобретения, но нет патентов *(табл. 11)*. Это в целом соотносится со статистическими данными об уровне инновационной активности населения.

В 60% случаев наличие изобретений обеспечивалось за счет участия в инновационном процессе студентов с уровнем развития компетенций «выше среднего» (3,71–4,25 балла по пятибалльной шкале). Зависимость изобретательской активности молодежи в большей степени связана с уровнем развития инновационных навыков (способность к исследовательской работе, навыки управления проектами, проявление креативности; *табл. 12*).

Таблица 11. Наличие изобретений и их патентование, в % от числа ответивших

Вариант ответа	Среднее	ВПО, всего	в том числе:		СПО, всего	в том числе:	
			первый курс	последний курс		первый курс	последний курс
Да, у меня есть изобретения и они запатентованы	0,8	1,1	1,7	0,6	0,0	0,0	0,0
Да, у меня есть изобретения, но они не запатентованы	8,3	7,2	7,8	6,7	12,3	13,1	11,3
Нет, у меня нет никаких изобретений	90,9	91,6	90,6	92,7	87,7	86,9	88,7
Источник: Пилотный социологический опрос по оценке уровня развития компетенций студентов ВПО и СПО, г. Вологда, 2015 г., N=500 чел.							

Таблица 12. Уровень развития некоторых навыков и наличие (отсутствие) изобретений (средний балл по пятибалльной шкале)

Компетенции в …	Есть изобретения	Нет изобретений
Управлении проектами	3,9	3,4
Проявлении креативности (творчество, изобретательство)	4,2	3,8
Построении профессиональных перспектив	4,0	3,6
Способности определять цели деятельности	4,0	3,8
Способности к общению, взаимодействию	4,1	4,0
Способности учитывать нормы и ценности других культур	4,1	4,0
Источник: Пилотный социологический опрос по оценке уровня развития компетенций студентов ВПО и СПО, г. Вологда, 2015 г., N=500 чел.		

Для Российской Федерации важнейшими геополитическими вызовами, таким образом, являются сохранение и преумножение численности населения и повышение человеческого потенциала. Происходит снижение доли молодых в общей численности населения. Впервые в истории России удельный вес детей стал ниже удельного веса населения пожилых возрастов. В 2013 г. в 56 реги-

онах страны на долю детей и подростков приходилось менее 20% жителей (на начало 2000 г. таких регионов было 41, 1990 г. – 3). Кроме снижения численности, ухудшается потенциал детского здоровья: в стране около 35% детей рождаются больными или заболевают в ближайшее время (в Вологодской области этот показатель около 30%).

Неуклонно растет численность подростков 15–17 лет, состоящих на учете по поводу тяжелых психических расстройств. Наибольший социально-экономический ущерб обществу несут самоубийства людей молодого возраста вследствие широкого распространения в этой среде (на молодое поколение – до 24 лет – приходится треть всех потерь ПГПЖ от самоубийств). В то же время важность самосохранительного поведения недооценивается молодежью.

Эффективное развитие и продуктивное использование потенциала молодых является главным преимуществом стран с инновационной экономикой. Более высокий уровень развития профессиональных компетенций обеспечивает и более высокую инновационную активность.

Внимание к проблемам детей и молодёжи в современной России приобретает особый импульс развития в свете новых глобальных вызовов. Ожидаемый результат представляется в актуализации интеллектуального, профессионально-трудового, демографического, социокультурного, личностного потенциалов подрастающих поколений.

Необходима активизация мер по минимизации демографических потерь, как количественных, так и качественных. Основные мероприятия, направленные на здоровьесбережение, важно организовать так, чтобы наибольший эффект от их реализации приходился на возрастную группу 20–24 лет.

Требуется ввести задачу социализации детей в предметное поле воспитательной работы образовательных организаций как одну из ключевых. В основу воспитательных и образовательных программ в рамках федерального государственного образовательного стандарта, а также специальных вариативных курсов по нравственно-моральному воспитанию должны быть заложены принцип и за-

дача формирования этической нормы как интегрирующей общефилософский, гуманистический, теологический, аксиологический, правовой компоненты понимания мира. На уровне образовательных организаций следует реализовывать постоянный мониторинг психоэмоционального состояния обучающихся и профилактическую деятельность по формированию благоприятного психологического климата в школе и семье.

Приобретает актуальность и задача формирования системы мониторинга текущих и перспективных потребностей работодателей в кадрах необходимой квалификации, востребованности тех или иных профессиональных компетенций. Это требует активизации сотрудничества между образовательными организациями и работодателями, усиления профориентационной работы среди молодежи образовательных организаций разного уровня, в том числе предоставления услуг по диагностике способностей учащихся с акцентом на выборе направления деятельности в соответствии с уровнем развития навыков, и осуществления прогноза социально-экономических последствий трудоустройства не по специальности и без учета функциональных возможностей организма.

Для повышения инновационной активности молодежи целесообразным представляется увеличение вовлеченности студентов в научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, усиление их практической направленности, создание «площадок» для разработки и реализации междисциплинарных исследовательских проектов, формирование условий для накопления общей эрудированности, исследовательских способностей, умения анализировать конкретные ситуации, способности общаться со специалистами из других областей.

Необходимо выработать эффективные механизмы модернизации, в которых были бы определены стратегии «выживания» современной молодежи. В этом случае процесс вовлечения молодых людей в социально-экономический потенциал государства видится как вероятный сценарий становления группы в качестве субъекта модернизации в рамках формирования адекватного ответа на глобальные вызовы современности.

Литература

1. Аналитический материал к разработке концепции государственной миграционной политики РФ. URL: http://www.proektnoe gosudarstvo.ru/materials/analiticheskij_material_k_razrabotke_ kontceptcii_gosudarstvennoj_migratcionnoj_politiki_rf/
2. Вишневский А. Россия: демографические итоги двух десятилетий и ближайшие перспективы // Мир России. Социология. Этнология. 2012. № 3. Т. 21. С. 3–40.
3. Вальчук Э.А. Заболеваемость населения: методы изучения / Э.А. Вальчук, Н.И. Гулицкая, В.В. Антипов. Минск, 2000. 23 с.
4. Гудков Л.Д. Молодежь России / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. М.: Московская школа политических исследований, 2011. 96 с.
5. Долгосрочный прогноз научно-технологического развития Российской Федерации (до 2025 года).
6. Доброхлеб В.Г. Человеческий потенциал и модернизация // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2014. № 4–5. С. 84–88.
7. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Основные направления совершенствования демографической и семейной политики в современной России // Народонаселение. 2013. № 1 (59). С. 30–41.
8. Европейский доклад о предотвращении насилия и преступности среди молодежи // European report on preventing violence and knife crime among young people / World Health Organization 2010.
9. Здравоохранение в России. 2013: стат.сб. Росстат. М., 2013.
10. Короленко А.В. Динамика смертности населения России в контексте концепции эпидемиологического перехода // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 4 (40). С. 192–210.
11. Королёва Л.В. Социальные компетенции и воспитание успешности // Начальная школа плюс До и После. 2010. № 12. С. 30–37.
12. Леонидова Г.В., Головчин М.А. Социокультурные характеристики современной молодежи: некоторые результаты пилотного исследования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5. С. 113–126.

13. Молодежь современной России – ключевой ресурс модернизации / кол. авт.; под общ. ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 151 с.
14. Морев М.В., Шматова Ю.Е. Социальные патологии в детско-подростковом возрасте (на примере исследований суицидального поведения) // Вопросы территориального развития. 2014. № 10 (20). URL: http://vtr.isert-ran.ru/article/1456/full
15. Национальная безопасность России: внутренние угрозы реализации стратегии / кол. авт. под рук. В.А. Ильина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. 132 с.
16. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 3 декабря 2015 г.
17. Римашевская, Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России / Н.М. Римашевская // Вестник Российской академии наук. 2004. Т. 74. № 3. С. 209–218.
18. Финансовый макроанализ в здравоохранении: рекомендации для использования на региональном и муниципальном уровнях / С.П. Ермаков, М.Д. Дуганов, А.Н. Макеев, А.А. Колинько. М., 2000.
19. Шабунова А.А. Здоровье и здоровьесбережение подрастающего поколения // Дети и общество: социальная реальность и новации: сб. докладов на Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, г. Москва, 23-24 октября 2014 г. М.: РОС, 2014. С. 851–861.
20. Щербакова, Е. Число состоящих на учете с диагнозом алкоголизм и алкогольные психозы, наркомания и токсикомания в 2011 году продолжало сокращаться // Демоскоп Weekly. 2013. № 547–548. 18-31 марта.

1.2. О социальной активности и ценностях молодёжи

Социально-экономические преобразования в России конца XX века оказали влияние не только на функционирование экономических и общественных институтов, но и вызвали значительные изменения социального положения различных групп населения, в том числе тех, которые традиционно считались носителями передовых идей. Ключевая роль в новых условиях принадлежит молодёжи, поскольку именно её интересы, взгляды, ценности претерпевают значительные изменения [6, с. 5–6], а выбранные социальные ориентиры во многом определяют будущее общества.

Понятие «молодёжь» – хорошо известная категория социального мира, не имеющая однозначного толкования. Несмотря на длительный период исследования проблем в молодёжной среде, по-прежнему существуют дискуссионные аспекты, одним из которых на протяжении полувека остаётся вопрос о возрастных границах молодёжи (в социологии, психологии, антропологии, демографии и т. д.). Он неясен и для решения практических задач, когда необходимо получение однозначного ответа в целях нормативного регулирования отдельных сторон молодёжной сферы [5].

Анализ теоретико-методологических подходов позволил сформулировать обобщённое определение: молодёжь – это особая социально-демографическая группа в возрасте от 14 до 30 лет, обладающая таким уровнем мобильности, интеллектуальной

Шабунова А.А. О социальной активности и ценностях молодёжи // Проблемы развития территории. 2013. № 2 (64). С. 7–11.

активности и здоровья, который выгодно отличает её от других социальных групп и позволяет быстрее приспосабливаться к новым условиям жизни ввиду своих социально-психологических, творческих и физических особенностей, играющая значительную роль в развитии инновационного потенциала территории.

Молодёжный возраст сегодня – это понятие не столько демографическое, сколько социальное и политическое. Отношение общества к молодёжи и роль в нём являются индикатором способности социума к быстрому развитию. Молодёжь – носитель критических взглядов и настроений в отношении существующей действительности, новых идей и энергии, особенно необходимых в период преобразований в обществе. Данная социальная группа обладает значительным интеллектуальным потенциалом, способностями к творчеству (в силу присущих особенностей восприятия, образности мышления и т. п.). Являясь по природе противником консерватизма, молодёжь способствует ускорению внедрения в практику новых идей, инициатив, форм жизни.

В молодом возрасте человек легко приобретает основные знания, умения и навыки. Значимость и ценность молодёжи в современном мире повышается и в связи с необходимостью расширения объёмов и глубины профессиональной подготовки, что неизбежно в условиях модернизации общества.

Одной из важных характеристик молодёжи как наиболее физически и психологически здоровой страты населения является её потенциал здоровья. Молодые обладают значительным запасом нерастраченной энергии, которая при умелом руководстве может внести позитивные изменения в жизнь общества. Принципиально новые типы машин и оборудования, новейшие технологии, системы управления, составляющие основные факторы интенсификации экономики, могут быть созданы только людьми современного типа мышления. Это наиболее мобильная часть общества, оказывающая активное воздействие на динамику социальной структуры, изменения классового и слоевого состава населения. Для молодёжи характерна высокая интенсивность как вертикальной, так и горизонтальной мобильности (наибольшее число переходов из одних социальных групп в другие приходится, например, в России на

первые 10 лет трудового стажа). Кроме того, ей свойственна территориальная, информационная и интеллектуальная мобильность.

Обсуждая социальный статус молодёжи, следует учитывать, что она по законам преемственности (по закону отрицания отрицания) осваивает наследуемые социальные отношения, духовные и материальные ценности конкретного общества, а в дальнейшем осуществляет их воспроизводство. Будет ли это простое или расширенное воспроизводство, зависит от уровня социального развития молодёжи, которое определяется отношением к ней общества.

Нацеленное на прогресс и развитие общество обучает и воспитывает молодёжь и побуждает её быть социальным субъектом, способным к инициативе и обратному воздействию на общество. Если же общество настроено лишь на сохранение существующего порядка, консервацию его идей, ценностей и традиций, молодёжь не вовлекается в общественную жизнь и является в большей степени объектом воздействия.

Исследование социально-экономического положения молодёжи Вологодской области проведено ИСЭРТ РАН совместно с Комитетом по физической культуре, спорту и молодёжной политике Вологодской области в октябре – ноябре 2012 года во всех муниципальных образованиях области.

Основные характеристики выборочной совокупности исследования: выборка целенаправленная, ступенчатая, квотная по полу и возрасту; её объём составляет 3023 чел. в возрасте от 14 до 29 лет. Опрос проводился методом раздаточного поквартирного анкетирования в городах Вологде, Череповце и 26 районах области. Ошибка выборки – менее 3%.

Главные социально-экономические характеристики участников обследования таковы: 27% имеют незаконченное среднее, 40 – среднее или среднее специальное и 33% – высшее и незаконченное высшее образование. Среди опрошенных – 53% работают, 47 – не работают, при этом 7% на момент обследования были официально безработными. Характеризуя свои финансовые возможности, 15% отказались от ответа (это в основном школьники), у 16% доходы можно считать достаточными, у 48 – удовлетворительными, у 21% – неудовлетворительными.

В данном материале мы остановимся на двух важных характеристиках молодёжи региона: социальная активность и основные ценности. По данным Левада-Центра, более половины (54%) молодых людей не проявляют интереса к политике. Такая же ситуация в Испании, Нидерландах, Финляндии, на Украине, где только для 5% молодёжи вопросы политики являются актуальными [2]. На региональном уровне активность молодёжи в политической жизни также невелика. В Вологодской области большая часть молодёжи не участвует в общественной и политической жизни страны (61%; *табл. 1*).

Таблица 1. Общественно-политическая активность молодёжи Вологодской области (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Всего в исследовании	В возрасте 14 – 17 лет	В возрасте 18 – 29 лет
Принимаете ли активное участие в общественной и политической жизни страны?			
Да и скорее да	27	25	30
Нет и скорее нет	61	60	57
Затрудняюсь ответить	12	15	13
Состоите ли Вы в общественных организациях?			
Да	15	20	10
Нет	85	80	90
Участвуете ли Вы в олимпиадах, конкурсах, фестивалях?			
Да	23	55	15
Нет	77	45	85

О своём членстве в какой-либо партии заявили только 2% молодёжи региона, в общественных организациях состоит около 12% молодых людей, участвуют в деятельности профсоюзов 4%. Невысокий уровень общественно-политической активности молодёжи не отражается на её оценке политической ситуации в стране и регионе.

В отношении губернатора Вологодской области и в городах, и в районах доля положительных характеристик почти в 2 раза превышает удельный вес негативных отзывов *(рис. 1)*. Мнение молодых людей о деятельности глав местных администраций также является позитивным *(рис. 2)*.

Рис. 1. Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность губернатора области? (в % от числа опрошенных)

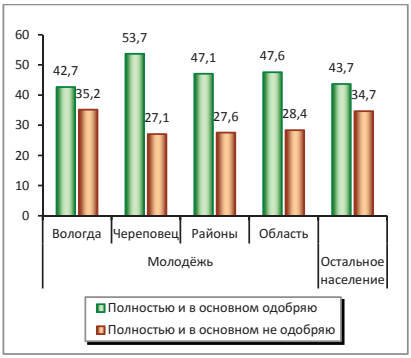
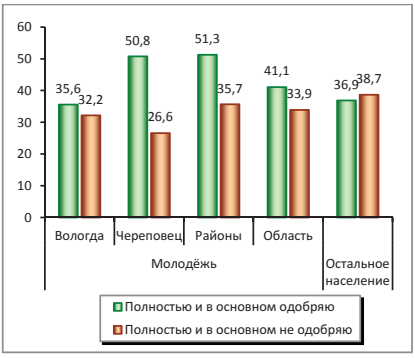


Рис. 2. Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность главы местной администрации? (в % от числа опрошенных)



Полученные данные свидетельствуют о низком уровне реального участия молодёжи в политических и общественных инициативах, о необходимости усиления работы по формированию в регионе общественно-политической силы, способной аккумулировать интересы молодого поколения.

Молодых людей в Вологодской области беспокоят прежде всего низкий уровень доходов (молодёжь – 56%, население в целом – 33%), инфляция (44 и 58%), нехватка рабочих мест и безработица (37 и 9%). Для сравнения: в среднем по стране на материальные трудности, высокие цены указывает 71% молодых людей, на проблему трудоустройства, безработицы – 54% [1, с. 38].

Анализируя терминальные ценности, отметим, что первое место у молодёжи региона занимает здоровье [7, с. 141], второе – семья, третье – материальная обеспеченность. Замыкают список ценностей активная жизнь и творчество *(табл. 2)*.

Среди главных интересов молодых людей – семья и дом (41%). У череповчан на втором месте работа (16%), у жителей районов и г. Вологды – учёба, образование, повышение квалификации (18%).

Исследование показало, что ценностное пространство молодёжи Вологодской области определено общительностью, свободой и независимостью. Значимость работы больше ценится городской

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос
«Какие терминальные ценности для Вас наиболее значимы?», в %

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Здоровье	49,9	32,3	62,3	57,0
Семья	43,8	37,0	58,9	54,3
Материальная обеспеченность	25,2	10,2	40,2	34,6
Любовь	28,1	11,0	39,1	34,2
Уверенность в себе	27,0	4,7	36,5	31,3
Друзья	21,2	6,0	32,4	27,7
Работа	20,6	5,5	31,4	26,8
Свобода	17,4	6,0	30,1	25,5
Активная жизнь	17,4	2,9	28,2	23,7
Творчество	10,7	3,4	18,2	15,4
Источник: здесь и далее – данные социологического опроса молодёжи Вологодской области, 2012 г.				

молодёжью. Достижение успехов в жизни современные молодые люди чаще связывают с наличием хороших связей с нужными людьми (46%). Каждый третий объясняет жизненный успех умением хорошо работать, профессионализмом и наличием высшего образования, каждый четвёртый – высокооплачиваемой работой и влиятельными родственниками, каждый шестой – удачей и хорошей (востребованной) специальностью.

Представленные результаты исследования позволяют заключить, что проблемы, характерные для российского населения в целом, более остро проявляются в молодёжной среде. Следует подчеркнуть, что низкая субъективная вовлечённость молодёжи в общественные процессы не формирует адаптационный механизм социализации, что значительно тормозит необходимые инновационные преобразования. В августе 2010 года Генеральный секретарь ООН призвал к активизации усилий «по вовлечению молодёжи в процессы разработки стратегий и программ и в процессы принятия решений во имя её и нашего будущего».

Несмотря на то, что на страновом и региональном уровнях предпринимаются определённые усилия для изменения ситуации (создаются молодёжные парламенты и советы, организуются все-

российские молодёжные форумы), этих мер недостаточно для решения проблем в молодёжной среде и часто они носят несистемный характер.

Для преодоления негативных тенденций необходима системная целенаправленная работа государства и общественных организаций, опирающаяся на положения национальной молодёжной политики, способствующая повышению сплочённости и социальной активности молодёжи, усилению профессиональной ориентации молодых людей и их ответственности при осуществлении трудового выбора, привитию основ здорового образа жизни молодому поколению.

Литература

1. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодёжь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011. 96 с.
2. Европейское социологическое исследование (The European Social Survey). URL: http://ess.nsd.uib.no/ess/ound4/ nline.html
3. Леонидова Г.В. Генерация знаний талантливой молодёжи в интересах интеллектуализации человеческого капитала: методы и формы осуществления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1 (13). С. 90–100.
4. Леонидова Г.В., Попов А.В. Социальный портрет творческих людей // Проблемы развития территорий. 2012. № 2 (58). С. 45–54.
5. Луков В.А. Теории молодёжи: возможности для развития. URL: http://www.rikmosgu.ru/ublications/ 559/4015/
6. О положении молодёжи в Самарской области: доклад / Т.А. Фомина, М.В. Чураков, Т.Н. Громова и др. Самара, 2011.
7. Шабунова А.А., Корчагина П.С. Ценностные установки и поведенческие практики как значимые факторы самосохранительного поведения молодёжи // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2012. № 6 (24). С. 138–145.

Глава II. Человек на рынке труда

2.1. Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию

Одной из актуальных проблем общественных наук является определение влияния разнообразных факторов на социально-экономическое развитие общества. В экономической науке все больше утверждений о том, что наряду с экономическими ресурсами не меньшее значение имеют и неэкономические. К последним относят социально-политические, географические, психологические, инфраструктурные и другие факторы[1]. Среди неэкономических факторов исследователями выделяются: информация, «качественный и производительный труд, качество жизни, уровень культуры, образования, профессиональных знаний и навыков, состояния здоровья как компонентов человеческого капитала, на деле доказавших свою способность быть «мотиваторами» долгосрочного и стабильного экономического развития»[2] *(табл. 1)*.

Исследование выполнено в рамках проекта РГНФ № 15-22-01013 «Профессиональное призвание: человеческий потенциал инновационного развития» (2015–2016 гг.).

Статья подготовлена в соавторстве с Г.В. Леонидовой, Е.А. Чекмаревой.

Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 162–179. DOI: 10.15838/esc/2017.4.52.9

[1] Ипатов П.Л., Динес В.А., Русановский В.А. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики // Экономика и управление. 2009. № 3/6 (44). С. 5–12.

[2] Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. № 3 (33). С. 45–56.

Таблица 1. Неэкономические факторы роста экономики

Типы неэкономических факторов	Виды неэкономических факторов
Социально-политические	Социально-политическая стабильность Межэтническое и межконфессиональное согласие
Психологические	Предпринимательские склонности (предприимчивость) Мотивация
Географические и природно-климатические	Географические условия Климатические условия Световая зона
Инфраструктурные	Научная и техническая, коммуникационная, образовательная, медицинская, культурная инфраструктура
Социокультурные	Ментальные установки Нравственность Культурные традиции *Профессиональное призвание*
Источники: составлено авторами по: Ипатов П.Л., Динес В.А., Русановский В.А. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики // Экономика и управление. – 2009. – №3/6 (44). – С. 5-12; Седюкова Е.А., Безгласная Е.А. Неэкономические факторы и их влияние на успешность модернизации экономики // Научный электронный архив. – URL: http://econf.rae.ru/article/6442 (дата обращения: 28.11.2016).	

Воздействие неэкономических факторов носит опосредованный и многоступенчатый характер, имеет более продолжительный временной лаг в сравнении с действием экономических факторов. Непринятие их во внимание, как показывает экономическая практика, приводит к несвоевременности и неадекватности мер, осуществляемых на разных уровнях регулирования и прогнозирования народного хозяйства[3].

В данной статье мы остановимся на определении влияния неэкономических факторов на экономическое развитие территории, выделив среди них социокультурные ресурсы, в числе которых –

[3] Седюкова Е.А., Безгласная Е.А. Неэкономические факторы и их влияние на успешность модернизации экономики // Научный электронный архив. URL: http://econf.rae.ru/article/6442 (дата обращения: 28.11.2016).

ментальные установки, жизненные ценности, национальные и культурные традиции населения, профессиональное призвание.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили данные социологических опросов о качественном состоянии трудового потенциала населения Вологодской области, проведённых ИСЭРТ РАН на территории региона в 2014 и 2016 годах[4].

Для измерения качественных характеристик населения трудоспособного возраста в рамках мониторинга нами использовалась методика[5], основанная на концепции качественных характеристик населения (Н.М. Римашевская). Она позволяет в индексной форме оценить восемь базовых качеств[6] (физическое и психическое здоровье населения, когнитивный потенциал и творческие способности, коммуникабельность, культурный нравственный уровни, потребность в достижении) и рассчитать интегральный индекс качества трудового потенциала, трактуемого в представленной методике как социальная дееспособность *(рис. 1)*.

Следует отметить, что исследование проблемы профессионального призвания проводилось при поддержке Российского гуманитарного научного фонда с 2015 г. совместно с учеными Института социологии НАН Беларуси. При этом блок вопросов, оценивающих распространенность феномена, был использован также в исследованиях, выполненных ИСЭРТ РАН: «Качество трудового потенциала населения Вологодской области» (2014 и 2016), «Социокультурный портрет региона» (2015), «Профессиональное призвание» (2016). В работе приведены данные социологического опроса населения Могилевской области Республики Беларусь, проведенного сотрудниками Института социологии НАН Беларуси в 2016 г.

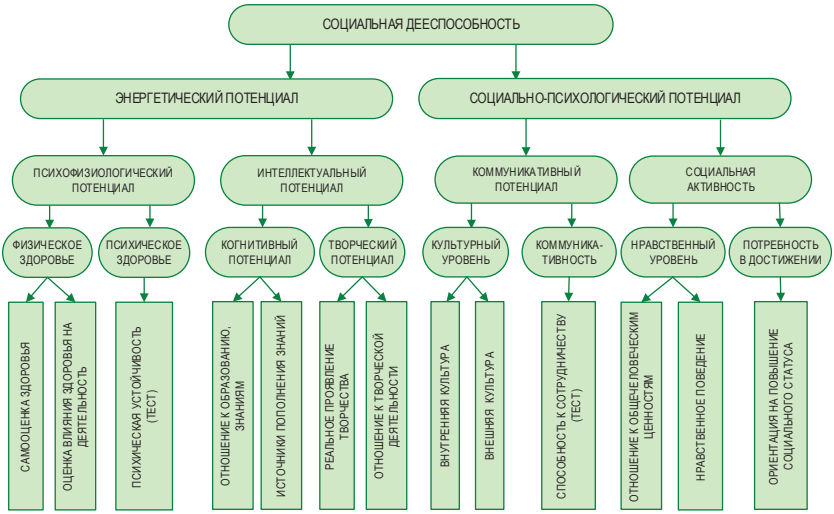
---

[4] Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объём выборки – 1500 человек трудоспособного возраста. Метод выборки: районирование с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Тип выборки: квотная по полу и возрасту. Величина случайной ошибки выборки: 3–4% при доверительном интервале 4–5%.

[5] Римашевская Н.М. О методологии определения качественного состояния населения // Демография и социология. Вып. 6. М., 1993.

[6] Оценка качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области проводится с 1997 г.

Рис. 1. Структура качества трудового потенциала



Источник: Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике : монография. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2015. – 195 с.

Теория

К социокультурным факторам экономического развития обращались в своих исследованиях такие ученые, как П. Сорокин, А. Ахиезер, А. Аузан, Н. Лапин, Л. Ионин, Н. Черныш, М. Горшков, В. Ядов и др.

Основные факторы любых социальных изменений, согласно исследованиям П.А. Сорокина, «находятся в самих социокультурных явлениях и тех социокультурных условиях, в которых они происходят и функционируют»[7]. Под «социокультурным» он понимал все то, что «люди получают от других людей благодаря непрекращающемуся взаимодействию с культурой как носителем надорганических ценностей». «Надорганические ценности» в данном случае это все производные сознания человека (язык, наука и философия, религия, искусство, право, этика, нравы, манеры, технические

[7] Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.

изобретения и т.п.). «Социокультурность» в его понимании – базовая категория надорганики (социального мира)[8].

В работах А. Ахиезера «социокультурная среда» трактуется как внешняя по отношению к индивиду реальность. Причем, автор характеризует ее прежде всего «уровнем творческого потенциала окружающих субъекта людей, уровнем их рефлексии, например, уровнем, масштабом частной инициативы, сложившимся шагом новизны, мощностью, потоком и характером инноваций, содержанием господствующих ценностей, нравственного идеала и т.д.»[9].

Российский экономист А. Аузан определил этот фактор как своеобразный «культурный код» (т.е. некоторый набор образов, связанный с каким-либо комплексом стереотипов в сознании), способный влиять на экономическое развитие стран[10]. Этот код, согласно теории А. Аузана, способствует пониманию и учету поведенческих реакций конкретного народа. Социокультурные факторы в этом смысле приобретают особое значение для экономической и политической трансформации[11].

Американский ученый Л. Харрисон определяет культуру как «систему ценностей, верований и установок, которые разделяют члены общества, формируемых главным образом окружающей средой, религией, превратностями истории и передаваемыми из поколения в поколение»[12], что охватывает многие стороны развития человеческого общества и близко по содержанию к понятию цивилизация.

Вышесказанное позволяет предположить, что применение понятия «культурный (цивилизационный) код» в социологических

---

[8] Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 14–16.

[9] Ахиезер А.С. Некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1. С. 4–58.

[10] Аузан А. Национальные ценности и модернизация. М.: ОГИ; Полит.ру, 2010.

[11] Культурные факторы модернизации: доклад / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль, А.О. Ворончихина, Н.В. Зверева, А.В. Золотов, Е.Н. Никишина, А.А. Ставинская, 2011.

[12] Harrison L. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change Culture and Save It from Itself. Oxford University Press, 2006.

исследованиях связано именно с этими подходами. По мнению белорусских ученых, изучение цивилизационного кода страны имеет целью изучить и дать рекомендации, как превратить в экономические результаты тот социокультурный потенциал, которым наделено население страны. «Максимальное использование национальных и культурных особенностей может значительно повысить качество жизни, сказаться на общем развитии общества»[13].

Суть типологического подхода к культуре В. Абушенко заключается в том, что «в основании различного рода культурных выборов индивидов и групп лежат ценностные приоритеты. Однако существуют они не сами по себе, а в связке с деятельностным компонентом в том смысле, что реализуются в реальной практической деятельности людей и закрепляются в повторяющихся моделях поведения»[14]. К одной из моделей поведения, в частности трудового, можно отнести такое особое социокультурное явление, как выбор работы по призванию (профессиональное призвание).

Позиция В.Р. Шухатович заключается в исследовании феномена профессионального призвания как неэкономического фактора экономического роста, одного из составляющих экономического развития, представляющего собой положительную динамику в экономике. Обращение к феномену профессионального призвания обусловлено тем, что в современных социогуманитарных концепциях неэкономические факторы, в разряд которых входит «профессиональное призвание»[15], зачастую игнорируются.

---

[13] В Национальном пресс-центре презентовали книгу «Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minsknews.by/blog/2016/01/06/v-natsionalnom-press-tsentre-prezentovali-knigu-belarus-na-puti-v-budushhee-sotsiologicheskoe-izmerenie/ (дата обращения: 29.11.2016).

[14] Абушенко В.Л. Культурсоциология: возможность иного взгляда на социальную теорию // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 2. Вып. 1 (2). М., 2008.

[15] Шухатович В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 108–192.

Таким образом, целью исследования стала оценка влияния социокультурного феномена профессионального призвания на экономические показатели трудовой деятельности людей (например, заработная плата, эффективность и качество труда, мотивация к труду и т.д.), которые напрямую увязаны с проблематикой производительности труда как основы материального воспроизводства и продуктивности экономики.

В научных трудах профессиональное призвание концептуализируется как *(табл. 2):*

1) работа в качестве смысла и главной цели жизни (ценность);
2) источник самореализации в жизни (мотив);
3) способ выполнения профессиональной роли, предполагающий полную самоотдачу (трудовое поведение, неэкономический фактор развития экономики)[16].

Таблица 2. Некоторые подходы к трактовке термина «профессиональное призвание»

Подход	Автор	Определение
Ценностный	С.Ю. Вишневский	Объективная социальная необходимость, стержень любой профессии, без которого она может существовать, но не может эффективно развиваться. Качественная характеристика деятельности личности, общности, поколения, общества, выражающаяся – рационально или иррационально – в осмыслении необходимости (как единство социальных интересов и потребностей, склонностей), готовности заниматься той или иной профессиональной деятельностью и в выборе реальных профессиональных ролей, статусов и институциональных позиций.
	А.Н. Косолапов	Влечение к какой-либо профессии, осознание своих потенциальных способностей или возможностей в овладении данной профессией.

[16] Карпинский К.В. Профессиональная деятельность и развитие личности как субъекта жизни // Личность профессионала в современном мире. – М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 25–59.

Подход	Автор	Определение
Ценностный	С.А. Шавель	Свободный выбор человека, основанный на способности к антиципации (предвосхищение результата деятельности) и интериоризации (присвоения) той социальной роли, с которой личность согласна себя идентифицировать.
	Е.В. Палей	Оценка профессии через призму своих ценностных ориентиров.
	А.В. Михайлов	Целостность проявления профессионально значимых, творчески уникальных качеств личности.
	К.В. Карпинский	Профессиональная деятельность, выступающая как конечная самодостаточная ценность, выполняющая функцию смыслообразования по отношению к целостной жизнедеятельности; понимание, переживание и осуществление личностью своей работы как смысложизненной ценности.
Мотивационный	Н.Р. Салихова	Интегрированное качество личности, проявляющееся в устойчиво положительном и эмоционально-волевом, избирательно-познавательном отношении к профессии, в готовности к самореализации в профессии.
	А.Ф. Караваев	Сложный акт появления и осознания мотивов выбора профессии.
	Э.Р. Хайруллина	Высшее проявление профессиональной направленности личности.
	Ф. Теннис	Феномен, способный формировать общностный тип социальных отношений на разных уровнях институциональной организации.
Факторный	В.Р. Шухатович	Явление, отражающее духовную связь человека с профессией, ассоциирующееся с глубокой преданностью избранному делу, высокой ответственностью, самоотдачей, бескорыстием, творческим отношением к труду.
	Л.Н. Максимова	Субъективный фактор, формирующий профессиональную культуру.
Источник: составлено авторами по: [12; 14; 19; 20; 24; 26; 31; 34; 39].		

В начале XX в. к феномену «призвание» первыми обратились основоположники социологической науки М. Вебер и Э. Дюрк-

гейм. Особый акцент в работах М. Вебера сделан на важности проявления внутренней устремленности, чувственности в реализации профессионального призвания[17].

М. Вебер, обосновавший понятие «профессиональное призвание» применительно к профессии политика, выделял три основания для «господства»:

1) авторитет «вчерашнего лидера»;
2) авторитет «внеобыденного личного дара» (харизма);
3) господство «в силу легальности».

Однако профессиональное призвание политика «в его высшем выражении» связывалось М. Вебером с харизматическим лидерством, которое неотделимо от подчинения, основанного не на обычае или законе (как в первом и третьем случае), а в вере в него. По мнению ученого, призвание политика – это внутреннее ядро харизмы, проявляющееся как на чувственно-эмоциональном, так и на рациональном (сознательном) уровне[18].

Э. Дюркгейм трактовал профессиональное призвание с точки зрения этики, делая акцент на профессионализме как важном качестве призвания[19]. Этическая сторона профессионального призвания и в дальнейшем являлась предметом изучения многих ученых.

В частности, Д. Густафссон выделял черты, присущие профессиональному призванию: высокий уровень мотивации и глубокое видение целей[20]. Его вывод состоял в том, что выполнение работы без призвания не имеет моральных и гуманистических корней, поскольку при этом теряется истинная сущность труда.

---

[17] Шутова Е.А. Феномен призвания в работах М. Вебера // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18. С. 116–118; Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А. Ф. Филиппова. М.: Прогресс, 1990.

[18] Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 707–735.

[19] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. 575 с.

[20] Густафссон Д. Блейк и православие // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 1; Gustafson J.M. Professions as «Callings» // The Social Service Review. 1982. Vol. 56. № 4. P. 509.

Призвание изучается в рамках ряда научных направлений *(табл. 3)*.

Таблица 3. Научные направления исследований феномена призвания человека

Концепции	Представители	Призвание – это…
Трансценденталь-ные	С.Л. Франк, С. Мунье Б.П. Вышеславский	предназначение, задача, установленная абсолютным бытием
Социологические	М.Вебер К.Маркс И. Фихте П. Бурдье С.Ю. Вишневский	социальный феномен, определяющий направленность человека на общество, необходимость воспроизводства общественных отношений. Важным признаком призвания признается деятельность (общественная, профессиональная и т.д.)
Индивидуалистические	К.Г. Юнг Х. Ортега-и-Гассет	цельная программа существования человека, побуждающая человека выбирать собственный жизненный путь, отличный от общепринятого
Онтологические	Г.Ф. Гегель, И. Фихте Н. Бердяев	целостный феномен, существование которого связано с поиском смысла жизни
Источники: Вишневский С.Ю. Призвание как социокультурная проблема: историко-социологический анализ: автореф. дис . …. д-ра социолог. наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2006; Ортега-и-Гассет Х. В поисках Гете / пер. А.Б. Матвеева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chat.ru/~scbooks/		

В большинстве научных работ и направлений феномен призвания связывается с конкретной профессией (призвание к учительскому труду, журналистское призвание, политика как призвание и т.д.) или миссией (М. Вебер, П. Бурдье, Г. Гегель), жизненным смыслом (Э. Мунье, С. Франк, Б. Вышеславский), внутренним долгом человека (В.Н. Лосский: призвание – личное соединение с Богом, совершенство человека[21]; И. Фихте: учёный ... по своему назначению учитель человеческого рода[22];

[21] Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие [Электронный ресурс] // Богословские труды: сб. восьмой, посвященный В. Лосскому. Режим доступа: http://bogoslovie.todn.ru/lossky/10/204/

[22] Фихте И. Лекция IV. О назначении учёного [Электронный ресурс] // Несколько лекций о назначении учёного. Назначение человека. Основные черты современной эпохи. Режим доступа:: http://vikent.ru/enc/2683/

Л.Н. Коган: цель и смысл жизни[23]), творческим проявлением уникальности личности (Н. Бердяев, Г. Зиммель, Х. Ортега-и-Гассет).

В. Шухатович рассматривает призвание как социальный феномен, потому что оно является «продуктом человеческого мышления» и способно формировать «доверие между людьми»[24].

Профессиональное призвание – это глубокая преданность избранной профессии, высокая ответственность и самоотдача, бескорыстие и творческое отношение к труду, духовная связь человека с профессией, а также положительный психологический настрой в трудовой деятельности (удовольствие от труда, удовлетворение трудом и жизнью в целом). «Призвание – это точка соприкосновения природных способностей и личных предпочтений»[25].

Развивая идею В. Шухатович, мы попытались ответить на вопрос о влиянии работы по призванию на объективные экономические показатели трудовой деятельности (например, заработная плата, эффективность и качество труда и т.д.) и субъективное восприятие индивидом жизни и работы. Эмпирически подтвердили гипотезу о том, что *работа по призванию даёт более выраженный экономический эффект, чем работа по специальности, и сопровождается ростом удовлетворённости работой и жизнью в целом*.

Результаты исследования

Данные социологических опросов показывают, что работа в соответствии с призванием характерна для более чем половины занятого населения Вологодской области (56,7% в 2014 г., 55,2% в 2016 г. по данным мониторинга качественного состояния трудового потенциала)[26] и значительной доли населения Могилевской области Республики Беларусь (42%).

---

[23] Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 184.

[24] Шухатович В.Р. Призвание как социальный и культурный феномен: к вопросу о теории и методологии исследования // Социология. М., 2010.

[25] Найти свое призвание. Как открыть свои истинные таланты и наполнить жизнь смыслом. М., 2014. 304 с.

[26] Чекмарева Е.А., Шабунова А.А. Работа по призванию: выгодно ли это для экономики? // Социологический альманах. Мн.: Беларуская навука, 2016. № 6. С. 156–164.

В отраслевом разрезе наибольшие масштабы (более 70%) ментальная связь со своей профессией имеет место в Вооруженных Силах, культуре и образовании (тех сферах экономики, работа в которых в общественном сознании связывается с чувством долга, «служением людям»). Наименее распространено (менее 50%) призвание среди работников торговли и сельского хозяйства.

Следует отметить, что данное исследование является оригинальным, поскольку выполняется только в Беларуси и Вологодской области, поэтому существенно ограничена его фактологическая база. Однако проведение в регионе нескольких социологических обследований дает возможность для обобщений и выводов о распространенности (проявленности) феномена среди работников, о его экономических эффектах.

Отличительную особенность исследования профессионального призвания в рамках мониторинга качественного состояния трудового потенциала Вологодской области, составляющей научную новизну, представляет оценка уровня реализации способностей и качественных характеристик работников в трудовой деятельности. Оценка степени использования качеств населения проводилась по разработанной в рамках вышеназванного подхода методике[27], основанной на блоке вопросов вида «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой мере используете свои качества и умения?» Для расчетов в анкете применяется следующая четырехбалльная шкала: использую в полной мере (на пределе своих возможностей) – 4 балла; более-менее полно (могу использовать больше) – 3; частично (мало) – 2; очень мало (по минимуму) – 1. В дальнейшем путем деления фактического числа баллов по данной шкале на максимально возможное и умножения на 100% для каждого респондента по каждому из восьми качеств был получен показатель, условно названный нами уровнем реализации качества трудового потенциала. Средний уровень реализации трудового потенциала отдельной социально-демо-

[27] Чекмарева Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 2 (14). С. 165–172.

графической группы рассчитывался как среднее арифметическое значений уровня реализации ее членов.

На основе вопросов, предложенных В. Шухатович[28]: «Работаете ли Вы по специальности, полученной в профессиональной образовательной организации (вузе, ссузе, ПТУ)?» и «Соответствует ли Ваша профессия (основная работа) Вашему призванию?», все работающие респонденты, за исключением не получавших специальности и затруднившихся ответить (в 2016 г. – это 32,9%), были разбиты на четыре группы, подлежащие дальнейшему подробному анализу:

- первая группа – работающие по специальности и по призванию (39,7%);
- вторая группа – работающие по специальности, но не по призванию (4,5%);
- третья группа – работающие по призванию, но не по специальности (10,8%);
- четвёртая группа – работающие не по специальности и не по призванию (12,1%).

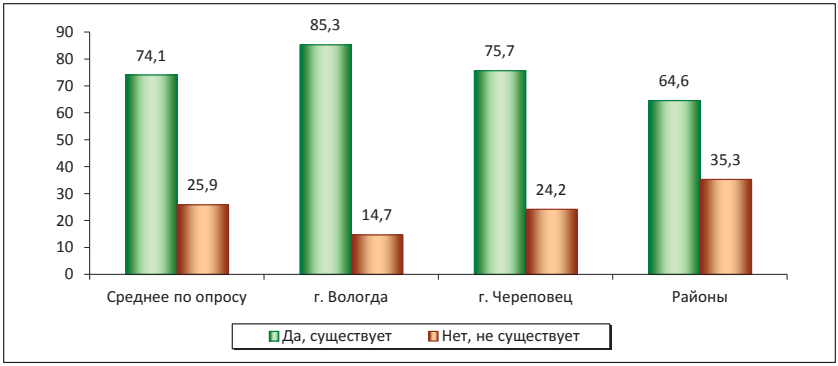
По каждой из выделенных групп была проведена оценка качества трудового потенциала, уровня его реализации, средней заработной платы, удовлетворённости работой и жизнью и др.

Предположение о наличии эмоциональной связи человека и профессии подтверждаются ответами работающего населения Вологодской области *(рис. 2)*. Практически каждый третий (74%) отмечает этот аспект социально-трудовых отношений.

Выделяя положительный психологический настрой в трудовой деятельности как компонент работы по призванию, мы считаем, что именно он дает, вкупе с остальными составляющими анализируемого феномена, тот экономический эффект, который выражается в большей экономической отдаче от более высокого уровня реализации трудового потенциала, предполагающего большую производительность труда *(рис. 3)*.

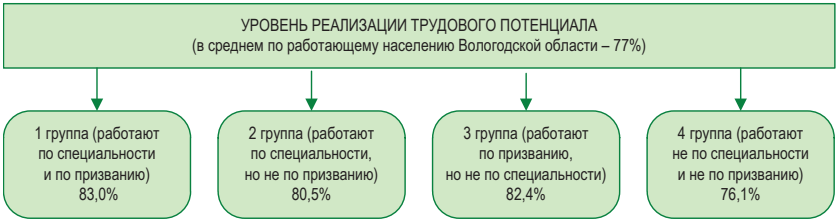
[28] Шухатович В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 188–192.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, существует ли духовная и эмоциональная связь человека с профессией (то, что называется призванием)?» (в % от числа опрошенных)



Источник: данные опроса населения Вологодской области по отношению к профессиональному призванию (2016 г.; 1500 чел.).

Рис. 3. Уровень реализации трудового потенциала населения, работающего и не работающего в соответствии с призванием, %



Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН, 2016.

Работа по призванию определяет, как показывают исследования, более высокий уровень заработной платы, означающий большую налоговую базу для бюджета региона и соответственно больший потребительский спрос со стороны таких работников. В социально-психологическом плане эффект выражается в более высоких показателях удовлетворённости жизнью, работой, условиями труда *(табл. 4)* и даже, несмотря на отрицательный индекс, в большей удовлетворенности размером заработка.

Таблица 4. Индексы* удовлетворённости жизнью и работой в группах населения, работающего и не работающего в соответствии с призванием

Удовлетворённость	Соответствует ли Ваша профессия (основная деятельность) Вашему призванию?					
	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.
	Да		Нет		Затрудняюсь ответить	
Жизнью	0,506	00,692	0,088	0,333	0,264	0,510
Работой	0,504	0,615	-0,088	0,031	0,094	0,345
Размером заработка	-0,136	-0,039	-0,680	-0,409	-0,452	-0,259
Условиями труда	0,443	0,495	-0,004	0,009	0,067	0,283

* Каждый индекс получался путем вычитания частоты отрицательных ответов из частоты положительных и делением полученного значения на 100. Рассчитанный таким образом индекс принимает значения от 1 до -1, при этом минус означает численный перевес отрицательных суждений.
Источник: Мониторинг качественного состояния трудового потенциала населения Вологодской области; ИСЭРТ РАН, 2014 г., 2016 г.

Таблица 5. Основные характеристики групп работников, работающих/ не работающих по специальности и призванию в Вологодской области в 2016 г.

Показатель	Работают по призванию и по специальности		Работают по призванию, но НЕ по специальности		Работают НЕ по призванию, но по специальности		Работают НЕ по призванию и НЕ по специальности	
	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.	2014 г.	2016 г.
Доля работников, %	32,8	39,7	12,3	10,8	4,3	4,5	9,5	12,1
Индекс качества трудового потенциала, ед.	0,702	0,704	0,697	0,698	0,667	0,670	0,654	0,685
Средняя заработная плата, руб.	20383	23725	20439	21139	16829	20932	15152	17170
Средний уровень реализации трудового потенциала, %	81,9	83	82,5	82,4	74,5	80,5	70,2	76,1

Источник: Данные мониторинга качества трудового потенциала Вологодской области, 2014 и 2016 гг.

Результаты измерений показали, что первая группа выделяется *(табл. 5):*

- во-первых, более высоким качеством трудового потенциала (интегральный индекс в этой группе составляет 0,704 ед. против 0,670; 0,698; 0,685 ед. во второй, третьей и четвёртой группах соответственно);
- во-вторых, более высоким уровнем реализации трудового потенциала (уровень реализации качества трудового потенциала – 83,0% против 80,5; 82,4 и 76,1% соответственно);
- в-третьих, более высокой заработной платой (средняя зарплата в этой группе – 23725 руб., в других – 20932 руб., 21139 руб. и 17170 руб. соответственно).

При этом если специальность и призвание не совпадают, то более интенсивной реализацией трудового потенциала и высокой зарплатой отличаются те, кто предпочёл работу по призванию (третья группа).

Если рассматривать субъективное восприятие жизни и работы, то здесь возникает интересный феномен: на первый план выходит именно третья группа – те, кто работает по призванию, но не по специальности. Эти люди испытывают своеобразную «эйфорию» от того, что нашли своё призвание и не побоялись отказаться от работы по специальности в пользу работы по призванию. Так, в третьей группе средний уровень удовлетворённости работой по пятибалльной шкале в 2016 году составлял 4,0 балла, в первой – 3,8 балла, во второй – 3,2 балла, в четвёртой – 3,1 балла. Уровень удовлетворённости жизнью в целом у третьей группы также выше: 4,1 балла против 4,0, 3,5 и 3,5 балла соответственно. Все это подтверждает гипотезу исследования.

Обсуждение

Таким образом, мы видим, что феномен «профессиональное призвание» демонстрирует нам позитивные сигналы. Конечно, надо понимать, что нельзя руководствоваться только выделенным фактором отдельно от экономических факторов. Тем не менее следует учитывать его на всех уровнях управления – от предприятия до государства. Нужно способствовать не только формированию этих ресурсов, расширению их воздействия, но и их эффективному использованию.

Требуется существенное усиление профориентационной работы с молодежью, раннее выявление склонностей и способностей детей и помощь им в определении своего призвания.

Необходим обязательный учет этого явления в работе каждого предприятия и организации, поощрение сотрудников к работе по призванию с учетом большего уровня реализации их трудового потенциала. При системной работе в этом направлении целесообразно обратить внимание на обязательное развитие на предприятиях эффективно функционирующей системы непрерывного образования, дающей возможность быстро переучиваться, а также создание институтов рынка труда, способствующих быстрому реагированию на запросы его агентов и повышающих гибкость сферы социально-трудовых отношений.

Литература

1. Абушенко В.Л. Культурсоциология: возможность иного взгляда на социальную теорию // Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. 2. Вып. 1 (2). М., 2008.
2. Аузан А.А. Национальные ценности и модернизация. М.: ОГИ; Полит.ру, 2010.
3. Ахиезер А.С. Некоторые проблемы социокультурной динамики // Мир России. 1995. № 1 . С. 4–8.
4. В Национальном пресс-центре презентовали книгу «Беларусь на пути в будущее: социологическое измерение» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://minsknews.by/blog/2016/01/06/v-natsionalnom-press-tsentre-prezentovali-knigu-belarus-na-puti-v-budushhee-sotsiologicheskoe-izmerenie/ (дата обращения: 29.11.2016 г.)
5. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / М. Вебер; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. – М.: Прогресс, 1990.
6. Вишневский С.Ю. Призвание как социокультурная проблема: историко-социологический анализ: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2006.

7. Горшков М.К. Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. № 3 (33). – С. 45–56.
8. Густафссон Д. Блейк и православие // Язык. Словесность. Культура. 2013. № 1.
9. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. М.: Наука. 1991. 575 с.
10. Ионин Л.Г. Социологическая концепция Фердинанда Тённиса // История буржуазной социологии XIX – начала XX века / под ред. И.С. Кона. М.: Наука, 1979. С. 164–179.
11. Ипатов П.Л. Концепт неэкономических факторов в исследованиях процессов развития национальной экономики / П.Л. Ипатов, В.А. Динес, В.А. Русановский // Экономика и управление. 2009. № 3/6 (44). С. 5–12.
12. Караваев А.Ф. Сущность и структура профессионального призвания // Высшее образование сегодня. 2005. № 4. С. 52–54.
13. Карпинский К.В. Профессиональная деятельность и развитие личности как субъекта жизни // Личность профессионала в современном мире. М.: Институт психологии РАН, 2013. С. 25–59.
14. Карпинский К.В. Смысл жизни и жизненный смысл профессии // Вестник ТГУ. 2010. № 6. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/smysl-zhizni-i-zhiznennyy-smysl-professii (дата обращения: 01.12.2016).
15. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 184.
16. Косолапов А.Н. Мотивация достижения как основа профессионально-ценностной установки // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 5 (27). С. 102–104.
17. Культурные факторы модернизации: доклад / А.А. Аузан, А.Н. Архангельский, П.С. Лунгин, В.А. Найшуль, А.О. Ворончихина, Н.В. Зверева, А.В. Золотов, Е.Н. Никишина, А.А. Ставинская, 2011.
18. Леонидова Г.В. Профессиональные намерения, мотивы деятельности в зависимости от трудоустройства по специальности, соответствия профессии призванию и способностям / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2016. № 6 (73). С. 28–36.

19. Максимова Л.Н. Социологические интерпретации профессиональной культуры // Вопросы культурологии. 2008. № 5. С. 47–49.
20. Михайлов А.В. Формирование призвания к профессии переводчика // Среднее профессиональное образование. 2009. № 2. С. 20–22.
21. Найти свое призвание. Как открыть свои истинные таланты и наполнить жизнь смыслом / К. Робинсон и др. М., 2014. 304 с.
22. Ортега-и-Гассет, Х. В поисках Гете [Электронный ресурс] / Х. Ортега-и-Гассет; пер. А. Б. Матвеева. Режим доступа: http://www.chat.ru/~scbooks/
23. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие [Электронный ресурс] // Богословские труды: сборник восьмой, посвященный В. Лосскому. Режим доступа: http://bogoslovie.todn.ru/lossky/10/204/
24. Палей Е.В. Ценности как осуществление человеческой природы // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. Вып. 1. Иваново, 2006. С. 91–94.
25. Римашевская Н.М. О методологии определения качественного состояния населения // Демография и социология. Вып. 6. М., 1993.
26. Салихова Н.Р. Профессиональный выбор и реализуемость личностных ценностей в юности // Казанский педагогический журнал. 2008. № 4. С. 3–12.
27. Седюкова Е.А., Безгласная Е.А. Неэкономические факторы и их влияние на успешность модернизации экономики // Научный электронный архив. URL: http://econf.rae.ru/article/6442 (дата обращения: 28.11.2016).
28. Соловьева Т.С. Трудовые ресурсы России и Беларуси: к проблеме обеспеченности // Экономика и управление. 2015. № 3. С. 50–54.
29. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
30. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 14–16.
31. Социальные ожидания – условие стабильности и устойчивости развития общества / С.А. Шавель [и др.] // Социальный порядок и жизнеспособность общества / отв. ред. С.А. Шавель. Минск: Беларус. навука, 2007. С. 178–179.

32. Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии; пер. с немец. Д.В. Скляднева. СПб.: Даль В., 2002. 452 с.

33. Ильин В.А., Гулин К.А., Леонидова Г.В., Давыдова В.В. Трудовой потенциал региона: состояние и развитие. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 107 с.

34. Фихте И. Лекция IV. О назначении учёного [Электронный ресурс] / И. Фихте // Несколько лекций о назначении учёного. Назначение человека. Основные черты современной эпохи. Режим доступа: http://vikent.ru/enc/2683/

35. Хайруллина Э.Р. Содержание и структура профессионального призвания. Казань : Каз. гос. технол. ун-т, 2005. 223 с.

36. Чекмарева Е.А. Повышение уровня реализации трудового потенциала: роль заработной платы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 2 (14). С. 165–172.

37. Чекмарева Е.А. Трудовая деятельность как форма реализации трудового потенциала // Трудовой потенциал как фактор устойчивого развития территории: материалы Рос. науч.-практ. семинара, г. Вологда, 16–17 декабря 2010 г. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. С. 147–157.

38. Чекмарева Е.А. Работа по призванию: выгодно ли это для экономики? / Е.А. Чекмарева, А.А. Шабунова // Социологический альманах. Минск: Беларуская навука, 2016. № 6. С. 156–164.

39. Человеческий капитал территорий: проблемы формирования и использования: монография / Г.В. Леонидова, К.А. Устинова, А.В. Попов, А.М. Панов, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева, Е.А. Чекмарева; под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 184 с. С. 26.

40. Шутова Е.А. Феномен призвания в работах М. Вебера / Е.А. Шутова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18. С. 116–118.

41. Шухатович В.Р. Призвание как социальный и культурный феномен: к вопросу о теории и методологии исследования / В.Р. Шухатович // Социология. М., 2010.

42. Шухатович В.Р. Профессиональное призвание: к вопросу о неэкономических факторах экономического роста / В.Р. Шухатович //

Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 5 (35). С. 188–192.

43. Durkheim E. Le conflit de la morale et de la sociologie by Simon Deploige // L'Année sociologique. Vol. 12. Pp. 326–328.
44. Gustafson J.M. Professions as «Callings» // The Social Service Review. 1982. Vol. 56. № 4.
45. Harrison L. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change Culture and Save It from Itself. – Oxford University Press, 2006.
46. Weber M. Essays in Sociology. New York: Oxford University Press, 1946. Pp. 77–128.

2.2. Социальное положение учительства в России

Современная экономика характеризуется переходом от индустриального к постиндустриальному и информационному обществам и инновационно-ориентированной “экономике знаний”. Россия же стремительно теряет свои позиции в этой сфере, причиной чему является, с одной стороны, постепенная утрата научно-технического потенциала, с другой – низкая степень востребованности интеллектуального ресурса из-за сложившейся конъюнктуры, характеризующейся зависимостью всей социально-экономической системы страны от экспорта сырья. За двадцать лет рыночных реформ Россия прошла различные их этапы от шоковой терапии и дефолта (1991–1998 гг.) до периода стабилизации (2000–2008 гг.) и нового мирового финансово-экономического кризиса (2008–2009 гг.), глубоко отразившегося на экономике страны. К особенно острым проблемам современного этапа относятся состояние системы образования и социально-экономическое положение учителей.

Одним из первых законов в Российской Федерации, после распада СССР, был закон “Об образовании” от 10 июля 1992 г. № 3266-1. Пункт 3 статьи 54 этого Закона, утвержденного Указом

Работа выполнена при поддержке РГНФ, целевой конкурс 2011 г. № 11-32-033001 “Социально-гуманитарный потенциал модернизации России”.

Статья подготовлена в соавторстве с В.А. Ильиным, Г.В. Леонидовой.

Ильин В.А., Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Социальное положение учительства в России // Социологические исследования. 2012. № 8 (340). С. 123–133.

№ 1 первого президента России, гласил о том, что **“размер средней ставки заработной платы и должностного оклада … для учителей и других педагогических работников <должен быть> не ниже средней заработной платы работников промышленности в Российской Федерации”.** *Уровень средней начисленной заработной платы работников образования в 1992 г. в России составлял 61% от среднего (в Вологодской области – 57%).*

В последующие годы внимание на проблемах развития образования в России, в том числе и на совершенствовании его материальной базы и повышении статуса учителя (что невозможно без соответствующего роста финансирования), заострялось в посланиях президента РФ Федеральному Собранию и документах стратегического развития страны на средне- и долгосрочную перспективу. Так, в 1999 г. Б. Ельцин в послании Федеральному Собранию РФ обозначил, что **“ситуация в сфере образования становится все более тревожной. Бездействие властей приводит к хроническому недостатку финансирования, к росту социальной напряженности среди преподавателей…”.** В этом же послании говорится о необходимости государственной программы, призванной **“вернуть уважение к учителю, обеспечить людям этой профессии достойные условия жизни’’** [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 1999 г.]. *При этом уровень оплаты труда педагогов в 1998 г. составлял 63% от среднего по России (в Вологодской области – 58%).*

В 2005 г. ситуация вновь заставила президента В. Путина в Послании Федеральному Собранию РФ вернуться к проблеме оплаты труда в бюджетной сфере, в том числе и у российского учительства. Президент подчеркнул, что **“реальный уровень оплаты труда в бюджетных отраслях все еще ниже, чем в конце 80-х годов… Столь унизительное положение мешает людям эффективно и творчески работать”.** *В 2005 г. уровень оплаты труда работников* образования в РФ составлял 64% от *среднего (в Вологодской области - 62%>).* Далее В. Путин указал, что считает необходимым “в течение трех лет добиться повышения доходов бюджетников не менее чем в 1,5 раза. ... Таким образом, **мы сможем добиться приближения средней зарплаты в бюджетном секторе к средней**

зарплате по стране" [Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, 2005 г.]. В основных направлениях деятельности правительства Российской Федерации на период до 2012 г. среди задач развития сферы образования обозначено: **"Заработная плата учителей должна быть не ниже средней заработной платы работников, занятых в сфере экономики субъекта Российской Федерации"** [Распоряжение Правительства РФ от 17.10.2008 № 1663]. *В 2008 г. уровень оплаты труда работников образования в РФ составлял 66% от среднего (в Вологодской области – 62%).*

Ключевыми приоритетами России на среднесрочную перспективу, обозначенными в выступлениях президента РФ Д.А. Медведева, председателя правительства России В.В. Путина, в Концепции социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. стали модернизация и диверсификация экономики. В концепции декларируются ключевая роль человеческого капитала в инновационном развитии, приоритетность развития социального сектора экономики (в том числе и системы образования). В частности, подчеркнуто, что "Россия не сможет поддерживать конкурентные позиции в мировой экономике за счет дешевизны рабочей силы и экономии на развитии образования и здравоохранения" [Концепция..., 2008]. При этом среди основных ориентиров развития РФ обозначено, что "к 2020 г. расходы на образование увеличатся до 5–6 процентов валового внутреннего продукта, что превысит аналогичный показатель в 2008 году на 1-1,9% валового внутреннего продукта" [Концепция..., 2008].

За прошедший период времени не произошло и кардинального изменения объемов финансирования образования в России (1995 г. – 3,1% [Education at a Glance]; 1999 г. – 2,9%; 2005г. – 3,8%; 2006 г. – 3,9%; 2008 г. – 4,1%; 2010 г. – 4,2% от ВВП [http://www.stat-info.biz]). Существующий уровень расходов не может рассматриваться как обеспечивающий инновационное развитие отрасли. По уровню государственного финансирования образования Российская Федерация отстает от развитых стран более чем на 10 лет. Доля расходов на образование в совокупном объеме ВВП составляла во Франции 2006 г. (1999) – 5,6% (5,8), в Финляндии – 6,1%

(6,01); в Швеции – 7,02% (7,4); в России – 3,9% (2,9) [http://www.statinfo.biz]. Подобный уровень финансового обеспечения определяет низкую материально-техническую базу образования, ограничивает применение современных методов обучения, сдерживает экспериментально-опытные исследования в образовании.

Несмотря на правильную риторику руководителей государства, провозглашающих значимость образования и педагогов, необходимость достойной оценки их труда, заработная плата в отрасли существенно ниже среднего уровня по экономике страны и отдельных ее регионов *(табл. 1)*. Социальный статус педагогического работника практически не меняется, учительство потеряло прежний статус людей, уважаемых и ценимых обществом. Поэтому в школе, как правило, остаются работать либо педагоги "по призванию", либо те, кто по уровню способностей и инициативы не в состоянии найти более высокооплачиваемую работу.

Таблица 1. Среднемесячная начисленная заработная плата работников образования и госуправления в субъектах СЗФО* и ее отношение к средней заработной плате по территории, руб., %

Регион	Образование						Госуправление					
	2002 г.		2010 г.		Отклонение		2002 г.		2010 г.		Отклонение	
	руб.	%	руб.	%	руб.	п.п	руб.	%	руб.	%	руб.	п.п.
РФ	6160	65	14063	66	7903	+1	10330	109	25094	119	14764	+10
СЗФО	6546	66	14217	67	7671	+1	11307	114	27273	127	15966	+13
г. Санкт-Петербург	7367	65	20617	75	13250	+10	12693	112	30368	109	17675	-3
Псковская обл.	4714	74	10703	74	5989	0	8408	132	20281	140	11873	+8
Новгородская обл.	5267	70	12270	74	7003	+4	8202	109	20368	123	12166	+14
Калининградская обл.	4869	75	13362	74	8493	-1	7725	119	20367	113	12642	-6
Ленинградская обл.	3925	62	14840	70	10915	+8	6647	105	22132	106	15485	+1
Мурманская обл.	10301	66	19273	64	8972	-2	17948	115	38160	120	20212	+5

Окончание таблицы 1

Регион	Образование						Госуправление					
	2002 г.		2010 г.		Отклонение		2002 г.		2010 г.		Отклонение	
	руб.	%	руб.	%	руб.	п.п	руб.	%	руб.	%	руб.	п.п.
Республика Карелия	7214	73	12238	63	5024	-10	14330	145	31496	156	17166	+11
Архангельская обл.	6624	68	13540	62	6916	-6	12858	132	33275	150	20417	+18
Вологодская обл.	5347	64	11124	58	5777	-6	8439	101	23997	124	15558	+23
Республика Коми	9589	61	14200	54	4611	-7	17135	109	32282	131	15147	+22
*в сопоставимой оценке (в ценах 2010 г.).												

А из уст главных лиц государства вновь звучат многообещающие заверения. В отчете об итогах работы правительства в 2010 г. (апрель 2011 г.) председатель правительства РФ В.В. Путин подчеркнул, что Россия – социальное государство и все социальные обязательства перед народом должны быть выполнены. В выступлении значительное внимание было уделено развитию отраслей социальной сферы, в том числе и системы образования, обеспечивающей поступательное и качественное развитие человека, его способностей и талантов. В.В. Путин отметил, в частности, что "...необходимо начать новый большой проект по поддержке российской школы... Федеральные средства предполагается направить на покупку оборудования, на качественное улучшение условий обучения школьников. Это важно, особенно в сельской местности, где существует проблема с малокомплектными школами..." [Выступление Председателя Правительства РФ В.В. Путина..., 2011 г.]. Премьер акцентировал внимание и на материальном положении учителей: "Учитывая, что по итогам 2011 года средняя заработная плата по стране у нас составит 23,5 тыс. рублей, а доходы учителей – 14 тыс., а если исключить Москву и Петербург – 8,5–10 тыс. рублей ...главная задача проекта – существенный рост заработной платы учителя" [Выступление Председателя Правительства РФ В.В. Путина..., 2011 г.].

Выступая с докладом на VI съезде Всероссийского педагогического собрания (июнь 2011 г.), председатель правительства РФ В.В. Путин определил качество и содержание работы педагога как фактор, от которого "зависят развитие страны на десятилетия вперед, национальная перспектива и конкурентоспособность" [Выступление Председателя Правительства РФ В.В. Путина..., 2011 г.]. В.В. Путин отметил, что зарплата учителя в стране составляет 70% от средней по экономике. В связи с этим премьер пообещал: "Уже с 1 сентября фонд зарплаты педагогов должен быть увеличен на 30%, в течение двух лет средняя зарплата учителя должна быть как минимум равна средней зарплате по экономике в конкретном регионе" [Выступление Председателя Правительства РФ В.В. Путина..., 2011 г.]. Станут ли эти заверения началом положительных перемен, повышения статуса педагогов или останутся декларацией, покажет время.

Пока же многочисленные исследования констатируют, что в современных условиях социальное положение учительства таково, что сфера образования не является привлекательной с точки зрения профессиональной деятельности. В сложившейся ситуации уже не достаточно простого повышения оплаты труда. Необходимы безотлагательные меры по изменению не только материального положения, но и социального статуса учителей, как достойнейшей и востребованной обществом социальной группы.

Измерение различных параметров социального самочувствия граждан, представляющего собой обобщенную эмоциональную реакцию на состояние и изменение социальной среды, является весьма важным элементом оценки положения дел в стране, без которого вся совокупность объективных (экономических, политических и т.п.) характеристик не может считаться полной и достаточной. Если у большинства населения наблюдается плохое самочувствие, возникает повод задуматься об успешности происшедших изменений, "цене реформ" и о путях улучшения ситуации в стране [Крупец, 2003: 143–144].

Годы реформирования социально-экономической сферы общества отмечены тенденцией к уменьшению числа школ и

количества учащихся. За период 1995–2009 гг. количество школ в России уменьшилось на 25% (на 18 тыс.). В Вологодской области это сокращение за период 1990–2009 гг. составило 1,5 раза, что больше, чем в среднем по РФ и СЗФО *(табл. 2)*. Особенно заметные сокращения произошли в сельской местности, где малокомплектные школы в последнее время были укрупнены в базовые общеобразовательные учреждения.

Таблица 2. Число общеобразовательных учреждений (ед.)

Год / Территория	РФ	СЗФО	Вологодская обл.
1990 г.	67 571	5222	835
1998 г.	67 889	5264	824
2000 г.	67 063	5116	811
2005 г.	61 497	4440	671
2008 г.	54 259	3992	609
2009 г.	51 657	3811	563
Источник: Образование в Вологодской области в 2006–2010 гг.: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2011. С. 22–36; Вологодская область в цифрах (1980–1990 гг.). Вологда: Вологдастат, 1991. С. 84–97.			

В период с 1990 по 2000 г. численность педагогов школ Вологодской области в составе занятого населения увеличилась на 20%, а с 2000 по 2009 г. данный показатель сократился на 21% *(рис. 1)*. Эта тенденция, характерная для всех территорий Российской Федерации, обусловлена прежде всего сокращением контингента учащихся (с 1990 по 2009 г. в 1,6 раза).

Система образования представляет собой такую народнохозяйственную сферу, где создается важнейший элемент национального богатства – фонд знаний, навыков, личных качеств рабочей силы. Однако заработная плата в этой отрасли значительно ниже, чем в среднем по стране. Среднемесячная заработная плата работников сферы образования сегодня в 1,8 раза меньше размеров оплаты труда в сфере транспорта и связи и в 2 раза – в среднем по промышленности. За последние 20 лет ситуация ухудшилась. Если в 1990 г. отношение заработной платы педагогов Вологодской области и среднего уровня по экономике составляло 65%, то в 2009 г. – 63% (для справки: по РФ – 71%).

Существенной проблемой кадрового обеспечения школьного образования сегодня является низкая ротация кадров, возникающая вследствие малого притока молодых специалистов и экономически оправданного нежелания учителей пенсионного возраста уходить на заслуженный отдых *(табл. 3)*. Так, примерно половина педагогов школ Вологодской области (49%) имеет стаж работы 20 лет и более (средний трудовой стаж педагогов региона – 27 лет). Главной причиной, ограничивающей приток молодых специалистов в общеобразовательные школы и приводящей к "кадровому голоду" в данной сфере, является низкий уровень оплаты труда педагогов.

Таблица 3. Кадровый состав общеобразовательных школ Вологодской области по уровню образования и стажу работы

Показатели	2005/2006 уч. г.	2008/2009 уч. г.
Общая численность, чел.	11 599	10 932
Из них имеют уровень образования, в % высшее	81,7	83,4
Неполное высшее	1.9	1,4
Среднее специальное образование	15,4	14,6
Из них имеют стаж работы, в %, до 2-х лет	3,3	3,3
От 2 до 20 лет	44,5	48,0
20 лет и более	52,2	48,7
Из них пенсионного возраста, в %	12,8	14,0
Источник: Образование в Вологодской области в 2006–2010 гг.: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2011. С. 22–36.		

Несмотря на то, что объемы подготовки специалистов в области образования и педагогики в регионе за последние 4 года не изменились, далеко не все студенты идут работать в школы. Итоги социологических исследований показали, что 48% будущих педагогов, обучающихся в учебных заведениях Вологодской области, не удовлетворены выбором своей профессии, а 46% не планируют работать в образовательных учреждениях после получения диплома [Данные опроса учащихся и студентов учреждений профессионального образования, ИСЭРТ РАН, II кв. 2010 г. (М 393 чел.)]. Без обновления кадрового состава, проблема обеспеченности учителями общеобразовательных школ в ближайшей перспективе может стать ещё более острой.

Важность преодоления проблем формирования кадрового потенциала сферы образования ставит на повестку дня вопросы об изучении аспектов социальной жизни педагогического состава школ, выделения факторов, воздействие на которые поможет обеспечить оптимальные условия жизни преподавателей. Одним из направлений подобных исследований является оценка социального самочувствия. В нашем исследовании использовался метод построения интегрального индекса, который формируется как среднее арифметическое частных индексов. При этом частные индексы могут быть рассмотрены в качестве основных факторов, формирующих социальное самочувствие.

Одним из субиндексов социального самочувствия является социальное настроение - комплексный индикатор, отражающий восприятие людьми своей жизни в личном и общественном плане. Согласно оценке экспертов, социальное настроение вбирает в себя как влияние объективных условий, так и субъективных факторов, образующих некий сплав эмоций, чувств, умонастроений, ценностных ориентаций и установок [Тощенко, 1996; 30.].

Социальное настроение педагогов, согласно проведенному исследованию, несколько хуже настроения всего населения региона. Об этом свидетельствует разница в величине индекса социального настроения 128 ед. и 136 ед., соответственно *(табл. 4)*. Однако, несмотря на существующие проблемы, большинство преподавателей школ (62%) испытывает в основном положительные эмоции. При этом индексы социального настроения городских учителей существенно выше, чем в сельской местности.

На социальное настроение влияет удовлетворенность педагогов теми или иными сторонами жизни *(табл. 5)*. Более всего учителя не удовлетворены размером заработной платы (так отметили 93% респондентов) и положением в обществе (47%). А вот отношения в коллективе, с родителями и учащимися педагогов в большей степени устраивают.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос: “Что бы Вы могли сказать о своем настроении в последние дни?”, в % от числа опрошенных

Варианты ответа	г. Вологда	г. Череповец	Районы	Среднее по опросу педагогов*	Среднее по опросу населения региона**
Прекрасное настроение	17,3	6,6	3,6	8,1	11,8
Нормальное, ровное состояние	52,9	59,0	50,0	53,6	52,2
Испытываю напряжение, раздражение	24	24,6	36,9	29,7	20,7
Испытываю страх, тоску	2,9	4,9	3,6	3,8	7,4
Затрудняюсь ответить	2.9	4,9	6,0	4,8	7,9
Индекс социального настроения***, ед.	143,3	136,1	113,1	128,2	135,9

* Данные опроса преподавателей общеобразовательных учреждений Вологодской области, ИСЭРТ РАН, июнь 2011 г.

** Здесь и далее приводятся данные опроса населения Вологодской области, проведенного в апреле 2011 г. Опрошено 1500 респондентов в возрасте 18 лет и старше в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

*** Для расчета индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос: “Насколько Вы удовлетворены следующими сторонами жизни и аспектами профессиональной деятельности?”, в % от числа опрошенных

Варианты ответа	Размер заработной платы	Отношения в профессиональном коллективе	Отношения с родителями учащихся	Отношения с учащимися	Положение в обществе
Полностью удовлетворен(а)	0,0	26,6	16,8	27,7	5,6
Скорее удовлетворен(а)	4,8	58,1	62,4	59,6	37,6
Скорее неудовлетворен(а)	35,8	9,4	12,9	7,4	29,2
Полностью неудовлетворен(а)	57,6	3,6	3,8	3	17,8
Затрудняюсь ответить	1,8	2,3	4,1	2,3	9,9

Запас терпения также является важным показателем социального самочувствия и социального настроения населения и косвенно показывает уровень социальной напряженности в обществе. Уровень запаса терпения педагогов региона аналогичен среднеобластному показателю (75% и 76%, соответственно). Однако удельный вес педагогов, считающих, что "терпеть бедственное положение уже невозможно", составляет 20% (население в целом – 16%). Причем большую часть данной группы составляют педагоги, характеризующие свое экономическое положение как плохое и очень плохое. В целом запас терпения городских учителей выше, чем педагогов районов, что связано с лучшими условиями труда, более развитой инфраструктурой территорий.

Функции и роли учителя разноплановы и многопрофильны; он и медиатор-управленец учебного процесса, и куратор учащихся, судья их достижений и поведения, и организатор внеклассных видов деятельности, акций и мероприятий. Помимо того, учитель еще и представитель интересов государства, общественный деятель, воплощение нравственности и морали добропорядочного гражданина, представитель интеллигенции, носитель просвещенности и грамотности. Призвание настоящего преподавателя состоит в том, чтобы не только дать образование ученикам, но и сохранять и развивать в них человечность, передать им лучшие идеи человечества, для того чтобы они стали личностями мыслящими, самостоятельными, творческими, грамотными, духовно богатыми. На школьном этапе формируется идеология подрастающего поколения, именно школьная среда играет решающую роль в становлении юных граждан России. Поэтому их восприятие политической ситуации в стране педагогами чрезвычайно важно, в том числе и в свете модернизации образования.

Исследование показало, что среди педагогов нет единодушного мнения в оценке политической обстановки в России. "Благополучной и спокойной" ее считает 41% учителей, "напряженной, взрывоопасной" – 48%. Эти оценки сопоставимы с мнением населения региона. Политическую ситуацию в Вологодской области преподаватели оценивают более позитивно, чем все насе-

ление региона; 63% педагогов характеризуют ситуацию как "благополучную, спокойную", что на 5% выше оценки по области.

Превалирующая часть учителей (87%) предполагает свое обязательное участие в выборах президента РФ, и это подтверждает их высокую электоральную активность. Для преподавателей имеет большое значение, кто будет возглавлять страну. Основная часть педагогов в преддверии президентских выборов были намерены голосовать за находящиеся у власти политические силы. Если бы выборы президента РФ состоялись в ближайшее воскресенье, кандидатуру В.В. Путина поддержало бы 38% педагогов, в то время как Д.А. Медведеву отдавали предпочтение лишь 17%; за В.В. Жириновского и Г.А. Зюганова проголосовало бы 6 и 9%, соответственно. Эти цифры являются косвенным индикатором оценки происходящих преобразований в сфере образования. Недоверие к проводимой политике выражается и в отсутствии поддержки у основной части педагогов реформ в системе образования. Позитивно воспринимает преобразования образовательной системы менее трети учительского корпуса (27%).

Больше отрицательных оценок в отношении оптимизации сети образовательных учреждений, введения нормативно-подушевого финансирования образования и новой системы оплаты труда (68%). Меньше – в отношении интеграции образования и науки (19%). Значительная часть учителей негативно оценила введение новой системы оплаты труда (63%). Существенное увеличение в оплате труда ощутили только 1,5% преподавателей. У 29% педагогов она увеличилась незначительно, еще у 27% осталась без изменений. В то же время снижение оплаты труда отмечают 30% учителей *(табл. 6)*.

Результаты исследования согласуются с итогами анкетирования, проведенного Общественной палатой Республики Коми в 2010 г. среди педагогов региона. Учителям был задан вопрос о том, как они оценивают повышение заработной платы и новую систему оплаты труда. Реально ощутимое повышение затронуло 8% педагогов, незначительное – 35%, минимальное – 57%. Система выплат стимулирующего характера полностью не удовлетворяет 39% учителей [http://www.komiinfo.ru].

Таблица 6. Отношение педагогов к проводимым сегодня в образовании реформам, (в % от числа опрошенных)

Реформы	Положительное и скорее положительное	Скорее отрицательное и отрицательное	Затрудняюсь ответить	Индекс отношения к реформам*
Интеграция образования и науки	46,2	18,5	35,3	127,7
Переход высшего образования на двухуровневую систему подготовки кадров	28,9	39,8	31,3	89,1
Единый государственный экзамен	39,1	53,3	7,6	85,8
Введение новых образовательных стандартов в общеобразовательных школах	23,4	55,3	21,3	68,1
Введение нормативного финансирования образования	15,7	62,7	21,6	53,0
Введение новой системы оплаты труда педагогов	19,3	63,2	17,5	56,1
Оптимизация сети образовательных учреждений	15,7	73,1	11.2	42,6

*Для расчета индекса из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные - 200, равновесие первых и вторых - индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.
Источник: данные опроса преподавателей общеобразовательных учреждений Вологодской области, ИСЭРТ РАН, июнь 2011 г.

Меры властей по улучшению социального положения учительства оцениваются педагогами как недостаточные. В России 2010 г. был официально объявлен Годом учителя, что предполагало формирование в общественном сознании позитивного образа учителя, повышение имиджа педагогической профессии. Данные социологического исследования показали, что итоги Года учителя не оправдали ожиданий представителей этой профессии. Подавляющее их большинство (84%) считает, что государство и муниципальные власти не уделили достаточно внимания проблемам школы и преподавателей.

В современных условиях преподаватели оказываются на пересечении ряда социальных противоречий: с одной стороны, возрастает общественная значимость учительского труда для раз-

вития общества, с другой – этот труд является низкооплачиваемым, что крайне ограничивает финансовые возможности людей [Хридина, Березутский, 2008: 142–163]. Свое материальное положение педагоги оценивают в основном негативно. Почти 46% от числа всех опрошенных оценивают материальное положение своей семьи как плохое и очень плохое, в сельской местности – 60%; среди всего населения области так оценивают свое положение 33%. Соответствующий индекс по данным опроса учителей существенно ниже показателя по обследованию всего населения области (59 и 75 ед.). В сельской местности индекс материального положения преподавателей – 42 ед. По оценкам учителей, получаемые ими доходы на 64% меньше уровня, необходимого для нормальной жизни.

Низкие доходы – основа формирования социального парадокса: являясь уникальной социально значимой группой, учителя попадают в низкостатусную категорию лиц – "бедные и нищие". К группе бедных и нищих относят себя 65% педагогов, в сельской местности так оценивают себя 78%; среди всего населения области к этой категории себя относят 47% населения *(табл. 7)*. Это оказывает крайне негативное влияние не только на личное положение преподавателей, но и на престиж профессии в обществе.

Таблица 7. Социальная самоидентификация педагогов, в % от числа опрошенных

Варианты ответов	г. Вологда	г. Череповец	Районы	Среднее по опросу	Среднее по населению
Богатые	0,0	0,0	0,0	0,0	0,8
Люди среднего достатка	48,1	43,4	22,3	35,0	42,4
Бедные и нищие	51,9	56,6	77,6	65,0	46,8
Источник: опрос педагогов общеобразовательных учреждений Вологодской области, ИСЭРТ РАН, июнь 2011 г.					

Низкий социальный статус профессии педагога в обществе является реальным тормозом модернизации отечественной системы образования. По меньшей мере странным выглядит исключение из закона положения о том, что средняя заработная плата педагогов не может быть ниже средней заработной платы

по промышленности на фоне заверений о необходимости повышения уровня жизни педагогических работников. В то же время опыт развитых стран, например, Финляндии, доказывает, что рывок к качественному образованию стал возможным в том числе благодаря повышению социального статуса учителя [Музырчук, 2001: 4–10]. Для успешной модернизации образования пора уже на деле позаботиться о педагогах, по крайней мере, увеличить оплату труда в отрасли до среднего уровня по экономике в целом подобно тому, как это сделано в развитых странах мира (США – 112%; Канада – 111 %; Франция – 107%) [Проблемы регионального развития: 2009–2012, 2009: 112].

Проблема неуклонного снижения социального статуса учительства требует безотлагательного решения. Изменение социального статуса – процесс довольно сложный, это и общественное признание, и социальный престиж. В глазах общественности статус учителя связывается прежде всего с плохим материальным обеспечением и вознаграждением за нелегкий, но нужный для общества труд [Орлова, 1998; 88–94].

Низкий престиж профессии, несоответствие затраченных усилий оплате труда привели к тому, что существенная часть педагогов (50%) при возможности готова сменить педагогическую деятельность на любую другую, не связанную с образованием, что больше, чем в среднем по России (36%). При этом большую готовность к трудовой мобильности проявляют молодые специалисты (среди них к смене профессии готовы 60%).

Подавляющее большинство педагогов не просто не удовлетворены своим статусом и материальным положением, но и не верят в возможность реального возрождения престижности учительства. Об этом свидетельствует то, что только 3% педагогов хотели бы, чтобы их дети стали преемниками их профессии. Полученные результаты сопоставимы с оценками Всероссийского центра исследований общественного мнения (ВЦИОМ): среди россиян также невелика доля тех, кто хотел бы, чтобы их дети стали в будущем педагогами (17%). Это снижает устойчивость кадрового развития отрасли и говорит о том, что без поэтапного (на 30% ежегодно в течение 3-х лет) повышения размеров оплаты труда

учителей до среднего по экономике региона уровня, улучшения их социального статуса процесс полноценного воспроизводства кадрового потенциала школ будет невозможен [Выступление Председателя Правительства РФ В.В. Путина..., 2011 г.].

В целом социальное самочувствие педагогов несколько хуже, чем у всего населения области. Интегральный индекс социального самочувствия педагогов составляет 100 ед., а населения области – 110 *(табл. 8)*. Самый низкий индекс социального самочувствия показывают педагоги сельских районов (на 11% меньше, чем среди учителей городских школ).

Таблица 8. Индексы социального самочувствия

Индекс	г. Вологда	г. Череповец	Районы	Область	
				среднее по опросу	среднее по населению
Индекс запаса терпения	166,4	154,2	149,4	155,3	160,0
Индекс политической обстановки области	146,1	127,1	138,1	136,7	133,3
Индекс настроения	143,3	136,1	113,1	128,2	135,9
Индекс политической обстановки России	101,0	82,9	96,4	93,4	105,2
Индекс экономического положения области	62,5	75,4	57,2	64,2	78,1
Индекс экономического положения России	68,3	59,8	58,3	61,4	81,7
Индекс экономического положения семьи	70,2	71,2	41,7	58,5	74,9
Интегральный индекс социального самочувствия*	108,3	101,0	93,5	99,7	109,9

* Интегральный индекс социального самочувствия рассчитывался как среднее арифметическое входящих в него субиндексов.

Наиболее низкие значения имеют субиндексы экономического положения России, региона и семьи (64, 61 и 59, соответственно). Это говорит о том, что определяющее влияние на социальное самочувствие преподавателей оказывают экономические факторы (экономическая обстановка в стране и области, уровень доходов и их покупательная способность). Действие данных факторов негативно влияет на положение педагогов в обществе, ограничивает возмож-

ности в восстановлении трудового потенциала, роста культурного и образовательного уровня не только самих педагогов, но и членов их семей, что отражается на социальной самоидентификации.

На современном этапе развития России образование становится движущей силой экономического роста, повышения конкурентоспособности народного хозяйства, что делает его одним из важнейших факторов национальной безопасности страны. Потенциал образования должен быть в полной мере использован для обеспечения устойчивого развития российского общества. В этой связи государство должно разрешить назревшие в отрасли социальные и экономические проблемы, перестать экономить на общеобразовательной и профессиональной школе, научиться рассматривать образование как вложение средств в будущее страны, повысить инвестиционную привлекательность образования для вложения средств предприятий, организаций и граждан, модернизировать организационно-экономические механизмы, действующие в образовании.

Подводя итог, отметим, приведенные в статье данные позволяют утверждать, что заявления руководства о значимости роли педагогов в создании "человека будущего", о необходимости поддерживать и повышать статус учителя – лишь декларация. Сложившаяся ситуация настолько остра, что если не начать исправлять ее сегодня, то успех модернизации, инновационного развития страны, да и в целом ее будущего – под большим вопросом.

Литература

1. Федеральный закон Российской Федерации от 10 июля 1992 г. № 3266-1 г. Москва ''Об образовании". URL: http://mon/gov.ru/dok/fz/obr/3986
2. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации "Россия на рубеже эпох (О положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)". Москва, Кремль. 30 марта 1999 г.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. Москва, Кремль. 24 апреля 2005 г.

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1663 “Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года”.
5. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р
6. Ковалевский А. Приравнять учителя к госслужащему: система образования ждет перемен // Российская газета. Федеральный выпуск. № 5161 (82). 19.04.2010.
7. Федеральный закон № 122 от 22.08.2004, статья 16, П. 29.
8. Смолин О.Н., Горькавая О.Е. Российская концепция модернизации образования в контексте европейского опыта. URL: http://www.smolin.ru/artikles_edu/pdf/Smolin-Gorkavaya.pdf
9. Музырчук В.Ю. Основные противоречия государственной политики в сфере образования // Образование и общество. Орел: Труд. 2001. № 3 (68). С. 4–10.
10. Стенограмма отчета Председателя Правительства РФ В.В. Путина о деятельности Правительства РФ за 2010 г. (http://premier.gov.ru/events/news/14898/multiscripts.html).
11. Выступление Председателя Правительства РФ В.В. Путина на VI съезде Всероссийского педагогического собрания [Электронный ресурс]: http://premier.gov.ru/events/news/15422/
12. Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социол. исслед. 2003. № 4. С. 143–144.
13. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение / Ж.Т. Тощенко, С.В. Харченко. М.: Academia, 1996. С. 30.
14. Хридина Н.А., Березутский Ю.В. Молодые учителя региона в условиях модернизации системы образования социологический анализ // Научный ежегодник. Хабаровск: ДВАГС. 2008. № 6. С. 142–163.
15. Проблемы регионального развития: 2009–2012 / В.А. Ильин, К.А. Гулин, М.Ф. Сычев [и др.]; под ред. В.А. Ильина. Вологда: Вологодский научно-координационный центр ЦЭМИ РАН, 2009. С. 112.
16. Орлова Л.А. О социальном самочувствии учителей Московской области (по результатам социологических опросов) // Социол. исслед. 1998. № 8. С. 88–94.

2.3. Проблемы качества кадров местного самоуправления

Местное самоуправление представляет собой один из важнейших институтов современного общества. Оно является, с одной стороны, формой самоорганизации граждан, с другой стороны, в этом же качестве – составной частью гражданского общества, уровнем публичной власти (инструментом демократического участия граждан в управлении общими делами) и элементом рыночной экономической системы (восполняя пробелы рынка в части оказания услуг жителям и координации хозяйственной деятельности) [7]. По мнению английского исследователя А. Дэйвиса, местное управление – это «осуществление публичной власти на местном уровне» [14].

Развитие местного самоуправления названо в качестве одной из приоритетных задач государства: в Концепции долгосрочного социально- экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года определено, что формирование институциональной среды в России базируется, в том числе, и на эффективности государственного управления и местного самоуправления [4].

Президент РФ Д.А. Медведев, выступая на II Общероссийском гражданском форуме 22 января 2008 г., подчеркнул: «Местное самоуправление должно открывать гражданам возможность самостоятельно решать свои локальные проблемы без указаний и рас-

---

Статья подготовлена в соавторстве с Г.В. Леонидовой, Е.А. Чекмаревой.

Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Чекмарева Е.А. Проблемы качества кадров местного самоуправления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2010. № 1 (9). С. 81–91.

поряжений сверху» [3]. Для решения этой задачи муниципальным образованиям, всем органам местного самоуправления необходимы специалисты, которые обладают пространственным экономическим мышлением, могут видеть специфику эволюции территории как целостной сложноорганизованной системы, способны оценить её социально-экономический, природно-ресурсный, научно - технический, демографический, информационный потенциал, умеют управлять инновационными процессами и собственностью [14].

В свете реализации Федерального закона РФ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] на территории Вологодской области было создано 372 (после укрупнения в 2009 г. – 301) муниципальных образования (городские и сельские поселения) вместо 26, существовавших ранее. Это актуализировало задачу формирования кадрового состава муниципальной службы, которая продолжает реформироваться в рамках Федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009 – 2013 годы)», утверждённой Указом Президента РФ от 10 марта 2009 г. №261 [13].

Анализируя динамику численности персонала, занятого в органах государственной власти и местного самоуправления, отметим, что за период с 2000 по 2008 г. в целом по стране она увеличилась на 45% – с 1,2 млн. до 1,7 млн. человек [8, с. 56]. В Вологодской области, как видно из данных *таблицы 1*, наблюдается та же тенденция. Это связано с переходом к двухуровневой системе (муниципальные районы и сельские поселения), что предполагает формирование в каждом муниципальном образовании собственного профессионального персонала для управления развитием муниципалитета.

Несмотря на положительную динамику численности персонала органов местного самоуправления, дефицит кадров до сих пор остаётся актуальной проблемой для России в целом: штатные должности в муниципальных образованиях укомплектованы не полностью *(табл. 2)*.

Таблица 1. Численность работников государственных органов и органов местного самоуправления на 1000 человек постоянного населения, чел.

Территория	Год								
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	**8**	**8**	**9**	**9**	**9**	**10**	**11**	**11**	**12**
Северо-Западный федеральный округ	**8**	**8**	**9**	**9**	**9**	**11**	**11**	**12**	**12**
Республика Карелия	10	9	11	11	11	12	13	14	14
Республика Коми	9	9	10	11	11	13	14	15	15
Архангельская область	9	9	10	10	11	12	13	13	13
в том числе Ненецкий автономный округ	20	20	24	25	26	28	30	32	31
Вологодская область	**9**	**9**	**10**	**10**	**11**	**12**	**14**	**15**	**15**
Калининградская обл.	9	9	11	12	12	13	14	15	15
Ленинградская область	8	8	9	9	9	9	9	9	10
Мурманская область	8	9	10	10	11	12	13	14	14
Новгородская область	10	10	11	12	12	13	15	16	16
Псковская область	11	11	13	14	14	16	17	17	17
г. Санкт-Петербург	5	5	6	6	6	7	8	8	8
Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru									

Таблица 2. Укомплектованность должностей государственных гражданских и муниципальных служащих в целом по РФ и федеральным округам в 2008 г.

Территория	Органы исполнительной власти субъектов РФ		Органы местного самоуправления с исполнительно-распорядительными функциями	
	человек	укомплектованность, %	человек	укомплектованность, %
Российская Федерация	**200 179**	**94,9**	**333 487**	**95,9**
Центральный федеральный округ	57 117	95,1	78 188	93,7
Северо-Западный федеральный округ	**21 991**	**94,4**	**28 198**	**94,4**
Южный федеральный округ	32 429	95,7	46 693	97,4
Приволжский федеральный округ	37 512	94,4	73 356	96,9
Уральский федеральный округ	15 819	96,3	30 411	96,8
Сибирский федеральный округ	24 460	94,4	55 532	96,9
Дальневосточный федеральный округ	10 851	94,0	21 110	96,4
Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru				

Об этом же свидетельствуют и результаты опросов глав муниципальных образований, проводимых Институтом социально-экономического развития территорий РАН[1] начиная с 2007 г. [5, с. 15]. Наиболее значима рассматриваемая проблема для сельских поселений: каждый пятый глава оценил обеспеченность местной администрации кадрами как низкую и крайне низкую *(табл. 3)*.

Таблица 3. Оценка кадровой обеспеченности муниципалитетов (в % от числа ответивших)

Год опроса	Крайне низкая (0-30%) и низкая (40-60%)	Средняя (70-90%)	Высокая (более 90%)
Городские поселения			
2006	20,0	80,0	-
2007	20,0	50,0	30,0,
2008	-	56,2	43,8
Сельские поселения			
2006	40,3	42,0	17,7
2007	22,6	53,0	24,4
2008	19,2	57,6	23,2
Муниципальные районы			
2006	40,0	40,0	20,0
2007	42,8	57,1	-
2008	11,8	88,2	-
Источник: Результаты опросов глав муниципальных образований Вологодской области.			

Муниципальные образования остро нуждаются в квалифицированных кадрах муниципальной службы. Статистика показывает, что в 2009 г. более 77% муниципальных служащих имели высшее профессиональное образование, 21% – среднее специальное и 3% – не имели профессионального образования *(табл. 4)*.

Численность работников органов местного самоуправления, получивших дополнительное профессиональное образование, в 2008 г. составила 2,7 тыс. чел., т. е. 19% всей численности государственных гражданских (муниципальных) служащих соответствующих органов *(табл. 5)*.

[1] Опрос глав местного самоуправления проводится ИСЭРТ РАН по специально разработанной программе, включающей перечень вопросов, охватывающих различные аспекты социально-экономического состояния и жизнедеятельности муниципальных образований. Опрошено 258 человек.

Таблица 4. Распределение работников, замещавших должности муниципальной службы РФ, по уровню образования

По состоянию	Всего работников, человек	Имели профессиональное образование				Не имели профессионального образования	
		высшее		среднее			
		чел.	%	чел.	%	чел.	%
На 1 января 1999 г.	177 626	91 935	51,8	80 749	45,4	4 942	2,8
1 января 2001 г.	280 311	158 003	56,4	107 074	38,2	15 234	5,4
1 января 2002 г.	283 663	169 524	59,8	99 608	35,1	14 531	5,1
1 сентября 2003 г.	294 004	190 392	64,8	92 108	31,3	11 504	3,9
1 января 2005 г.	300 561	203 661	67,8	87 619	29,2	9 337	3,0
1 января 2007 г.	343 654	245 390	71,4	86 394	25,1	11 870	3,5
1 октября 2008 г.	367 620	274 512	74,7	82 674	22,5	10 434	2,8
1 октября 2009 г.	364 903	280 597	76,9	75 203	20,6	9 103	2,5
Источник: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru							

Таблица 5. Численность работников на государственных и муниципальных должностях, получивших дополнительное профессиональное образование (по данным единовременных обследований)

Численность работников, занимающих должности государственной гражданской и муниципальной службы в органах государственной власти и местного самоуправления	Получили дополнительное профессиональное образование	
	человек	в % от численности государственных (муниципальных) служащих
	2008 г.	2008 г.
Всего работников	2 720	18,9
В том числе в органах: государственных	2 174	25,8
законодательных	12	12,1
исполнительных	2 009	28,1
из них: в территориальных органах федеральных министерств и ведомств	1 624	36,5
областных	385	14,3
судебной власти и прокуратуры	146	13,2
других государственных органах	7	7,8
местного самоуправления	546	9,2
из них: представительных	13	12,0
местных администрациях (исполнительно-распорядительных органах)	432	9,3
контрольных	1	5,6
иных органах	100	8,6
Источник: Труд и занятость в Вологодской области в 2008 году: бюллетень / Вологдастат. Вологда, 2009. С. 111.		

В Вологодской области, благодаря совместной деятельности Управления государственной службы и кадров Правительства области и филиала Северо-Западной академии госслужбы, в 2007 г. было охвачено обучением более 1,5 тыс. человек. В филиале обучались 101 служащий федеральных органов, 170 государственных гражданских служащих, 332 муниципальных служащих. Однако, как видно из данных *таблицы 6*, пока при подготовке и повышении квалификации преобладают краткосрочные формы, нет должной этапности и последовательности, слабо используются активные методы. Особенно это касается подготовки глав сельских поселений и муниципальных служащих районного звена.

Таблица 6. Повышение квалификации кадров местного самоуправления в Вологодской области в 2007 г.

Формы повышения квалификации	Главы муниципальных образований		Муниципальные служащие	
	чел.	в % к общей численности	чел.	в % к общей их численности
Учились в вузах по специальности, связанной с исполнением полномочий по муниципальной должности	14	3,8	332	6,2
Прошли краткосрочный курс повышения квалификации (не менее 72 часов обучения)	8	2,1	1500	28,0
Участвовали в 1-2-дневных семинарах, конференциях и т. п. по повышению квалификации	294	79,0	502	9,4
Прошли стажировку за рубежом	-	-	12	0,2
Источник: Отчётные материалы муниципальных органов Вологодской области за 2007 г.				

Главы местного самоуправления, согласно данным проводимого ИСЭРТ РАН опроса, признают недостаточность собственных знаний в определённых сферах и оценивают уровень своей квалификации как «удовлетворительный». Только 23% глав сельских поселений, 44% – городских и 57% – муниципальных районов считают его достаточным для управления муниципальным образованием *(табл. 7)*. В то же время значительное количество руководителей администраций (36%) затрудняются с практическим применением полученных в ходе повышения квалификации знаний.

Таблица 7. Оценка главами муниципальных образований уровня своей квалификации (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	2006 г.			2007 г.			2008 г.		
	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы
Достаточный	33,3	20,8	50,0	50,0	22,8	68,8	44,4	23,3	57,1
Удовлетворительный	66,7	60,4	50,0	50,0	56,7	31,2	50,0	65,1	28,6
Недостаточный	-	18,8	-	-	20,5	-	5,6	11,6	14,3
Источник: Результаты опросов глав муниципальных образований Вологодской области, проведённых ИСЭРТ РАН в 2007 – 2009 гг.									

Недостаточный уровень знаний муниципальных служащих, по мнению глав, наиболее сильно ощущается при решении многих вопросов: юридических и экономических, в области государственного и муниципального управления, в сфере использования информационных технологий *(табл. 8)*.

Таблица 8. Оценка главами муниципальных образований уровня знаний муниципальных служащих (в % от числа ответивших)

Варианты ответа на вопрос: «В какой сфере, по Вашему мнению, имеется недостаток знаний муниципальных служащих?»	2006			2007			2008		
	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы
Экономика	33,3	31,8	12,5	46,2	29,3	56,3	33,3	28,3	38,1
Юридические вопросы	41,7	86,0	50,0	46,2	84,5	37,5	61,1	83,1	47,6
Управление персоналом	-	8,4	-	-	5,0	37,5	16,7	8,7	14,3
Государственное и муниципальное управление	16,7	18,7	37,5	30,8	16,0	6,3	27,8	21,0	23,8
Информационные технологии	41,7	37,4	37,5	38,5	44,2	50,0	50,0	34,2	33,3
Земельное и имущественное управление	-	-	-	-	-	-	22,2	46,2	33,3
Источник: Результаты опросов глав муниципальных образований Вологодской области, проведённых ИСЭРТ РАН в 2007–2009 гг.									

Уровень профессионализма муниципальных служащих большинство глав местного самоуправления (около 72% – сельских поселений, 58% – городских и 55% – муниципальных районов) оценивают только как *удовлетворительный (табл. 9)*.

Таблица 9. Оценка главами муниципальных образований уровня квалификации муниципальных служащих (в % от числа ответивших)

Уровень квалификации	2006 г.			2007 г.			2008 г.		
	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы	Городские поселения	Сельские поселения	Муниципальные районы
Достаточный	41,7	17,8	25,0	30,8	15,6	12,5	42,0	17,8	45,0
Удовлетворительный	58,3	69,1	75,0	61,5	70,0	75,0	58,0	72,2	55,0
Недостаточный	-	13,1	-	7,7	14,4	12,5	-	10,0	-

Источник: Результаты опросов глав муниципальных образований Вологодской области, проведённых ИСЭРТ РАН в 2007 – 2009 гг.

Любая система управления должна предусматривать оценку эффективности управленческих решений. В 2008 г. был принят Указ Президента РФ № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» с перечнем соответствующих показателей [11]. В качестве отдельного критерия в нем выделена «удовлетворённость населения деятельностью органов местного самоуправления городского округа (муниципального района)».

Мониторинговые исследования, проводившиеся ИСЭРТ РАН в период с 2005 по 2009 г. в Северо-Западном федеральном округе[2],

[2] Структура по сбору, обработке и анализу информации включает в себя сеть опросных центров, состоящую из головного центра (непосредственно ИСЭРТ РАН) и представительств в отдельных областях и республиках СЗФО. В функции ИСЭРТ РАН входит общая координация работ, обработка и анализ информации. Всего опрашивается 5100 респондентов в возрасте 18 лет и старше по 400 человек в каждом из девяти регионов федерального округа, в Вологодской области (контрольный регион) – 1500. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций: между городским и сельским населением; жителями населённых пунктов различных типов (сельские населённые пункты, малые и средние города); в соответствии с половозрастной структурой взрослого населения.

позволяют получить представление об отношении жителей субъектов округа к работе местных органов исполнительной власти. Преобладающей среди жителей СЗФО является доля тех, кто «полностью и в основном **не одобряет**» работу местных органов власти *(табл. 10)*.

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?» (в % от числа опрошенных, 2009 г.)

Регион	Вариант ответа							
	Полностью и в основном одобряю		Полностью и в основном не одобряю		С деятельностью не знаком		Затрудняюсь ответить	
	главы местной администрации	Совета самоуправления	главы местной администрации	Совета самоуправления	главы местной администрации	Совета самоуправления	главы местной администрации	Совета самоуправления
Ленинградская обл.	39,5	29,7	36,0	20,2	9,4	21,4	15,1	28,7
Республика Карелия	22,2	23,8	57,7	47,1	7,1	10,1	13,0	19,0
Вологодская обл.	37,0	34,1	30,7	27,5	7,7	9,3	24,6	29,1
Архангельская обл.	27,9	18,2	37,2	35,4	6,7	11,2	24,4	35,2
г. Санкт-Петербург	20,4	15,0	33,7	28,9	18,2	21,4	27,7	34,7
Республика Коми	26,4	17,5	41,9	30,7	8,7	18,7	22,9	33,2
Мурманская обл.	31,7	25,0	31,5	25,6	9,8	15,1	27,0	34,3
Новгородская обл.	22,3	12,8	40,8	32,5	5,0	11,3	32,0	43,5
Псковская обл.	21,9	14,0	25,2	20,0	13,5	21,2	39,4	44,9
Калининградская обл.	10,5	7,8	44,8	41,8	20,0	17,3	24,8	33,3
Среднее по СЗФО	26,0	20,4	38,0	32,0	11,0	14,8	25,1	32,9
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.								

По характеру оценок населением работы глав местных администраций регионы СЗФО можно разбить на три группы:

1) регионы, в которых одобрительные оценки превалируют над отрицательными (Ленинградская область, Вологодская область);

2) регионы, в которых оценки жителей распределились примерно поровну (Мурманская область, Калининградская область, Псковская область);

3) регионы, в которых удельный вес отрицательных оценок больше, чем положительных (их большинство: г. Санкт-Петербург, Республика Коми, Республика Карелия, Архангельская область, Новгородская область).

По данным исследований, проводимых ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области[3], на протяжении многих лет оценка населением деятельности властных структур регионального и местного уровня ниже, чем федерального. Так, удельный вес граждан, одобряющих работу глав местных администраций, советов самоуправления, не достигает и 50% *(табл. 11)*.

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..?» (позиция «Полностью и в основном одобряю»; в % от числа опрошенных)

Институт власти	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Президент РФ	66,0	65,4	70,0	75,3	73,4	62,9
Губернатор области	56,1	51,1	48,8	55,8	56,5	44,8
Глава местной администрации	45,9	41,4	39,3	41,1	44,1	40,8
Законодательное Собрание области	30,6	34,7	35,7	39,3	40,5	34,3
Совет самоуправления (городская, районная Дума)	28,0	33,7	34,6	37,7	37,7	35,7
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.						

Оценить не только уровень одобрения, но и степень единодушия в отношении к власти позволил перевод качественных характеристик одобрения населением деятельности властных структур в количественную четырёхбалльную шкалу (1 балл – полностью не одобряю, 2 – в основном не одобряю, 3 – в основном одобряю, 4 – полностью одобряю). Результаты вычислений показали, что в

[3] Опрос проводится ИСЭРТ РАН, начиная с 1999 г., ежегодно, в апреле – мае, в городах Вологде, Череповце и в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Объём выборки – 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населённых пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города); пропорций половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

период с 2000 по 2009 г. происходил рост уровня одобрения институтов власти, о чем говорит увеличение математического ожидания [4] *(табл. 12)*, в первую очередь в оценках деятельности советов самоуправления и глав местных администраций. При этом различия в мнениях населения заметно сильнее проявляются в оценках деятельности местных органов управления, чем региональной и федеральной власти, что подтверждают большие значения среднеквадратического отклонения.

Таблица 12. Основные статистики показателей одобрения деятельности властных структур

Властная структура	2000 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Президент РФ						
Математическое ожидание	2,94	2,90	3,02	3,12	3,11	2,94
Среднеквадратическое отклонение	0,71	0,76	0,69	0,68	0,66	0,73
Губернатор области						
Математическое ожидание	2,84	2,65	2,64	2,77	2,79	2,66
Среднеквадратическое отклонение	0,77	0,79	0,76	0,73	0,73	0,79
Глава местной администрации						
Математическое ожидание	2,62	2,49	2,46	2,52	2,59	2,58
Среднеквадратическое отклонение	0,83	0,83	0,79	0,78	0,81	0,83
Законодательное Собрание области						
Математическое ожидание	2,50	2,45	2,50	2,60	2,68	2,60
Среднеквадратическое отклонение	0,77	0,80	0,74	0,71	0,71	0,77
Совет самоуправления (городская, районная Дума)						
Математическое ожидание	2,48	2,47	2,47	2,53	2,58	2,55
Среднеквадратическое отклонение	0,83	0,83	0,78	0,76	0,78	0,81
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.						

Одной из причин низкого уровня одобрения деятельности органов местного само-управления является, по нашему мнению, слабая информированность населения: результаты опросов показывают, что в полной мере информированными считает себя только 7–14% населения *(табл. 13)*.

[4] Математическое ожидание – это среднее значение, наиболее употребительная характеристика центра группирования значений случайной величины. Среднеквадратическое отклонение – это характеристика степени рассеивания случайной величины, среднее отклонение от центра группирования значений.

Таблица 13. Распределение ответов на вопрос: «Достаточно ли Вы информированы о деятельности органов местного самоуправления?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	Дата	Вологда	Череповец	Районы	Область
Информирован в полной мере	Июнь 09	14,0	8,4	8,1	9,6
	Авг. 08	7,1	14,1	9,4	10,1
Частично информирован	Июнь 09	60,8	71,1	66,6	66,3
	Авг. 08	57,1	64,4	66,4	63,7
Совсем не информирован	Июнь 09	24,4	20,5	25,3	23,9
	Авг. 08	35,4	20,7	23,7	25,7
Затрудняюсь ответить	Июнь 09	0,8	0,0	0,0	0,2
	Авг. 08	0,3	0,8	0,5	0,5
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.					

Большая часть жителей области информированы о деятельности управленческих структур лишь частично, при этом четверть жителей региона совершенно не информированы об этом. Повышение информированности в отношении деятельности органов местного самоуправления увеличивает уровень доверия к власти, формирует активную жизненную позицию населения, снижает социальное напряжение. Не случайно одним из приоритетных направлений повышения эффективности местного управления является его открытость и тесное взаимодействие власти с гражданским обществом [4].

Мониторинг эффективности управления развитием муниципалитета, проводимый ИСЭРТ РАН в течение ряда лет в г. Вологде, показывает, что *большинство населения отрицательно характеризует моральный статус сотрудников аппарата городского управления*, представляя их преимущественно как людей, для которых важны сама власть (22% от числа опрошенных) и привилегии, данные этой властью (23%; *табл. 14*). В то время как удельный вес жителей, считающих, что чиновники городской администрации заботятся о благе населения, составляет только 6%. Однако доля горожан, характеризующих работников администрации как организаторов-практиков, умеющих работать с людьми, с каждым годом увеличивается.

Представляется, что такая ситуация может быть вполне типичной для многих российских территорий.

Таблица 14. Мнение горожан о работниках администрации г. Вологды
(в % от числа опрошенных, без затруднившихся ответить)

Показатели	2003–2004 гг. (среднее)	2005–2006 гг. (среднее)	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Это образованные, знающие специалисты	10,1	6,3	5,8	7,0	6,9
Это люди, которые заботятся о благе населения города	8,6	6,7	6,8	5,9	5,5
Это организаторы-практики, умеющие работать с людьми	8,9	11,3	2,9	10,8	11,8
Для этих людей главное – сама власть	21,5	29,5	23,8	19,6	22,3
Это люди, озабоченные только своими привилегиями	26,4	19,8	29,9	20,3	23,0
Это защитники «старых», дореформенных взглядов	1,4	2,7	2,6	3,1	5,5
Источник: Разработка направлений повышения эффективности управления социально-экономическим развитием г. Вологды в условиях кризиса: отчёт о НИР. ИСЭРТ РАН, 2009.					

В современных условиях определяющим становится профессионализм управленческих кадров страны. В его основе должны быть прежде всего социальная компетентность и высокая квалификация. Совершенно очевидно, что если муниципальный чиновник хорошо знает своё дело, проявляет собранность, деловитость при выполнении должностных обязанностей, то его труд получает достойную оценку со стороны населения, что поддерживает авторитет всего органа местного самоуправления.

В силу национальных особенностей и различий в уровне экономического развития в каждой стране сложился свой образ идеального управленца *(табл. 15)*.

Таблица 15. Сравнительные характеристики профессионально-значимых качеств менеджеров в разных странах

Страна	Наиболее важные качества хорошего менеджера
США	Развитость ума, честность, логичность, техниковооружённость, широта познаний, перспективность, коммуникабельность, цельность характера, лидерство, способность делегировать власть, ораторские способности, умение принимать решения, твёрдость, умение сосредоточиваться, умение воспитывать, чувство юмора, умение слушать, желание слушать, объективность, организаторские способности

Окончание таблицы 15

Страна	Наиболее важные качества хорошего менеджера
Великобритания	Способность делегировать власть, коммуникабельность, доступность, умение слушать, авторитетность, компетентность, техниковооружённость, честность, твёрдость, заинтересованность в людях, позитивность, решительность, юмористичность, широта способностей, продуктивность, дружелюбие, прилежание, общительность, знание специальности, отсутствие болтливости
Франция	Умение и навыки межличностного общения, неординарность, жизненный опыт, техническая компетентность, авторитет, внешние данные
Финляндия	Напористость, включающая агрессивность (в положительном смысле слова), целеустремлённость, стремление обязательно добиться достижения поставленных целей, доведения начатого дела до конца
Япония	Энергичная инициативность и решительность, в том числе в условиях риска, долгосрочное предвидение и гибкость, широта взглядов, глобальный подход, умение правильно проводить расстановку кадров, готовность и способность выслушивать мнение других, личное обаяние, использование открытого стиля управления, приветствующего сотрудничество, умение чётко формировать цели и установки
Россия	Отзывчивость, внимательность, вежливость, техническая грамотность, воля, настойчивость, решительность, ум, толковость, сообразительность, организаторские способности
Источник: Сутович Е. Профессионально-значимые качества менеджера. Взгляд вчера и сегодня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nestor.minsk.by/sn/1999/31/sn93110.html (15.01.2010 г.).	

В России, поставившей перед собой задачу перехода на инновационный путь развития, будет постоянно расти спрос на управленцев нового типа [15], наиболее важными характеристиками которых являются следующие:

– готовность к постоянной инновационной деятельности;

– подготовленность к обработке и оценке информации как постоянной составляющей трудовой деятельности;

– умение действовать в экстремальных условиях, принимать нестандартные решения, анализировать возникающие проблемы;

– включённость в систему непрерывного образования;

– готовность к сочетанию личных и групповых интересов, установлению контакта внутри своей группы и с другими коллективами;

– инициативность и предприимчивость;

– сочетание технической и гуманитарной культуры;

– профессиональная, квалификационная, территориальная подвижность.

В характеристиках управленцев нового типа отмечаются и такие качества, как:

– наличие стратегического инновационного мышления;

– умение воздействовать на взаимоотношения многих людей и структур;

– владение искусством управления смешанными командами из представителей различных сфер и групп;

– высокий уровень работы с информацией и коммуникациями в виртуальном пространстве.

Ещё одной важной компетенцией, которая остро требуется в структурах власти и актуальность которой становится всё более выраженной, является способность работать в условиях недостатка времени [2].

Таким образом, в сфере местного самоуправления наблюдается недостаток кадров (почти каждый пятый глава оценил обеспеченность местной администрации кадрами как низкую и крайне низкую).

Кроме того, профессиональный уровень кадров местного самоуправления, согласно данным исследований, недостаточен для эффективного решения вопросов местного значения (только 23% глав сельских поселений ответили, что имеют соответствующую квалификацию). Отсутствие у муниципальных служащих необходимых знаний и профессиональных навыков приводит к низкой эффективности управленческих решений и, как следствие, к снижению авторитета органов местного самоуправления среди населения.

Результаты исследований, проведённых на территории СЗФО, показывают, что уровень одобрения деятельности местного самоуправления в регионах довольно низкий. Реальная система органов местного самоуправления видится пока значительной части населения скорее как институт официальной власти, нежели институт народовластия, созданный по инициативе граждан.

Следовательно, вопросы подготовки муниципальных управленцев и формирования кадрового резерва требуют повышенного внимания со стороны государства и гражданского общества.

Литература

1. Васильев О.А. Практика организации работы по формированию резерва управленческих кадров в Вологодской области // Формирование управленческого резерва кадров: региональный опыт: материалы Межрегиональной науч.-практ. конф. – Режим доступа: http://ags-vologda.ru/main/ru/141/
2. Даценко И.П. Профессиональная команда Вологодчины. URL: http://vologda-oblast.ru/Periodic.asp? CODE=3931&LNG=RUS (15.02.2010 г.).
3. Медведев Д.А. Из выступления Президента РФ на II Общероссийском гражданском форуме. URL: http://www.medvedev2008.ru/performance_2008_01_22.htm (15.02.2010 г.).
4. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распор. Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. М., 2008.
5. Проблемы реформирования местного самоуправления и пути их решения: отчет о НИР. ИСЭРТ РАН, Вологда, 2009.
6. Ильин В.А. , Сычев М.Ф., Гулин К.А. Пространственные аспекты развития региона; под ред. В.А. Ильина. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2008. 298 с.
7. Российское местное самоуправление: итоги муниципальной реформы 2003–2008 гг.: аналитический доклад. Институт современного развития. URL: http://www.riocenter.ru/ru/programs/doc/3928 (15.01.2010)
8. Россия в цифрах. 2009: краткий стат. сб. Росстат. М., 2009. 525 с.
9. Сутович Е. Профессионально-значимые качества менеджера. Взгляд вчера и сегодня. URL: http://www.nestor. minsk.by/sn/1999/31/sn93110.html (15.01.2010).
10. Труд и занятость в Вологодской области в 2002–2006 гг.: стат. бюллетень. Вологдастат. Вологда, 2009. С. 150.
11. Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. №607. URL: http://www.consultant.ru /online/base/?req=doc;base=law;n=76576 (15.02.2010)
12. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон РФ от 6 октября 2003 г.

№ 131-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. РФ 16 сентября 2003 г.: одобрен Советом Федерации 24 сентября 2003 г. // Российская газета. 2003. 8 октября.

13. О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 № 261. URL: http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=law;n=85601 (15.02.2010)
14. Чертенко А.Л. Социальная компетентность как фактор повышения профессионализма служащих местного самоуправления // ЧиновникЪ. Екатеринбург, 2005. Вып. № 505 (39). URL: http://chinovnik.uapa.ru/modern/issue.php?id=46 (26.02.2010 г.)
15. Шкаратан О.И. Русская трудовая и управленческая культура // Мир России. 2002. № 1. С. 3–56.

Глава III. Серебряное поколение: от «демографической нагрузки» к «человеческому капиталу»

3.1. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления

Начиная с середины XIX века, демографическая ситуация в развитых странах мира характеризовалась тенденцией к постепенному снижению рождаемости при довольно низком уровне смертности. Для ученых стал очевидным тот факт, что рост численности населения постепенно станет замедляться и демографический дивиденд колоссального роста численности населения предыдущих периодов в скором времени себя исчерпает. Уже в XX веке демографами стали отмечаться предпосылки к увеличению удельного веса лиц пожилого возраста (60 лет и старше) в общей численности населения [2]. Этот процесс получил название «демографическое старение» – увеличение доли пожилых и старых людей в общей численности населения, причиной которого служат длительные изменения в характере воспроизводства населения [5]. Последовательное изучение данного явления привело ученых к осознанию того факта, что «старение» общества носит не временный характер и возрастная структура населения уже никогда не станет прежней [3; 4].

В XXI веке старение населения оказывает все большее воздействие на общество и требует повышенного внимания со стороны государственных органов. Как в развитых, так и во многих развивающихся странах доля пожилых людей в структуре населения увеличивается быстрыми темпами. Старение населения открывает новые возможности, связанные с активным участием стар-

---

Статья подготовлена в соавторстве с В.Н. Барсуковым.

Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1 (75). С. 76–87.

ших поколений как в экономической, так и в социальной жизни. Старение населения также обусловливает возникновение важных проблем, связанных, в частности, с обеспечением финансовой жизнеспособности пенсионных систем, покрытием расходов на системы здравоохранения и всесторонним использованием потенциала пожилых людей как активных участников процесса общественного развития.

На международной арене проблемы демографического старения нашли свое отражение в Мадридском международном плане действий по проблемам старения, принятом консенсусом на второй Всемирной ассамблее по проблемам старения 12 апреля 2002 года. Мадридский план действий обеспечивает основу для включения обсуждения проблем старения населения в международные дискуссии по вопросам развития, а также мероприятия по реализации национальных стратегий, отвечающих задаче построения общества для людей всех возрастов [9].

В Плане действий первоочередное внимание уделяется обеспечению того, чтобы вопрос о старении населения стал неотъемлемой частью международной повестки дня в области развития, улучшения здоровья и повышения благосостояния в пожилом возрасте, а также создания благоприятных условий для пожилых людей, которые открывают перед ними широкие возможности.

В России все чаще осознается тот факт, что в условиях низкой рождаемости интенсивность старения населения будет нарастать. Так, в Концепции демографической политики РФ до 2025 года одной из главных задач является достижение ожидаемой продолжительности жизни до уровня 75 лет [8]. Постепенное принятие данного факта делает актуальными разработки в различных областях науки, целью которых является адаптация современного общества к новым условиям, которые продиктованы ему структурными изменениями в возрастной структуре населения мира.

Проблема демографического старения рассматривалась учеными на протяжении последнего столетия, однако постоянно изменяющиеся условия оставляют актуальным исследование процесса старения общества, выявления его факторов и последствий. Нарас-

тание темпов старения населения в мире и стране требует постоянного мониторинга и учета тенденций данного процесса в стратегическом планировании.

Целью данного исследования являлось выявление наиболее значимых аспектов развития процесса демографического старения в России и субъектах РФ. Информационной базой исследования послужили данные ООН, Всемирной Организации Здравоохранения, Росстата, Единой межведомственной информационно-статистической системы.

В 2013 году первое место в мире по уровню старения занимала Япония, где почти каждый третий человек находился за порогом старости (32% пожилых). Также в первой десятке находились представители Западной Европы и Скандинавии. Россия занимала 17-е место, а доля пожилых составила 19%. Отдельно стоит выделить такие страны, как Катар и Объединенные Арабские Эмираты, которые являются регионами с самым «молодым» населеним в мире (2% и 1% соответственно) [17].

Поскольку демографический переход в России начался позднее, чем в других странах Европы, то значения показателей старения для России были и остаются меньшими, чем для этих стран, но, как это демонстрируют представленные ниже расчеты, происходит постепенное сближение с показателями стран Западной, Северной, Восточной и Южной Европы *(табл. 1)*. Расчеты проведены на основании трех показателей, наиболее часто используемых при исследовании процесса демографического старения: коэффициент старения (удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения), индекс старения (число пожилых, приходящееся на 100 детей в возрасте от 0 до 14 лет), демографическая нагрузка за счет пожилых (число пожилых, приходящихся на 1000 человек трудоспособного возраста).

Полученные данные свидетельствуют об отсутствии принципиальных различий в динамике старения населения России и развитых европейских стран, а также о сближении значений рассмотренных показателей для Западной, Северной и Южной Европы. Отставание России связано с более поздним вступлением в чет-

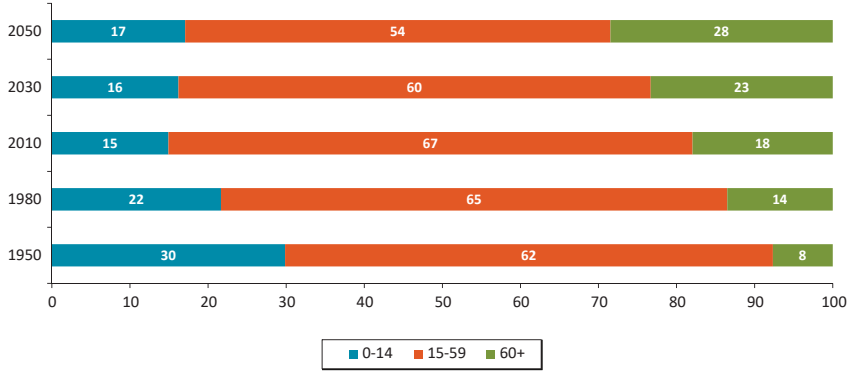
вертую фазу демографического перехода, которая характеризуется низкой рождаемостью, низкой смертностью и увеличением удельного веса лиц пожилого возраста [12].

Таблица 1. Показатели старения для России и некоторых стран Европы

Страна	Год	Доля лиц в возрасте 60+, % (коэффициент старения)	Индекс старения	Демографическая нагрузка за счет пожилых
Россия	1950	7,7	26	123
	1980	13,5	62	208
	2010	18,0	120	268
Швеция	1950	14,9	64	240
	1980	21,9	112	375
	2010	25,0	151	426
Франция	1950	16,2	72	266
	1980	17,2	77	285
	2010	23,0	125	393
Германия	1950	14,4	62	231
	1980	19,0	103	305
	2010	26,0	194	430
Великобритания	1950	15,7	70	253
	1980	20,0	95	338
	2010	22,7	129	379
Италия	1950	12,0	45	196
	1980	17,3	78	285
	2010	26,5	189	446
Испания	1950	10,8	41	173
	1980	15,3	59	261
	2010	22,4	150	358
Польша	1950	8,2	28	132
	1980	13,1	54	209
	2010	19,3	129	294
Украина	1950	10,9	40	177
	1980	15,4	72	245
	2010	20,1	145	305

Источник: Данные World Population Prospects: The 2012 Revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm

Рис. 1. Структура населения России по основным возрастным группам, %



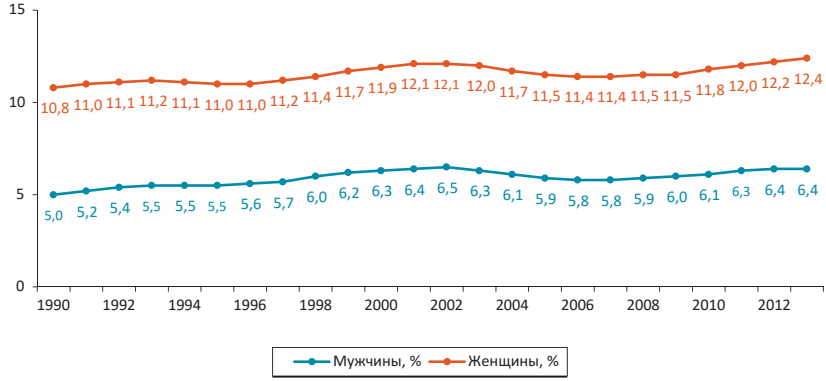
Источник: Данные Profiles of Ageing 2013. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/urban/profilesOfAgeing2013.shtml

Возрастная структура России будет изменяться, следуя современным демографическим тенденциям: увеличение доли пожилых людей в общей численности населения, уменьшение доли лиц в трудоспособных и младших возрастах. К 2050 году почти каждый третий человек в стране будет находиться за порогом 60 лет *(рис. 1)*. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, в 2031 году число иждивенцев составит 832 человека на 1000 человек населения трудоспособного возраста, причем две трети составят люди в возрасте 60 лет и старше [13; 15].

Продолжительное время отличительной чертой старения России является его ярко выраженный гендерный дисбаланс. В то же время следует отметить снижение разницы в численности мужчин и женщин старше 60 лет: в 1990 году численность женщин среди пожилых превышала численность мужчин в 2,16 раза, тогда как в 2013 году – в 1,84 раза *(рис. 2)*.

Главной причиной выравнивания числа мужчин и женщин в общей численности пожилых людей является снижение мужской смертности в трудоспособном возрасте (от 16 до 59 лет): с 2005 года возрастной коэффициент смертности мужчин в трудоспособном возрасте имел устойчивую тенденцию к снижению (с 13,7 в 2005 году до 12,1 в 2012 году; *рис. 3*).

Рис. 2. Удельный вес мужчин и женщин в общей численности пожилых людей, 1990 – 2013 гг., %



Источник: Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: http://fedstat.ru/indicators/start.do

Рис. 3. Возрастной коэффициент смертности (число умерших мужчин на 1000 человек населения трудоспособного возраста)

Источник: Данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru

Интенсивность процесса старения позволяют охарактеризовать возрастные показатели старения[1]. Проведенный анализ показал, что за тридцатилетний период с 1959 по 1989 население как в России, так и в Вологодской области «постарело» на 4,5 года, тогда как в период с 1989 по 2010 год интенсивность старения заметно снизилась: по России возрастной показатель старения имел значение 3 года, в Вологодской области – 1 год *(табл. 2)*.

Таблица 2. Возрастные показатели старения для России и Вологодской области (по данным переписей 1959–2010 гг.)

Показатель	Территория			
	Россия	Вологодская область	Россия	Вологодская область
	1959–1989 гг.		1989–2010 гг.	
Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в начале периода, %	9	11	15	18
Доля лиц в возрасте 60 лет и старше в конце периода, %	15	17	18	18
Интенсивность старения в возрасте 60 лет и старше, лет	4,5	4,5	3	1
Источник: Данные переписей 1959–2010 гг. URL: http://demoscope.ru/weekly/pril.php				

[1] Согласно трактовке Г.Л. Сафаровой [12], данный показатель рассчитывается следующим образом: в некотором населении в момент T_0 доля лиц в возрасте n и старше (n+) равна p%. Затем рассматривается структура этого населения в момент $T_1=T_0+t$ и находится та возрастная группа, доля которой равна p%; пусть это окажется группа (n+t)+. Тогда можно сказать, что в рассматриваемом населении старение в возрасте n за период t составило t лет. Таким образом, старение населения характеризуется повышением возраста, для которого остается постоянной исходная доля пожилых людей. Из определения этого показателя следует, что он обладает свойством аддитивности: пусть старение в возрасте n за период t составило t лет; это означает, что доля лиц в возрасте (n + t)+ в момент $T_1 = T_0+t$ составляет p% (как и в исходном T_0-ом году); пусть в момент $T_2 = T_1 + t_1$ ($=T_0 + t + t_1$) долю p % имеет возрастная группа $(n+t+t_1)+$. Тогда старение в возрасте n+t за период t_1 составляет t_1, а старение в возрасте n за период $t+t_1$ составит $t + t_1$.

Россия имеет наибольшую в мире территорию, ее населяют люди 182 национальностей, поэтому при формировании и реализации социальной политики необходимо учитывать региональные особенности воспроизводства населения и процесса старения. В начале XXI века демографическую ситуацию в большинстве регионов России можно описать одними и теми же терминами: низкая рождаемость, не обеспечивающая простого воспроизводства, и высокий уровень смертности, определяющий низкую ожидаемую продолжительность жизни [12].

Для анализа демографического старения регионов РФ воспользуемся шкалой Э. Россета [11], который выделял этапы старения территорий исходя из удельного веса населения в возрасте 60 лет и старше, проживающего на них *(табл. 3)*. Анализ показал, что в 1990 году в России 59 регионов находились за порогом старости

Таблица 3. Распределение регионов РФ по уровню демографического старения в соответствии со шкалой Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета (1990–2013 гг.)

Этап	Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровня старости населения	Регионы РФ по состоянию на 1990 год	Регионы РФ по состоянию на 2013 год
1	<8	Демографическая молодость	10	5
2	8–10	Первое преддверие старости	5	2
3	10–12	Собственно преддверие старости	9	3
4	12 и выше	Демографическая старость	59	73
	12 – 14	Начальный уровень демографической старости	10	3
	14 – 16	Средний уровень демографической старости	14	7
	16 – 18	Высокий уровень демографической старости	12	12
	18 и выше	Очень высокий уровень демографической старости	23	51

Источник: Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://fedstat.ru/indicators/start.do

(доля пожилых >12%), а в 23 субъектах отмечался «очень высокий уровень демографической старости» (доля пожилых людей превышала 18%). В 2013 году число регионов, перешедших на этап «демографической старости», достигло 73, а количество субъектов, где критическое значение в 18% было превышено, возросло более чем в 2,5 раза (51 субъект).

В 1990 году наибольший удельный вес пожилых людей в общей структуре населения наблюдался в Тверской (21,5%), Тамбовской (21,4%), Воронежской (21,3%), Тульской (21,3%), Псковской (21,2%) областях. В 2013 году на первое место в группе регионов с наибольшей долей пожилых людей вышла Тульская область (24,0%), став самым «старым» субъектом Российской Федерации.

В 1990 году самыми «молодыми» регионами, помимо трех автономных округов – Ханты-Мансийский авт. Округ – Югра (2,3%), Чукотский авт.округ (1,5%), Ямало-Ненецкий авт. округ (1,4%) – являлись Камчатский край (4,2%) и Магаданская область (3,6%). По состоянию на 2013 год необходимо отметить появление в данной группе Чеченской Республики (6,4%) и Республики Ингушетия (7,4%). Указанные субъекты в 2013 году стали самыми «молодыми» в стране. Уменьшение доли пожилых людей в данных регионах связано с относительно высоким уровнем рождаемости, а также военными действиями 90-х годов прошлого века, результатом которых стала деформация возрастной структуры республик и, как итог, слабое замещение людей в старческих возрастах, приведшее к «омоложению» населения.

Вологодская область с 1992 года находилась на стадии с очень высоким уровнем демографической старости (доля пожилых превышает 18%). В период с 2006 по 2009 год этот показатель опустился ниже критической отметки (доля пожилых составила 17,6 %), однако с 2010 года рост возобновился, и по данным на 2013 год удельный вес пожилых людей в населении области составляет 19% [7].

Общей тенденцией для всей страны стало увеличение коэффициента старения в период с 1990 по 1998 год, с последующим спадом в период 1999–2006 гг., когда в репродуктивный возраст всту-

пило поколение «бэби-бума» 80-х годов, и затем вновь приростом доли пожилых людей в структуре населения, начиная с 2007 года. В ближайшей перспективе старение населения усилится, и связано это со вступлением в репродуктивный возраст малочисленного поколения начала и середины 90-ых годов, чей репродуктивный потенциал не способен не только «омолодить» население, но и сдержать его старение.

Еще одним индикатором, отражающим интенсивность демографического старения, является коэффициент старения. Он рассчитывается как отношение числа людей в возрасте старше 60 лет к общей численности населения и дает возможность оценить динамику изменения доли пожилых людей за определенный период времени.

За период 1990–2013 гг. коэффициент старения в Российской Федерации вырос в 0,25 раза. В Магаданской области произошло увеличение показателя почти в 4 раза (на 10,2 п. п.), в Камчатском крае – в 3,5 раза (на 10,4 п. п.). В 1990 году эти два региона находились на этапе «демографической молодости», но спустя 23 года пересекли рубеж в 12%. Изменения связаны с эмиграцией жителей трудоспособного возраста из вышеуказанных регионов в постсоветский период. Так, например, население Магаданской области в период с 1989 по 2010 год сократилось в 2 раза, причем обусловлено это было в первую очередь выбытием населения в трудоспособных возрастах [10].

Наивысшие темпы прироста за период с 1990 по 1998 год наблюдались *(табл. 4)* в Дальневосточном федеральном округе (1,16 раза), наименьшие – в Центральном федеральном округе (1,06 раза). Причем удельный вес пожилых людей в ДФО в период с 1990 по 1998 год оставался самым низким среди всех округов РФ. Следующая «волна старения» охватила большинство макрорегионов РФ в период с 2007 по 2013 год. Самым быстро стареющим стал Дальневосточный федеральный округ (прирост 1,23 раза), уступив роль самого «молодого» региона Северо-Кавказскому федеральному округу (16,2 и 12,9% пожилых людей соответственно). Самым «старым» макрорегионом РФ на протяжении 23 лет (1990–2013 гг.) являлся Центральный федеральный округ.

Таблица 4. Темпы прироста удельного веса пожилых людей в населении федеральных округов РФ*

Регион	Период								
	Коэффициент старения, %		Темпы прироста, раз	Коэффициент старения, %		Темпы прироста, раз	Коэффициент старения, %		Темпы прироста, раз
	1990	1998		1999	2006		2007	2013	
Дальневосточный федеральный округ	8,6	11,2	1,3	11,8	12,8	1,08	13,2	16,2	1,23
Уральский федеральный округ	12,4	14,4	1,16	14,9	14,2	0,95	14,3	16,3	1,14
Сибирский федеральный округ	14,1	15,9	1,13	16,4	15,8	0,96	15,9	18,0	1,13
Северо-Западный федеральный округ	15,2	17,7	1,16	18,2	17,6	0,97	17,9	20,0	1,12
Приволжский федеральный округ	16,0	17,8	1,11	18,2	17,4	0,96	17,5	19,4	1,1
Центральный федеральный округ	19,3	20,5	1,06	20,9	19,7	0,94	19,8	21,3	1,08
Северо-Кавказский федеральный округ	–**	–	–	–	12,4	–	12,2	12,9	1,06
Южный федеральный округ (по 2009 год)	16,1	16,6	1,03	17,0	16,2	0,95	16,2	–	–
Южный федеральный округ (с 2010 года)	–	–	–	–	–	–	–	20,3	–

* Ранжировано по темпам прироста удельного веса пожилых людей за период с 2007 по 2013 гг.

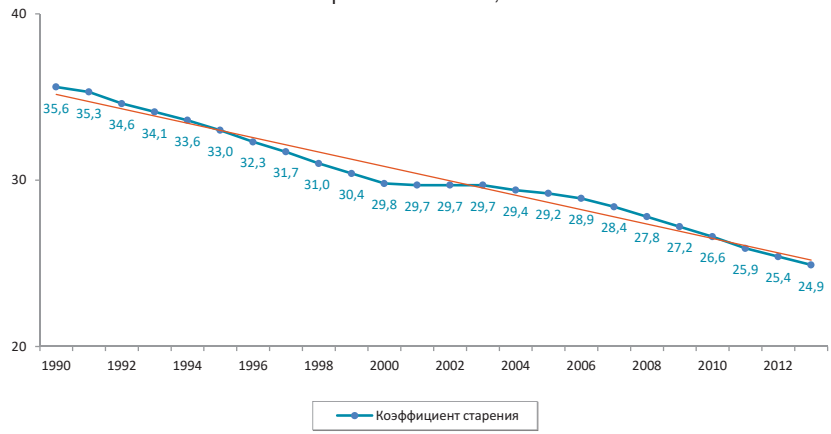
** Данные отсутствуют.

Источник: Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: http://fedstat.ru/indicators/start.do

Дифференциацию регионов России по показателям демографического старения наглядно показывает коэффициент вариации – наиболее универсальный показатель, отражающий степень разброса значений, независимо от их масштаба и единиц измерения. Для коэффициента старения зафиксирована стабильная тенденция

снижения вариации *(рис. 4)*. Происходит выравнивание процессов старения в регионах (все население становится «старым»), что является наиболее ярко выраженной демографической тенденцией в современной России.

Рис. 4. Коэффициент вариации удельного веса пожилых людей в регионах России, %



Источник: Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: http://fedstat.ru/indicators/start.do

Подводя итоги, стоит выделить несколько аспектов, которые характеризуют процесс демографического старения населения России на современном этапе:

1. Отсутствие принципиальных различий в динамике старения населения России и развитых европейских стран, а также сближении значений рассмотренных показателей для Западной, Северной и Южной Европы.

2. Флуктуационное изменение коэффициента старения в России, которое выражалось в его увеличении в период с 1990 по 1998 год, с последующим спадом в период 1999–2006 гг., когда в репродуктивный возраст поколение бэби-бума 80-х годов, и затем вновь приростом доли пожилых людей в структуре населения, начиная с 2007 года. В ближайшей перспективе старение населения лишь усилится, чему будет способствовать низкий репродуктивный по-

тенциал малочисленных поколений 90-ых годов. К 2050 году почти каждый третий человек в стране будет находится за порогом 60 лет, что ставит сложные задачи перед государством, обществом и всеми основными сферами его жизнедеятельности.

3. Сокращение разницы в численности мужчин и женщин в общем количестве пожилых людей благодаря устойчивому снижению мужской смертности в трудоспособном возрасте с середины 2000-ых годов (с 13,7 умерших на 1000 населения в 2005 году до показателя 12,1 в 2012 году).

4. Происходит выравнивание процессов старения в регионах (все население становится «старым»), что является наиболее ярко выраженной демографической тенденцией в современной России.

На современном этапе представляются необходимыми внедрение геронтологического профилирования специалистов, работающих с пожилыми людьми (медицинских работников, преподавателей, социальных работников, профессионалов в рекреационной сфере, сфере досуга), а также разработка принципа социальной защищенности пожилого человека, предполагающей достойные условия существования.

Для выявления и предотвращения негативных последствий демографического старения необходим постоянный мониторинг и учет неуклонно растущего числа пожилых людей при стратегическом планировании. Планомерная работа по изучению и исследованию процессов демографического старения на региональном уровне позволит оценить перспективы и масштабы старения населения региона, а также создаст предпосылки для формирования механизма адаптации экономики в условиях демографического старения населения региона.

Литература

1. Барсуков В.Н. Демографическое старение населения: методы оценки // Вопросы территориального развития. 2014. № 4 (14). URL: http://goo.gl/2nDuSd
2. Барсуков В.Н. К вопросу о причинах и последствиях демографического старения населения // Альманах современной науки и образования. 2014. № 7 (85). С. 31–34.

3. Вишневский А.Г. Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 239 с.
4. Вишневский А.Г. Похвала старению // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/3/pohvala-stareniyu
5. Демографический энциклопедический словарь. URL: http://www.demography.academic.ru/1623/ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ_СТАРЕНИЕ
6. Доклад ООН о развитии в условиях старения населения мира. 2007. URL: https://www.un.org/ru/development/surveys/docs/wess2007.pdf
7. Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: http://fedstat.ru/indicators/start.do
8. Концепция демографической политики Российской Федерации до 2025 года : утверждена Указом Президента РФ от 9 октября 2007 года № 1351. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html
9. Мадридский международный план действий по проблемам старения : принят второй Всемирной ассамблеей по проблемам старения, 8-12 апреля 2002 года. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ageing_program.shtml
10. Независимый институт социальной политики. URL: http://www.socpol.ru/atlas/portraits/magadan.shtml
11. Россет Э. Процесс старения населения. М. : Статистика, 1968. 508 с.
12. Сафарова Г.Л. Демографические аспекты старения населения России // Отечественные записки. 2005. № 3 (24). URL: http://www.strana-oz.ru/2005/3/demograficheskie-aspekty-stareniya-naseleniya-rossii
13. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru
14. Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Качество трудовых ресурсов России: региональный аспект // Актуальные проблемы экономики и права. 2012. № 2. С. 126–134.
15. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.

16. Profiles of Ageing 2013. Available at: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/dataset/urban/profilesOfAgeing2013.shtml
17. World Population Ageing 2013. Available at: ST/ESA/SER.A/348. http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml
18. World Population Ageing: 1950–2050 : report of United Nations (UN). 2005. Available at: www.un.org/esa/population/publications/worldageing19502050
19. World Population Prospects: The 2012 Revision. Available at: http://esa.un.org/unpd/wpp/index.htm

3.2. Старшее поколение в структуре среднего класса: опыт регионального исследования

Проблема стремительно стареющего населения планеты ставит перед обществом вопрос о перспективах и направлениях дальнейшего социально-экономического развития [19]. Демографическое старение как процесс характеризуют его *глобальность* (территориальная дифференциация в мире постепенно уменьшается, т. е. все население становится «старым»), *необратимость* (в условиях суженного воспроизводства возрастная структура населения продолжит «стареть»), а также *множественность последствий*. Если первые две из перечисленных характеристик очевидны и измеримы, то с последствиями старения населения все не так однозначно. Безусловно, прогнозирование изменения возрастной структуры позволяет оценить риски, связанные с увеличением демографической нагрузки, трансформацией рынка труда, затратами на здравоохранение и социальную политику (в частности, на пенсионные отчисления), которые условно можно назвать количественными последствиями. Но наибольший интерес вызывает качественная сторона последствий старения населения, особенностью которой является ее непредсказуемость. В первую очередь эти изменения затрагивают социальную

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-02-00301 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

Статья подготовлена в соавторстве с В.Н. Барсуковым, А.И. Россошанским.

Шабунова А.А., Барсуков В.Н., Россошанский А.И. Старшее поколение в структуре среднего класса: опыт регионального исследования // Проблемы развития территории. 2017. № 2 (88). С. 92–105.

сферу общественной жизни: изменение возрастной структуры населения неминуемо ведет к трансформации социального пространства [22; 23]. Возникают вопросы о том, готово ли общество к подобным изменениям и какое место в социальной структуре будут занимать пожилые люди? Для ответа на них необходимо проводить комплексные исследования современного «стареющего» общества, позволяющие оценить возможные перспективы и направления дальнейшего развития. Беря во внимание тот факт, что ресурсный потенциал старшего поколения в будущем станет одним из важнейших аспектов устойчивого развития, важно оценить положение пожилых людей в современном обществе. В последнее десятилетие отечественными социологами активно предпринимаются попытки оценить масштабы и особенности среднего класса (СК) в России. В контексте демографического старения особое значение приобретают возрастной фактор формирования стратификационных групп и, соответственно, степень включенности пожилых людей в средний класс. Таким образом целью данной статьи стала оценка масштабов среднего класса в Вологодской области, а также включенности в его структуру представителей старшего поколения.

Теория и методология исследования среднего класса.

Для определения масштабов среднего класса обратимся к теоретико-методологическим аспектам его изучения. Концептуальные основы теории среднего класса были заложены еще в трудах К. Маркса и М. Вебера, которые, однако, использовали разные подходы к его определению. В классовой теории К. Маркса средний класс рассматривается как промежуточное звено вертикальной стратификации между рабочими и капиталистами, а главным (по сути единственным) критерием, определяющим место индивида на стратификационной «лестнице», является собственность на средства производства [14]. К среднему классу он относил торговцев, ремесленников и представителей других смежных профессий, занимающихся преимущественно нефизическим трудом. Вероятно, одним из важнейших постулатов классовой теории является вывод о том, что положение человека в вертикали стратификации – явление объек-

тивное, не зависящее от самоидентификации. Т. е. субъективное восприятие человеком своего общественного положения не может являться единственным критерием отнесения его к тому или иному классу.

Макс Вебер в своей теории стратификации общества учитывал выводы исследования своего предшественника К. Маркса, однако критерий, который в марксисткой теории считался основополагающим (а именно – собственность на средства производства), рассматривался им лишь как один из элементов, формирующих классы [6; 7]. По мнению Вебера, общественные классы создаются под воздействием целого ряда факторов, к которым, помимо обладания собственностью на средства производства, относятся социальные и культурные возможности человека, его квалификация, обладание властными полномочиями и др. Фактически разработанная М. Вебером теория сформировала иное представление о среднем классе как о множественной по своим признакам стратификационной категории.

Работы К. Маркса и М. Вебера получили свое продолжение в более поздних исследованиях, которые разрабатывались в рамках научных школ «неомарксизма» и «неовеберианства», соответственно. Неомарксисткий подход (А. Гоулднер, Э. Райт, И. Горовитц и др.) основывается на постулате о том, что главным фактором формирования общественных классов является отношение к эксплуатации и обладанию собственностью, но в то же время к нему добавляются и иные критерии, косвенно оказывающие влияние на стратификационные процессы. Например, Э. Райт рассматривал в качестве классообразующих признаков участие в контроле над производственным процессом и обладание «вечным» ресурсом – навыками и знаниями в определенной сфере [15; 16]. Менялось также представление и о самой категории среднего класса. В частности, А. Гоулднер помимо классов капиталистов и пролетариата выделил так называемый «новый» класс, подразделяемый на две основные группы: научно-технические работники (специалисты) и гуманитарная интеллигенцая [24].

Неовебирианская традиция имеет меньшую привязанность к первоисточнику (фундаментальным трудам М. Вебера) и пред-

ставляет собой целый спектр разнонаправленных концепций, обосновывающих критерии классообразования и стратификационной структуры. Главным признаком данного подхода является его многокритериальность, на основе чего осуществляется оценка масштабов и представительства среднего класса в социальной структуре общества. Важным отличием от неомарскисткой школы является то факт, что неовебирианцами средний класс рассматривается как системообразующая часть социума, а не промежуточное звено между верхним и нижним слоями общества.

В отечественной социологии проблемой исследования среднего класса в разное время занимались Е.М. Авраамова [1], О.А. Александрова [2], Л.А. Беляева [5], Т.И. Заславская [10], Т.М. Малева [12], Л.Н. Овчарова [1], О.И. Шкаратан [21] и др. Используемые авторами подходы разнообразны и часто отличаются по критериям идентификации среднего класса: от многокритериальных стратификационных систем до субъективных экспертных оценок, что объясняет разницу в оценках его масштабов (от 2–3 до 60%). Вклад различных факторов (в том числе возрастного) рассматривается в большинстве из представленных работ, однако отдельно акцент на включенности в средний класс представителей предпенсионного и пенсионного возрастов не делался.

Особый интерес представляет цикл работ Института социологии РАН (ИС РАН) по измерению среднего класса в России [9; 13; 17; 18]. Первая попытка оценки масштабов изучаемого явления была предпринята научным коллективом ИС РАН в 1999 году, после чего было проведено еще несколько крупных исследований (в 2003, 2014 и 2015 гг.). Эмпирическая база исследования представлена данными количественного репрезентативного опроса российского населения [17]. Концепция методики опроса сформирована по принципу многокритериальности (неовебирианский подход) и включает в себя как объективные, так субъективные показатели оценки среднего класса:

- *Уровень образования* (наличие как минимум среднего специального образования);
- *Социально-профессиональный статус* (нефизический характер труда);

• *Уровень благосостояния* (показатели среднемесячных душевых доходов не ниже их медианных значений для данного типа поселения или количество имеющихся товаров длительного пользования не ниже медианного значения по населению в целом);

• *Самоидентификация* (интегральная самооценка индивидом своего статуса в обществе по десятибалльной шкале не ниже 4 баллов включительно).

Согласно методике, к среднему классу относятся индивиды, соответствующие всем четырем критериям (для работающего населения) либо трем, в случае если человек не работает (исключается профессиональный статус). К ядру СК относятся имеющие высшее образование руководители, предприниматели и специалисты, к периферии ядра – другие представители СК, выделенные по четырем критериям. К потенциальному СК относятся те респонденты, кто не соответствует одному из трех критериев (уровень образования, благосостояния или самоидентификации), но чей профессиональный статус соответствует характерным для него типам занятости. Делается предположение, что остальная часть населения имеет очень низкие либо вообще не имеет шансов попасть в средний класс.

Применение методики ИС РАН в нашем исследовании позволяет:

– сравнить данные, полученные на региональном уровне, с общероссийскими показателями;

– провести подробный анализ среднего класса по каждому из четырех критериев и их пороговым значениям для населения Вологодской области;

– определить степень включенности населения предпенсионного (*45–54 года для женщин, 50–59 лет для мужчин*) и пенсионного возрастов (*55 лет и старше для женщин, 60 лет и старше для мужчин*) в структуру среднего класса Вологодской области.

Эмпирической базой исследования стали данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН (октябрь 2016 года). Объем

выборки –1500 респондентов. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Репрезентативность обеспечивалась посредством использования модели многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки – это выделение типичных субъектов Вологодской области, включающих города Вологда, Череповец и Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский районы. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведется отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Величина ошибки выборки не превышает 3% при доверительном интервале 4–5%. Показатели по России представлены данными количественного репрезентативного опроса российского населения, проведенного ИС РАН [17].

Результаты исследования.

Прежде чем перейти непосредственно к оценке масштабов и анализу особенностей формирования среднего класса в Вологодской области рассмотрим обобщенную характеристику соответствия населения региона каждому из четырех представленных критериев. По данным расчетов, 92% населения региона обладает хотя бы одним из приведенных критериев среднего класса *(табл. 1)*.

Критерий № 1. Уровень образования

Как показал анализ зарубежных и отечественных работ, посвященных изучению среднего класса, наличие у человека так называемого «вечного» ресурса (образования) является специфической особенностью данной группы. Методика исследования предполагает, что пороговым значением критерия является уровень образования не ниже среднего специального. Данные опроса свидетельствуют, что 66% населения Вологодской области соответствует этому признаку (общероссийский показатель – 79% [17]). Для населения предпенсионного и пенсионного возрастов показатели несколько ниже: 64,5 и 63% соответственно.

Таблица 1. Концентрация частных критериев среднего класса, %

Критерий	Население области в целом	Население предпенсионного возраста	Население старше пенсионного возраста
Обладают одним из четырех признаков:	**92,1**	**93,6**	**89,8**
Образование	65,6	64,5	62,8
Уровень благосостояния	54,6	55,2	60,1
Самоидентификация	60,8	63,4	56,5
Профессиональный статус	42,1	52,9	16,0
Комбинации признаков (2 признака) для неработающего населения (исключается профессиональный статус):	**63,4**	**63,4**	**62,6**
Образование + уровень благосостояния	38,4	38,4	38,7
Образование + самоидентификация	40,2	40,1	37,9
Уровень благосостояния + самоидентификация	39,8	44,2	41,0
Комбинации признаков (2 признака + профессиональный статус) для работающего населения	**29,8**	**35,5**	**12,2**
Образование + уровень благосостояния + профессиональный статус	19,8	24,4	9,4
Образование + самоидентификация + профессиональный статус	21,2	23,3	8,9
Уровень благосостояния + самоидентификация + профессиональный статус	18,3	23,8	7,6
Есть все признаки			
Образование + уровень благосостояния + самоидентификация	27,5	29,7	27,5
Образование + уровень благосостояния + самоидентификация + профессиональный статус	14,8	18,0	6,9
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2016.			

Критерий № 2. Социально-профессиональный статус

Согласно методике, под социально-профессиональным статусом понимается текущее положение работающего человека (с нефизическим характером труда) на стратификационной «лестнице», определяемое, как правило, уровнем его образования. В средний класс включаются следующие профессиональные группы: руководители, предприниматели, профессионалы (специалисты с высшим образованием), офисный персонал, служащие, работники торговли и военнослужащие с нефизическим характером труда. По этому критерию в состав среднего класса проходит 42% населения Вологодской области (по России – 78% [17]). Что касается двух рассматриваемых нами возрастных категорий, то данный показатель для населения предпенсионного возраста существенно выше, чем в среднем по области (53 и 42% соответственно), однако после выхода на пенсию он приобретает «полярное» значение (16%). В сумме оба критерия (образование и профессиональный статус) являются определяющими факторами выделения ядра и периферии среднего класса. К ядру СК мы отнесли руководителей, предпринимателей и профессионалов (специалистов с высшим образованием): данному критерию соответствовало 13% населения региона. В категории людей предпенсионного возраста в ядро СК «проходит» 15, тогда как пенсионного – лишь 6% всей социально-демографической группы.

Критерий № 3. Уровень благосостояния

Принято считать, что профессиональный статус и уровень образования – два достаточных критерия для отнесения человека к среднему классу. Однако в российских реалиях статусное положение человека не всегда соответствует размеру его дохода. В первую очередь это относится к представителям бюджетной сферы (здравоохранение, образование и т. д.), где очень часто даже высокопоставленная должность не гарантирует достаточный уровень вознаграждения. Таким образом, еще одним важным критерием выделения среднего класса становится уровень благососто-

яния, пороговым значением для которого выступает показатель среднемесячных душевых доходов не ниже его медианного значения для данного типа поселения. По этому критерию в состав среднего класса проходит 55% населения Вологодской области. Для населения пенсионного возраста этот показатель является идентичным (55%), при этом пожилые люди проходят в состав СК по уровню благосостояния более уверенно – 60% представителей данной социально-демографической группы имеют доход выше медианного значения. Что касается средних размеров подушевого дохода, то для обеих рассматриваемых возрастных групп он соответствует областному значению и составляет порядка 13200 рублей.

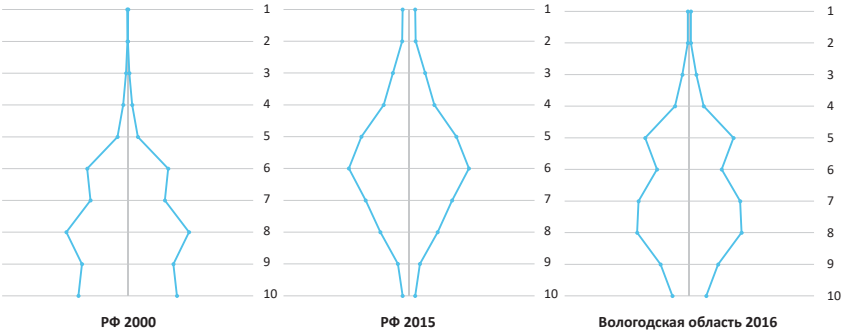
Критерий № 4. Самоидентификация

Последний из рассматриваемых критериев представляет собой субъективный фактор классовой идентичности населения. Для определения уровня самооценки респонденту предлагалось оценить свой статус в обществе по десятибалльной шкале, где 1 балл – это «самое высокое» значение, а 10 баллов – самое низкое. В методике ИС РАН применяется зеркальная шкала (т. е. 10 баллов – «самое высокое», 1 балл – «самое низкое»), в связи с чем пороговое значение для нашего исследования было установлено на уровне 7 баллов включительно (в то время как в методике ИС РАН – не ниже 4 баллов), т. е. к среднему классу относится та часть населения, чей уровень самооценки соответствует данному интервалу (от 1 до 7 баллов).

По критерию самоидентификации в состав среднего класса проходит 61% населения региона, в то время как по данным ИС РАН этот показатель в России достигает 81% [17]. Уровень самооценки у населения предпенсионного возраста существенно выше, чем у пожилых людей: 63 и 56,5% ответов респондентов удовлетворяют указанному интервалу.

Рассматриваемый критерий самоидентификации позволяет построить *модель субъективной социальной структуры общества (рис. 1)*.

Рис. 1. Модель субъективной социальной структуры общества в России и Вологодской области

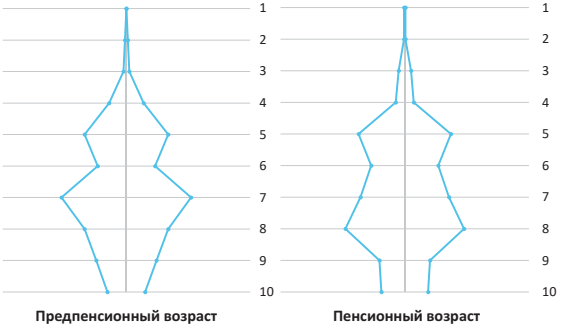


Источники: данные по Вологодской области: мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2016 года; данные по России: Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М. : Весь Мир, 2016. 368 с.

Как видно из рисунка 1, модель социальной структуры России имеет вытянутую по вертикали форму с концентрацией основной части населения на средних позициях и балансом между «верхними» и «нижними» слоями. Модель социальной структуры Вологодской области имеет форму «урны» с разрывами между 5-й и 8-й позициями, что позволяет говорить о ее деформированности и неоднородности распределения. При сравнении указанных выше моделей видно, что социальная структура региона в 2016 году не обладает «куполообразной» формой, характерной для населения России начала 2000-х годов (так называемого «общества социальных низов» [17]), но еще не достигла формата, позволяющего говорить о ней как об обществе с преобладанием среднего класса.

Модели субъективной социальной структуры старшего поколения в Вологодской области имеют схожую со среднеобластной форму, но с бо́льшим смещением к нижним позициям *(рис. 2)*, причем уровень самооценки снижается прямо пропорционально возрасту.

Рис. 2. Модель субъективной социальной структуры населения предпенсионного и пенсионного возрастов в Вологодской области, 2016 год



Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2016 года.

Результаты анализа свидетельствуют, что по каждому из выделяемых критериев из состава среднего класса исключается от 34 до 58% населения Вологодской области. Для сравнения, в целом по России данный интервал имеет значения от 19% до 37%, что позволяет сделать предварительный вывод о значительном отличии региональных показателей от общероссийских. Важные результаты были получены при анализе прохождения пороговых значений двумя социально-демографическими группами старших возрастов. По большинству из рассматриваемых критериев шансы представителей предпенисионного возраста на попадание в СК схожи со среднеобластными (уровень образования и благосостояния) или выше (профессиональный статус). Более трех четвертей (77%) представителей пенсионного возраста уже закончили свою трудовую деятельность, в связи с чем критерий профессионального статуса является наименее значимым для данной возрастной категории. При этом по критерию, определяющему в методике уровень благосостояния (среднедушевой доход не ниже медианного значения для данного типа поселения), пожилые люди проходят в состав среднего класса уверенней, чем среднестатистический житель области (60 против 55% соответственно), что

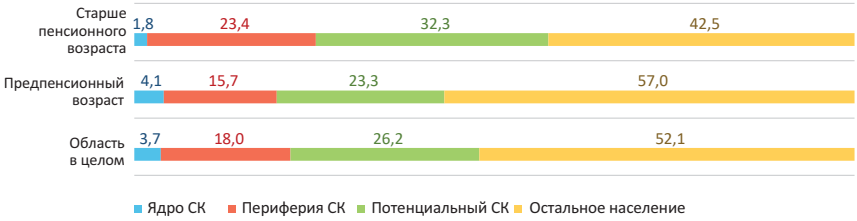
выглядит парадоксально на фоне общего представления о снижении материальной обеспеченности индивида после выхода на пенсию. Для объяснения причин такого расхождения мы обратились к данным по численности и составу семей населения Вологодской области и выявили, что 91% населения пенсионного возраста не имеет несовершеннолетних детей, а 70% представителей этой социально-демографической группы проживают в одиночестве либо с супругом *(табл. 2)*. Таким образом, среднедушевой доход пожилых людей в целом соответствует среднеобластному значению, что, однако, не отменяет факта снижения уровня и качества жизни в пенсионном возрасте. Это подтверждает субъективный критерий самоидентификации, данные которого свидетельствуют, что представители пенсионного возраста оценивают свое положение в обществе хуже, чем другие возрастные группы в Вологодской области.

Таблица 2. Численность и состав семей в Вологодской области, 2016 год

	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Старше пенсионного возраста	Область в целом
Число несовершеннолетних детей				
нет детей	35,7	75,6	90,8	57,5
1	35,1	18,6	7,4	24,6
2	25,1	5,8	1,5	15,5
3	3,6	0,0	0,3	2,1
более 3 детей	0,4	0,0	0,0	0,2
Число членов семьи				
1	6,4	7,0	21,4	11,0
2	16,6	42,1	48,5	29,6
3	34,0	25,1	16,8	27,7
4	34,4	17,0	9,9	24,7
5	7,2	7,6	2,0	5,7
Более 5 человек	1,3	1,2	1,4	1,4
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2016 года.				

Проведенные расчеты свидетельствуют о том, что доля среднего класса в Вологодской области в 2016 году составила 21,7%, в том числе из них 3,7% находилось в его ядре и 18% в периферии *(рис. 3)*. В целом по России доля СК в 2016 году составила 44%, в том числе: 18% – ядро, 26% – периферия [17]. Среди представителей предпенсионного и пенсионного возрастов в Вологодской области доля среднего класса составила 19,8 и 25,2% соответственно.

Рис. 3. Доля среднего класса среди представителей разных групп населения Вологодской области в 2016 году, %



Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2016 года.

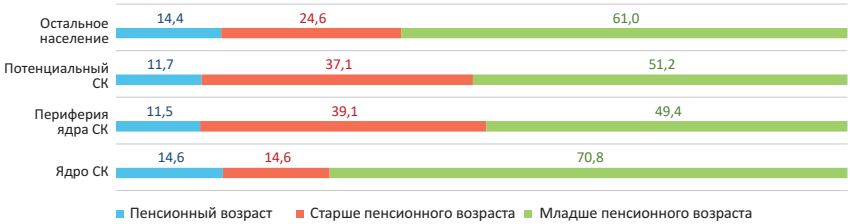
Согласно полученным расчетам, приведенным в *таблице 3*, в Вологодской области в целом средний класс относительно старше населения, не входящего в него. Несмотря на то, что наибольшую долю в возрастной структуре составила группа от 31 до 40 лет (22,6% от общей численности среднего класса и 37,5% от его ядра), средний класс преимущественно формируется за счет населения старше 40 лет, что составляет 57%. Следует отметить, что указанное явление диаметрально противоположно среднероссийской структуре, где пропорции представителей молодых и средних возрастов и тех кому «за 40» составляют 60 и 40% соответственно [17]. Учитывая тот факт, что возрастная структура, основные показатели демографического старения и тенденции их изменения в России и Вологодской области имеют схожий характер [4], можно констатировать: структура среднего класса в Вологодской области заметно «старше» общероссийской.

Таблица 3. Возрастные группы населения Вологодской области и их доля в составе среднего класса в 2016 году, %

Возрастная группа, лет	Средний класс	в том числе:		Потенциальный СК	Остальное население
		ядро СК	периферия СК		
18–25 лет	10,6	8,3	11,1	10,8	10,3
26–30 лет	10,2	6,3	11,1	8,2	14,4
31–40 лет	22,6	37,5	19,6	24,0	23,7
41–50 лет	16,3	29,2	13,6	12,0	18,7
51–60 лет	18,0	16,7	18,3	25,7	19,6
61 год и старше	22,3	2,1	26,4	19,3	13,4
Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2016 г.					

В то же время, несмотря на высокую включенность представителей старших возрастов в структуру среднего класса, по своему представительству в ядре СК они заметно уступают более молодым группам. Из *рисунка 4* отчетливо видно, что представители предпенсионного и пенсионного возраста составляют менее третьей части ядра среднего класса, основная же часть концентрируется на периферии: здесь их присутствие более значительно и составляет 50%.

Рис. 4. Возрастной состав среднего класса в Вологодской области в 2016 году, %



Источник: данные мониторинга общественного мнения ИСЭРТ РАН, октябрь 2016 года.

Показательно и то, что население в предпенсионном и пенсионном возрасте в 40% случаев находится за чертой среднего класса,

что во многом и связано с наличием признаков СК, которыми они обладали ранее и достаточных для отнесения к потенциальному среднему классу (в частности, утрата профессионального статуса и, соответственно, снижение уровня благосостояния).

Проведенное исследование по оценке масштабов и особенностей структуры среднего класса в Вологодской области позволило получить несколько важных результатов:

1) Численность среднего класса в Вологодской области в *два раза* ниже, чем в среднем по России (22 и 44% соответственно). При этом заметно отличаются пропорции между ядром и периферией СК: если в России ядро составляет порядка 40% всего СК (60% – периферия), то в Вологодской области – лишь 18% (оставшиеся 82% – периферия). По всем четырем рассматриваемым критериям население Вологодской области в значительно меньшей степени удовлетворяет их пороговым значениям, чем население России в целом. Главной причиной такого расхождения является относительно более низкие уровень и качество жизни населения региона, что прямо сказывается на размере и структуре среднего класса.

2) Важными представляются отличия в оценке населением своего положения в обществе: модель субъективной социальной структуры Вологодской области в 2016 году имеет форму «урны» (преобладают средние и низкие оценки) в отличие от общероссийской модели 2015 года, имеющей вытянутую по вертикали форму с преобладанием более высоких оценок своего статусного положения. В целом это свидетельствует о том, что жители Вологодской области оценивают свое место на стратификационной «лестнице» на несколько ступеней ниже, чем среднестатистический россиянин.

3) Средний класс в Вологодской области существенно «старше» среднероссийского, несмотря на то что возрастная структура имеет схожую форму. В регионе СК формируется преимущественно за счет населения старше 40 лет (57% всей совокупности), в то время как в России вклад представителей данной возрастной группы в формирование структуры СК более скромный и составляет порядка 40%.

Последний вывод подтверждает актуальность проводимого исследования: население предпенсионных и пенсионных возрастов играет значимую роль в формировании среднего класса. Как показало исследование, старшее поколение составляет почти треть ядра СК в Вологодской области, а его представительство в периферии превышает 50%. Безусловно, данные, полученные на региональном уровне, не позволяют говорить о «старении» среднего класса в масштабах всей страны, учитывая территориальную дифференциацию социально-экономического и демографического развития. Тем не менее, выявленные особенности еще раз подтверждают значимую связь между старением населения (Вологодская область относится к территориям со «старой» возрастной структурой, а доля населения старше 60 лет превышает 22% [4; 20]) и социально-экономическими изменениями (в данном случае – это формирование среднего класса).

Одним из наиболее существенных факторов не только старения населения, но и, вероятно, трансформации социальной структуры является миграция: выбытие людей в трудоспособном возрасте деформирует возрастную структуру населения территории-донора, увеличивая удельный вес пожилых людей. С другой стороны, возрастная структура территории-реципиента «омолаживается». Выезд трудоспособного населения сопровождается выбытием и населения младше трудоспособного возраста, поскольку, как правило, речь идет о смене места жительства целыми семьями. Как можно увидеть из *таблицы 4* в 2014

Таблица 4. Миграционный прирост населения Вологодской области по возрастным группам в 2014 году, чел.

Возраст, лет	Сальдо миграции
мужчины и женщины 0–15	-145
мужчины 16–59, женщины 16–54	-1089
мужчины 60 и более, женщины 55 и более	377
Источник: Демографический ежегодник Вологодской области : стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2015. 81 с.	

году в Вологодской области наблюдалось отрицательное сальдо миграции в связи с оттоком молодежи и населения трудоспособного возраста. Причем ситуация складывается таким образом, что ускоренному старению способствует также приток пожилых людей.

Одной из главных проблем является отток молодежи (образовательная миграция, поиск более высокооплачиваемой работы и др.), которая потенциально является основой формирования среднего класса на территории региона. В связи с этим важнейшей задачей региональных властей должно стать создание благоприятных условий для реализации молодыми и амбициозными людьми своего потенциала непосредственно на территории Вологодской области.

С другой стороны, важно понимать, что в условиях суженного воспроизводства населения демографическое старение является необратимым. Таким образом, значимость и роль старшего поколения в общественном развитии (в том числе и в формировании среднего класса) будут нарастать, в связи с чем правительствам «стареющих» территорий необходимо создавать благоприятные условия для реализации его ресурсного потенциала. В первую очередь это должно коснуться политики в области разработки и внедрения программ здоровьесберегающего и самосохранительного поведения [11], т. к. именно удовлетворенность собственным здоровьем является важнейшим фактором не только возможности продолжения активной деятельности, но и восприятия пожилыми людьми своего положения в обществе.

Стимулирование занятости населения пенсионного возраста – второе направление, имеющее непосредственное отношение к формированию структуры среднего класса в условиях старения населения. Как показали ранее проведенные исследования [3; 4], продолжение трудовой деятельности после выхода на пенсию положительно влияет не только на уровень благосостояния человека, но и позволяет ему поддерживать достаточно обширный, относительно неработающего населения, круг социальных связей. Необходимо стимулировать работодателей создавать адаптированные рабочие места для представителей старшего поколения, а

также увеличить интенсивность прохождения курсов повышения квалификации, в том числе и в старших возрастах.

Наиболее важным, на наш взгляд, аспектом формирования социально-экономической политики в условиях демографического старения должно стать изменение социокультурной парадигмы «старости», создающей представление о пожилых людях как о непроизводительной части общества. Опыт развитых стран, столкнувшихся с проблемой старения населения раньше, чем Россия, показывает, что в современных демографических условиях потенциал старшего поколения становится одним из главных ресурсов поддержания устойчивых темпов социально-экономического развития.

Литература

1. Авраамова Е.М., Овчарова Е.М. Российский средний класс: год после августа // Общественные науки и современность. 2000. № 1. С. 15–22.
2. Александрова О.А. Российский средний класс: идейный контекст становления // Общественные науки и современность. 2002. № 1. С. 25–33.
3. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 88–107.
4. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1. С. 195–213.
5. Беляева Л.А. И вновь о среднем классе // Социологические исследования. – 2007. № 5. С. 3–13.
6. Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 147–156.
7. Вебер М. Сословия и классы: пер. с нем. // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. 2003. № 4. С. 141–148.
8. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9. С. 112–123.

9. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Социальная структура общества: в поиске адекватных ответов // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 75–85.
10. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
11. Калачикова О.Н., Корчагина О.Н. Факторы риска в сфере общественного здоровья: образ жизни // Регион: экономика и социология. 2015. № 1. С. 108–123.
12. Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 3 (27). С. 109–138.
13. Мареева С.В. Ценности и установки российского среднего класса в период экономического кризиса // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 65–77.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Теории прибавочной стоимости // Сочинения. 2-е изд. М., 1960. Т. 26. Ч. II. 703 с.
15. Райт Э., Костелло С., Хейчен Д., Спрейг Дж. Классовая структура американского общества // Социологические исследования. 1984. № 1. С. 152–163.
16. Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры // Рубеж. Альманах социальных исследований. 2000. № 15. С. 36–85.
17. Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований: под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2016. 368 с.
18. Тихонова Н.Е. Влияние кризиса на жизнь российского среднего класса // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 48–64.
19. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.
20. Шабунова А.А., Барсуков В.Н. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления // Проблемы развития территории. 2015. № 1. С. 76–87.
21. Шкаратан О.И., Инясевский С.А., Любимова Т.С. Новый средний класс и информациональные работники на российском рынке труд. Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 5–27.

22. Edwards K., Wetzler J. Too young to be old: The roles of self-threat and psychological distancing in social categorization of the elderly // Journal of Language & Social Psychology. 1998. № 12 (3). Pp. 207–223.
23. Feuer L.S. The Conflict of Generation. The Character and Significance of Student Movement. N. Y., 1969. 543 p.
24. Gouldner A.W. The Future of Intellectuals And The Rise Of The New Class. N. Y.: Seabury, 2000. 308 p.

3.3. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения

Современная социально-демографическая ситуация практически всех развитых стран мира характеризуется постоянным возрастанием доли пожилых людей в общем количестве населения и, по общемировым прогнозам, в ближайшем будущем эта тенденция сохранится [1]. Согласно данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, доля населения в возрасте от 60 лет и старше в таких странах, как Канада, Норвегия, Франция, Германия и Великобритания, уже превышает 20%, а в Японии, мировом лидере по количеству пожилых людей, более 32% [2].

В 2017 году к данному списку стран присоединилась и Россия, обладающая схожей высокой интенсивностью старения населения. В условиях суженного воспроизводства населения возрастная структура как России в целом, так и ее регионов продолжит «стареть» [3]. Так, по прогнозам ООН, уже в 2025 году в возрасте, превышающем 60 лет, будет находиться четверть населения страны (25%), в 2050 году – почти треть (28,5%) [4]. Несмотря на схожесть тенденций «старения» России и развитых стран мира, для нашей страны характерна относительно низкая, по европейским меркам, продолжительность жизни (72,7 года в России против 83,4 года в

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-02-00301 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

Статья подготовлена в соавторстве с А.И. Россошанским.

Шабунова А.А., Россошанский А.И. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения // Проблемы развития территории. 2018. № 3 (95). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2018.3.95.1

Испании, 82,7 года во Франции, 82,6 года в Швеции и т. д.[1]). Сочетание невысокой рождаемости и сохраняющейся высокой смертности в трудоспособном возрасте приводит к сокращению трудовых ресурсов и оказывает существенное влияние на процессы общественного развития. Сложившиеся тенденции старения населения в нашей стране усугубляют и накопившиеся проблемы социальной поддержки граждан, возможности обеспечения достойного уровня жизни пожилых людей, рост нагрузки на трудоспособное население, разбалансировка пенсионной системы.

В связи с этим одной из ключевых стратегических задач должно стать создание условий для реализации имеющегося ресурсного потенциала представителей старшего поколения, его активное вовлечение в общественную жизнь. В данном контексте все большую актуальность приобретают исследования, посвященные качеству жизни старшего поколения, позволяющие выявить наиболее проблемные моменты в жизни граждан, способности их адаптации к быстро меняющимся условиям существования [5; 6].

Целью данной статьи выступило исследование качества жизни населения старшего поколения на основе социологических данных. Для достижения поставленной цели население Вологодской области условно было разделено на 3 группы: младше предпенсионного (18–44 года для женщин, 18–49 лет для мужчин), предпенсионного (45–54 года для женщин, 50–59 лет для мужчин) и пенсионного (55 лет и старше для женщин, 60 лет и старше для мужчин) возрастов. Данные возрастные границы были отобраны для выявления общих и особенных проблем в качестве жизни, с которыми сталкивается население на различных этапах жизненного цикла.

Информационную базу исследования составили данные социологического опроса «Качество жизни», проведенного Федеральным государственным бюджетным учреждением науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» (далее – ФГБУН ВолНЦ РАН) в Вологодской области в 2016 году. Опрос проводился

[1] World Bank. Health Nutrition and Population Statistics. URL: http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=health-nutrition-and-population-statistics

методом раздаточного анкетирования по месту жительства респондентов на территории городов Вологда и Череповец и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Общий объем выборочной совокупности составляет 1500 человек в возрасте от 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения. Ошибка выборки не превышает 3%.

Теория и методология исследования качества жизни старшего поколения

Появление и активное использование категории «качество жизни», в своей экономической интерпретации, связано с именем Дж.К. Гэлбрейта [7], который ввел его в оборот как антипод ценностям «общества потребления». В своих исследованиях ученый подвергал критике сложившиеся на тот момент положительные тенденции в уровне жизни, во многом опережающие удовлетворенность интеллектуальных потребностей. Таким образом, уже изначально качество жизни выступало как некая синтетическая категория, которая охватывала различные аспекты и условия человеческой жизни [8]. То есть качество жизни не равноценно количеству материальных благ в той же мере, как и качеству окружающей среды, состоянию здоровья, степени развитости медицинской помощи и т. п.

Одной из главных особенностей в подходах при оценке качества жизни населения является то, что основное внимание сосредоточивается на перечне параметров жизнедеятельности людей, важность которых обусловлена отражением как объективных характеристик качества жизни, так и достижения определенных целей [9]. В научной литературе, посвященной разработкам методов измерения качества жизни населения, свою состоятельность доказали два основных направления (объективный и субъективный

подход), именуемые в рамках концепции «бинарного» качества жизни [10]. Мерой оценки качества жизни при объективном подходе является комплекс доступных для человека ресурсов, к числу которых относятся физическая устойчивость, доходы, навыки и умения и т. п. При субъективном подходе в качестве меры выступает восприятие индивидом своего жизненного опыта, например, удовлетворенность различных аспектами жизни, уровень счастья [11; 12].

Субъективные оценки традиционно входят в инструментарий социально-экономических исследований, ввиду того что многие аспекты экономики и общества измеряются на базе ответов населения на стандартный перечень вопросов (например, при исследовании проблем занятости и т. п.) [13]. Актуальность и востребованность субъективных оценок качества жизни обусловлена тем фактом, что нельзя найти объективных аналогов того, что люди думают и сообщают о своей жизни, в силу уровня их индивидуального развития, жизненного опыта, эмоционального состояния и т. д. [14, с. 62]. Последнее особенно актуально при изучении качества жизни старшего поколения. Примером может служить ситуация, когда близкие пожилого человека оценивают его качество жизни как хорошее, в то время как сам человек расценивает его как удовлетворительное или даже плохое [15].

Как уже отмечалось ранее, качество жизни как объект исследования является достаточно сложной системой, которая состоит из множества элементов и связей между ними. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на смещенность тех или иных исследований на отдельные стороны жизни. В частности, одной из них является здоровье. Общепризнанным примером такой смещенности качества жизни в сторону здоровья выступает проект Всемирной организации здравоохранения по оценке качества жизни (WHOQOL). Здесь качество жизни рассматривается как сложная, многомерная структура, в основе которой лежит восприятие индивидом своего физического и психологического состояния, окружающей среды, удовлетворенность различными аспектами жизни [16]. Соответственно, основной акцент в методике оценки качества

жизни сделан на самооценках уровня здоровья. Работа над данным проектом ведется с 1991 года. Разработанный методический инструментарий направлен на оценку ощущений индивидов в контексте их системы ценностей и культурных особенностей, личных целей, стереотипов и интересов[2]. В многочисленных исследованиях, посвященных качеству жизни населения старших возрастов, особо подчеркивается важность физического состояния здоровья, которое накладывает свой отпечаток на степень автономии и независимости в принятии решений.

Результаты исследования

Как показывают результаты проведенного опроса, представители старших возрастов склонны давать более сдержанные ответы касательно субъективных оценок качества жизни. В целом население Вологодской области оценивает свое качество жизни как среднее (70,5% от числа опрошенных), однако треть жителей, находящихся в пенсионном возрасте, считает собственное качество жизни низким, в более младших возрастных группах такого мнения придерживается только каждый пятый *(табл. 1)*. Высокие самооценки качества жизни менее свойственны населению вне зависимости от возраста или иных социально-демографических признаков. Фактически каждый ассоциирует термин «высокое качество жизни» с неким идеальным состоянием, к которому он стремится.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«Как бы Вы оценили качество Вашей жизни?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Пенсионный возраст	Область в целом
Высокое	6,8	5,1	3,1	5,5
Среднее	73,0	73,1	64,6	70,5
Низкое	20,2	21,8	32,3	24,1
Источник: здесь и далее, если не указано иное: данные опроса «Качество жизни», проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2016 году.				

[2] Краткий опросник ВОЗ для оценки качества жизни. URL: http://www.who.int/substance_abuse/research_tools/whoqolbref/ru

Согласно исследованиям R. Larson [17], степень удовлетворенности различными сторонами жизни мало зависит от возраста. Ключевым компонентом качества жизни выступает здоровье, в то время как социальное и семейное положение, материальное состояние, жилищные условия, потребность в безопасности и многое другое отходят на второй план. Данные выводы справедливы и в рамках проведенного социологического опроса. По мере перехода к более старшим социально-демографическим группам качество жизни все больше начинает ассоциироваться с крепким здоровьем: если в предпенсионном возрасте данный вариант ответа выбрали 73% опрошенных, то в пенсионном – уже 83% *(табл. 2)*. Стоит отметить, что представления населения о наличии счастливой семьи как необходимого условия высокого качества жизни совпадают, невзирая на возраст (данный вариант ответа отмечали в 69–73% случаев). В целом для представителей пенсионного возраста наличие или достижение данных параметров (крепкого здоро-

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос «Что лично для Вас означает «высокое качество жизни»?» (респонденты могли выбрать до 3 вариантов ответа), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Пенсионный возраст	Область в целом
Крепкое здоровье	60,6	72,7	82,7	68,9
Счастливая семья	69,5	73,2	68,7	69,7
Высокое материальное благосостояние	49,0	39,9	38,7	44,7
Хорошая работа	63,6	62,1	35,2	54,7
Разнообразный и полноценный отдых	22,4	17,7	17,9	20,4
Благоприятная экологическая ситуация	8,6	7,6	14,2	10,2
Безопасная внешняя среда	12,3	10,1	13,3	12,3
Развитая инфраструктура	10,4	6,6	6,6	8,7
Другое	0,7	0,0	0,4	0,5
Примечание: ранжировано по группе населения старше пенсионного возраста.				

вья и счастливой семьи) и обеспечивают высокое качество жизни. Такие аспекты жизни, как наличие хорошей работы или высокого материального благосостояния, становятся менее значимыми (в пенсионном возрасте данные варианты отметили только 35 и 39% соответственно), что значительно отличает данную группу от более молодых поколений (среди населения области в возрасте младше предпенсионного – 64 и 49% соответственно). Меньшая значимость наличия хорошей работы для пожилых людей, возможно, объясняется большей ценностью отдыха в сравнении с продолжением трудовой деятельности на пенсии. Это, вероятно, обусловлено сложившимся качеством трудовой жизни, а также параметрами трудовой активности [5].

Самооценки пожилых людей относительно состояния здоровья отражают его высокую значимость как первостепенного компонента качества жизни. Как видно из *табл. 3,* с возрастом доля положительных оценок населением состояния своего здоровья существенно снижается: с 57% у населения младше предпенсионного возраста до 15% у людей, находящихся в пенсионном возрасте. В целом почти 70% представителей пенсионного возраста оценивают собственное здоровье как удовлетворительное, а 16% – как плохое или очень плохое. В среднем по Вологодской области так свое здоровье население оценивает 52 и 8% соответственно.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Оцените в общем и целом состояние своего здоровья»?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Пенсионный возраст	Область в целом
Отличное	5,7	2,6	1,3	3,9
Хорошее	50,5	27,3	13,8	36,2
Удовлетворительное	41,1	58,8	68,8	51,9
Плохое	2,4	9,8	14,0	6,9
Очень плохое	0,4	1,5	2,0	1,0

Текущее состояние здоровья пожилых людей накладывает существенный отпечаток и на их досуг *(табл. 4)*. Если в целом по области к двум основным причинам, которые не дают проводить свободное время по своему желанию, относились деньги (55%) и время (48%), то у представителей старших возрастов все обстоит несколько иначе. Вполне очевидно, что нехватка денежных средств выступает ограничивающим фактором вне зависимости от возраста ввиду постоянно возрастающих потребностей. Второй же по значимости причиной, препятствующей проведению досуга желаемым образом, у пожилых людей выступают ограничения по здоровью, ее отметили 35% опрошенных. Стесненность временными рамками менее беспокоит пожилых людей (30%), что, на наш взгляд, объясняется меньшей трудовой загруженностью. Также представители

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Если Вы не можете проводить свое свободное время так, как Вам хочется, то по какой причине?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Пенсионный возраст	Область в целом
Недостаток денежных средств	54,7	64,1	52,5	55,3
Недостаток свободного времени	57,9	47,5	29,5	47,9
Отсутствие подходящих предложений в культурной жизни населенного пункта, где Вы проживаете	20,6	18,2	12,9	17,9
Семейные обстоятельства	20,6	20,2	21,0	20,7
Ограничения по здоровью	3,1	10,6	35,0	13,8
Наличие детей	15,1	4,5	3,3	10,1
Отсутствие друзей-единомышленников	5,8	7,1	9,6	7,1
Другое	0,6	2,0	1,5	1,1

старшего поколения не столь обременены детьми (3%) в отличие от более молодых (15%), однако испытывают неудобство от отсутствия друзей-единомышленников (10%).

Как и самооценки состояния здоровья, оценки собственного социально-экономического статуса снижаются по мере повышения возраста *(табл. 5)*. Среди лиц, находящихся в пенсионном возрасте, более 40% респондентов охарактеризовали свои потребительские возможности как невысокие: для 5% опрошенных затруднительна даже покупка продуктов питания, а 38% обладают ресурсами для приобретения только необходимых продуктов питания. Следует отметить, что более молодые возрастные группы так-

Таблица 5. Оценка собственных доходов, % от числа опрошенных

Вариант ответа	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Пенсионный возраст	Область в целом
Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	3,8	3,0	2,6	3,3
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомобиля сейчас недоступна	15,7	9,6	8,1	12,6
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	54,3	51,5	46,9	51,7
Денег хватает только на приобретение продуктов питания	22,4	31,3	37,5	28,2
Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится брать в долг	3,8	4,5	4,8	4,2

же имеют невысокий материальный достаток и основной их части денежных средств хватает только на приобретение еды и необходимой одежды (для населения младше предпенсионного возраста это справедливо для 54%, в предпенсионном – для 52%). В то же время среди молодежи у каждого пятого не вызывает трудностей покупка товаров длительного пользования, а в крайних случаях они могут ни в чем себе не отказывать. Для пожилых людей такие потребительские практики свойственны только для 11% опрошенных. Вероятно, здесь свою роль играет стремление молодежи удовлетворять разнообразные потребности, такие как приобретение и обустройство жилья, покупка автомобиля, дополнительное образование, отдых. Данные запросы зачастую попросту нерешаемы за счет собственных сил, что побуждает их к активным кредитным практикам. Представители же старших возрастов уже обладают определенным перечнем необходимых благ, благодаря чему сберегательные практики превалируют над кредитными [18].

Субъективная оценка материальных возможностей дифференцируется по возрастному критерию. Статус пенсионера как человека, который прекратил трудовую деятельность, с большой вероятностью в России предопределяет его низкую материальную обеспеченность. Согласно данным официальной статистики, в России значение коэффициента замещения (отношение размера пенсии и средней заработной платы) составляет 36% вместо рекомендованных МОТ 40% [19]. Проведенные Росстатом опросы семей, состоящих из пенсионеров, показывают, что 74% из них продолжают трудовую деятельность ввиду нехватки денежных средств на текущие расходы [20]. Как показывают результаты проведенного социологического опроса в Вологодской области, в случае резкого ухудшения материального положения представители старших возрастных групп менее склонны к поиску дополнительного заработка или интенсификации труда (такой вариант ответа выбрали 18% опрошенных), а основной выход видят в том, чтобы сократить расходы (50%) или же попросту смириться с данным положением (16%; *табл. 6*). Возможно, данные установки связаны с тем, что часть людей постпенсионного возраста, получающих низкую пенсию, продолжает работать в условиях накопленных проблем

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Что Вы готовы предпринять в случае резкого ухудшения Вашего материального положения?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Пенсионный возраст	Область в целом
Буду больше работать / постараюсь найти дополнительные источники дохода	53,0	39,9	17,7	40,5
Сокращу расходы	48,8	54,5	49,5	49,7
Буду участвовать в акциях протеста	4,5	6,6	6,3	5,3
Ничего не буду делать	5,7	5,6	16,4	8,9
Возьму кредит в банке или в долг у близких, друзей	7,0	8,6	3,7	6,2
Буду продавать свое имущество	1,5	4,0	3,3	2,4
Буду тратить сбережения	4,6	5,1	4,8	4,7
Затрудняюсь ответить	12,1	12,1	16,0	13,3

со здоровьем и пытается сохранить свое материальное положение хотя бы на минимальном уровне.

Материальное положение населения области и представителей старшего поколения в частности накладывает свой отпечаток на качество и разнообразие питания. За прошедший 20-летний период доля расходов на питание в потребительском бюджете семьи варьировалась от 60% у наименее обеспеченных до 20% у наиболее обеспеченных, при том что приемлемым порогом является черта в 10–15% [21, с. 131]. Несмотря на то что в целом наблюдается положительная динамика в сокращении доли затрат на питание, основная часть населения расценивает качество своего питания как «удовлетворительное» (42% от числа опрошенных; *табл. 7*) и «хорошее» (34%), почти каждый четвертый житель региона отмечает однообразность питания (19%). С позиции рассмотрения возрастных особенностей потребления следует отметить, что более стар-

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили качество питания Вашей семьи?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Младше предпенсионного возраста	Предпенсионный возраст	Пенсионный возраст	Область в целом
Очень хорошее	5,4	3,2	2,4	4,2
Хорошее	39,5	36,6	22,2	34,0
Удовлетворительное	38,5	39,2	48,3	41,5
Не голодаем, но питание крайне однообразное	15,0	19,4	25,2	18,6
Семья не доедает	1,6	1,6	1,9	1,7

шие группы населения менее удовлетворены качеством питания: почти 50% представителей пенсионного возраста говорят об удовлетворительном качестве питания, а каждый пятый считает его однообразным.

Высокая доля негативных оценок касательно качества питания, особенно его однообразия, среди представителей старшего поколения подтверждается посредством подробного рассмотрения рациона *(табл. 8)*. В основу ежедневного рациона населения пенсионного возраста входят хлебобулочные и кондитерские изделия (80% отметили, что потребляют данную продукцию ежедневно), крупы (48%), молочная продукция (47%) и овощи (41%). Следует отметить, что высокий уровень потребления хлебобулочных и кондитерских изделий характерен не только для данной возрастной группы, но и для региона в целом. Согласно данным официальной статистики[3], в рационе питания населения области потребление хлебных продуктов, сахара и кондитерских изделий значительно превышает оптимальный уровень (рекомендуемый ВОЗ), что представляет серьезную угрозу для здоровья [22; 23]. Согласно данным нормативам наблюдается дефицит потребления овощей и фруктов. Последние гораздо реже встречаются в рационе старшего поколения (ежедневно потребляют 18%, несколько раз в неделю – 60%).

[3] Потребление основных продуктов питания населением Вологодской области в 2016 году: стат. бюллетень. Вологдастат, 2017. 22 с.

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы потребляете следующие продукты питания?», % от числа опрошенных

	Ежедневно		3-4 раза в неделю		1-2 раза в неделю		1-2 раза в месяц		Реже		Не употребляет	
	Пенсионный возраст	Область в целом	Пенсионный возраст	Область в целом	Пенсионный возраст	Область в целом	Пенсионный возраст	Область в целом	Пенсионный возраст	Область в целом	Пенсионный возраст	Область в целом
Мясо, мясные продукты	14,9	23,1	36,8	34,8	32,4	28,8	8,4	7,9	6,2	4,4	1,3	0,9
Рыба	3,6	5,7	21,2	21,4	43,0	39,5	22,0	22,8	9,1	9,0	1,1	1,5
Яйца	13,3	16,0	31,9	34,1	40,0	36,7	10,0	9,0	4,4	3,6	0,4	0,6
Молочные продукты	46,6	47,3	33,7	32,8	15,7	14,6	2,7	3,4	0,7	1,0	0,7	1,0
Крупяные изделия	47,9	40,0	33,6	37,1	14,7	17,4	2,7	3,6	1,1	1,2	0,0	0,7
Овощи	40,6	43,2	34,8	32,4	16,1	14,8	5,4	6,0	1,8	3,0	1,3	0,6
Фрукты	17,6	24,6	30,0	30,8	29,3	26,5	14,4	11,0	6,8	6,0	2,0	1,1
Хлебобулочные, кондитерские изделия	79,8	79,3	14,4	13,2	2,9	4,7	0,7	0,9	0,9	0,6	1,3	1,3

Для получения более комплексной оценки качества жизни старшего поколения в рамках проведенного социологического опроса были использованы два вопроса: первый направлен на оценку уровня удовлетворенности различными сторонами жизни, второй – на степень их важности. Респондентам предлагалось оценить представленные из перечня стороны жизни по пятибалльной шкале, где 5 – вполне удовлетворен / очень важно, а 1 – совершенно не удовлетворен / совершенно не важно. Полученные результаты свидетельствуют о том, что для представителей всех возрастных категорий наиболее важными сторонами жизни выступают состояние здоровья, материальная обеспеченность и семейная жизнь. Однако с переходом к более старшим возрастным категориям происходит постепенное снижение удовлетворенности по отмеченным аспектам *(рис. 1–3)*. Это особо ярко проявляется при самооценках состояния здоровья: физическое самочувствие (молодежь удовлетворена данным аспектом жизни на 3,88 балла, лица предпенсионного возраста – 3,43 балла, старшее поколение – 3,18 балла), работоспособность (3,89 балла, 3,54 балла и 3,21 балла соответственно) и психологическое самочувствие (3,80 балла, 3,44 балла и 3,28 балла соответственно). Стоит отметить, что такие компоненты семейной жизни, как семейное положение и взаимоотношения в семье, не претерпели серьезных изменений, за исключением удовлетворенности в сексуальной жизни (4,04 балла, 3,82 балла и 3,37 балла соответственно), однако с переходом к более старшим возрастным категориям данный аспект существенно теряет свою важность (4,46 балла, 4,20 балла и 3,39 балла соответственно). Противоположная ситуация складывается с материальным благосостоянием. По мере увеличения возраста важность данной стороны жизни постепенно снижается, в то время как удовлетворенность растет. Связано это может быть как с большим уровнем обеспеченности, так и с меньшим уровнем притязаний в материальных ресурсах у старшего поколения[4], чем у молодежи.

[4] Как показали результаты опроса, представители старшего поколения более скромны в мнениях о том, какой размер денежных средств на одного члена семьи в месяц необходим, чтобы жить очень хорошо (63454 руб.), чем молодежь (75536 руб.).

Рис. 1. Оценка важности и удовлетворенности населения
младше трудоспособного возраста различными сторонами жизни, баллов

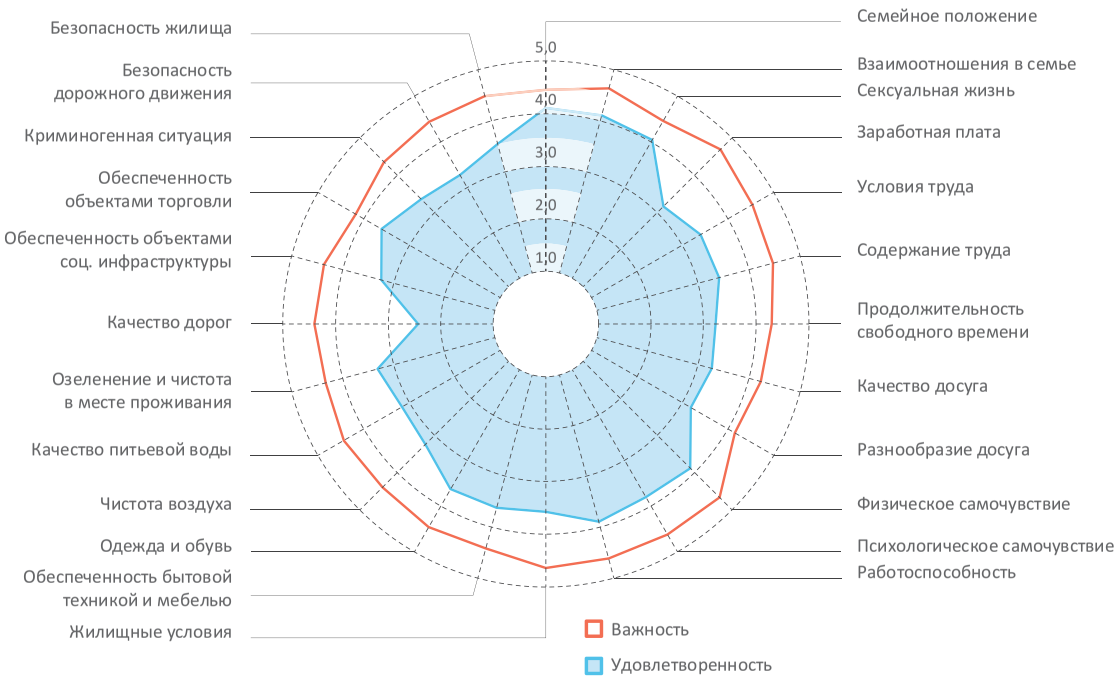


Рис. 2. Оценка важности и удовлетворенности различными сторонами жизни представителей предпенсионного возраста, баллов

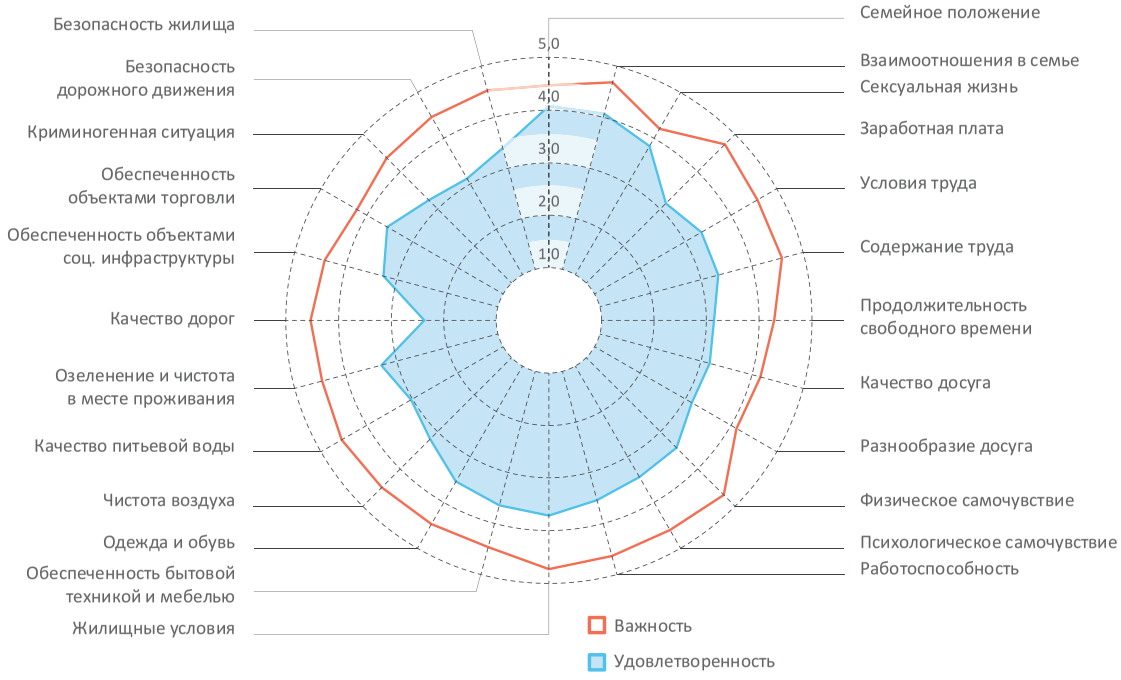
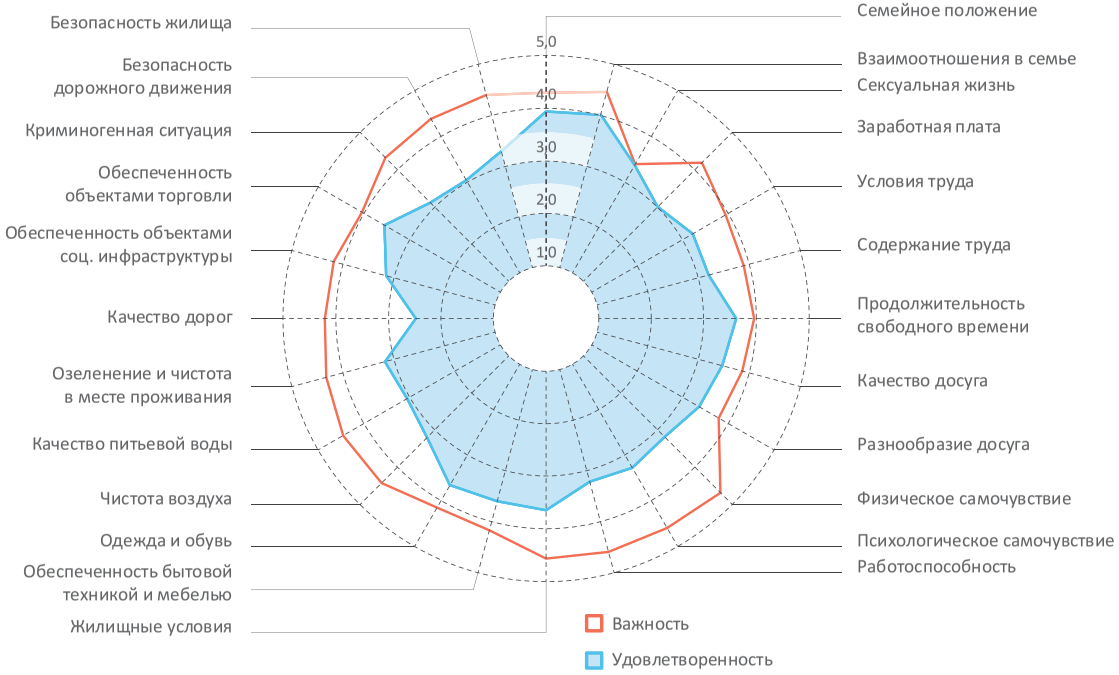


Рис. 3. Оценка важности и удовлетворенности различными сторонами жизни представителей пенсионного возраста, баллов



Следует обратить внимание и на то, что для молодежи наряду с «базовыми» вопросами характерна и более высокая обеспокоенность трудовой жизнью (важность для населения моложе предпенсионного возраста: заработная плата – 4,69 балла; условия труда – 4,53; содержание труда – 4,47; для населения в пенсионном возрасте: 4,19 балла; 3,94 и 3,89 соответственно). Вместе с тем удовлетворенность проведением свободного времени наиболее высокая у представителей старшего поколения, чем у населения в предпенсионном возрасте (продолжительность свободного времени – 3,61 и 3,22 баллов соответственно; качество досуга – 3,46 и 3,26 баллов соответственно; разнообразие досуга – 3,36 и 3,18 баллов соответственно).

Таким образом, результаты комплексной оценки субъективного качества жизни показывают, что среди представителей старших возрастов распространены более сдержанные суждения касательно собственного качества жизни. Центральной составляющей в данном случае выступает состояние здоровья, которое накладывает отпечаток на все стороны качества жизни: от трудовой жизни и уровня материального благосостояния до свободного времяпрепровождения. Среди населения, находящегося в пенсионном возрасте, в целом удовлетворенность различными сторонами жизни заметно ниже, чем у более молодых. Однако есть и исключение, за которым стоит одно большое «но» – это проведение свободного времени и материальное благосостояние. Несмотря на то что удовлетворенность данными сторонами жизни у старшего поколения выше, чем у молодых, степень их важности значительно ниже, что, возможно, говорит о более низком уровне притязаний. Подводя итог вышеизложенному, можно утверждать, что исследование качества жизни старшего поколения на основе данных социологических опросов позволяет осуществить разностороннюю оценку его социальной адаптации, которая может лечь в основу направлений по повышению эффективности государственного управления.

Литература

1. Россет Э. Процесс старения населения. М., 1968. 508 с.

2. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
3. Доброхлеб В.Г., Барсуков В.Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 6. С. 89–103.
4. Короленко А. В. Региональные особенности и предпосылки долголетия в России // Социальное пространство. 2016. № 4.
5. Барсуков В.Н., Калачикова О.Н. Исследование качества жизни старшего поколения: региональный опыт // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 4. С. 88–107.
6. Римашевская Н.М., Доброхлеб В.Г. Старшее поколение как ресурс модернизации России // Народонаселение. 2013. № 3 (61). С. 20–26.
7. Galbraith J.K. *The Affluent Society: 40th anniversary edition, update and with a new introduction by the author.* Mariner Books, 1998. 288 p.
8. Veenhoven R. Apparent Quality of Life: How Long and Happy People Live. *Social Indicators Research,* 2005, vol. 71, pp. 61–86.
9. Доклад комиссии по оценке экономических результатов и социального прогресса // Вопросы статистики. 2011. № 2. С. 3–41.
10. Andrews F.M., Witney S.B. *Social indicators of well-being.* N. Y.: Plenum, 1976, pp. 279–299.
11. Зараковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 319 с.
12. Нугаев Р.М., Нугаев М.А. Качество жизни в трудах социологов США // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 100–105.
13. Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; научн. ред. перевода Т. Дробышевская. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.
14. Черкашин А.К., Лещенко Я.А., Боева А.В. Динамические и квалиметрические модели оценки качества жизни семьи // Народонаселение. 2015. № 3. С. 61–76.

15. Fernández-Ballesteros R. GeroPsychology An Applied Field for the 21st Century. *European Psychologist,* 2006, vol. 11, no. 4, pp. 312–323.
16. Новик А.А., Ионова Т.И. Руководство по исследованию качества жизни в медицине. М., 2007. 320 с.
17. Larson R. Thirty years of research on the subjective well-being of older Americans. *Journal of Gerontology,* 1978, vol. 33, pp. 109–125.
18. Белехова Г.В., Калачикова О.Н. Финансовая грамотность молодежи (на материалах Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2016. № 5 (65). С. 90–106.
19. Бедность и бедные в современной России / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.
20. Айзинова И.М. Социально-экономические проблемы старшего поколения: качество жизни населения старших возрастов // Проблемы прогнозирования. 2017. № 4. С. 121–131.
21. Россошанский А.И. Учет инфляционных нагрузок в разрезе доходных групп населения // Научные труды ИНП РАН; гл. ред. А.Г. Коровкин. М.: МАКС-Пресс, 2016. С. 126–139.
22. Короленко А.В., Калачикова О.Н. Физическое здоровье в субъективных оценках населения Вологодской области: территориальный аспект // Социальное пространство. 2017. № 1. URL: http://sa.vscc.ac.ru/article/2186
23. Шулепов Е.Б. Поговорим о демографии: город Вологда и его жители. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 264 с.

3.4. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения

Старение населения является одним из главных демографических вызовов XXI века для большинства развитых и развивающихся стран. Причины и последствия данного явления достаточно изучены [1; 2], однако до сих пор отсутствует единое понимание того, на каких принципах должна строиться социально-экономическая политика «стареющих» государств. Изменение возрастной структуры в сторону увеличения доли населения старших возрастных групп опосредованно влияет на все сферы жизнедеятельности общества [3; 4; 5]. Одной из наиболее острых становится проблема поддержания макроэкономического равновесия [6]. Ввиду того что уровень потребления в старших возрастах снижается [7], соответственно, сокращается и совокупный спрос, что ведет к возникновению дефляционного эффекта, выражающегося в спаде во многих отраслях экономики. Одним из главных ресурсов поддержания устойчивых темпов социально-экономического развития становится эффективная реализация трудового потенциала старшего поколения.

Можно с уверенностью утверждать, что Российская Федерация вступила в новую фазу социально-экономического развития в условиях старения населения. В июне 2018 года премьер-министр

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 16-02-00301/16 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

Статья подготовлена в соавторстве с В.Н. Барсуковым.

Барсуков В.Н., Шабунова А.А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. 2018. № 4 (96). С. 87–103. DOI: 10.15838/ptd.2018.4.96.6

Д.А. Медведев объявил о старте реформы поэтапного повышения пенсионного возраста до 65 лет для мужчин и 63 лет для женщин с 1 января 2019 года. Увеличение возраста выхода на пенсию – непопулярная, но необходимая мера в условиях старения населения, позволяющая создать определенный временной лаг для проведения реформ в сфере пенсионного обеспечения, социального страхования и изменений в других перекрестных институциональных единицах. Как и ранее, взгляды общественности на этот вопрос разделились на сторонников и противников данной меры. Однако следует отметить, что на текущий момент большинство мнений не носят радикального характера «за» или «против» с учетом как важности вероятного положительного финансового эффекта для бюджета ПФР, так и возможных рисков для населения.

Постепенно приходит осознание того факта, что данная мера неизбежна и внимание следует акцентировать на нивелировании вероятных негативных последствий, в частности, в трудовой сфере. Н.Б. Починок справедливо отмечает, что с 1932 года, когда был установлен существующий порог выхода на пенсию, произошло значительное смещение границы старости [8]. Данный аргумент в пользу увеличения пенсионного возраста соответствует теории проспективного старения Сандерсона и Щербова [9], главным постулатом которой является тезис о происходящих во всем мире объективных изменениях взглядов на определение порога старости не только в биологическом, но и в социальном контексте. Однако в этой же заметке Н.Б. Починок отмечает необходимость подготовки подзаконных актов в сфере регулирования трудовой деятельности граждан старших возрастов, занятых, например, на тяжелых производствах. Именно проблема недостаточной готовности рынка труда к грядущим изменениям вызывает наибольшие опасения. Л.Е. Ржаницына высказывает мнение, что уже в ближайшие десятилетия вследствие разрабатываемых программ цифровизации и роботизации остаться без работы могут порядка 35% граждан РФ, причем практика «освобожденной» занятости в наибольшей степени затронет представителей старших возрастов [10]. Р.С. Гринберг полагает, что в текущих реалиях, когда цены на нефть несколько

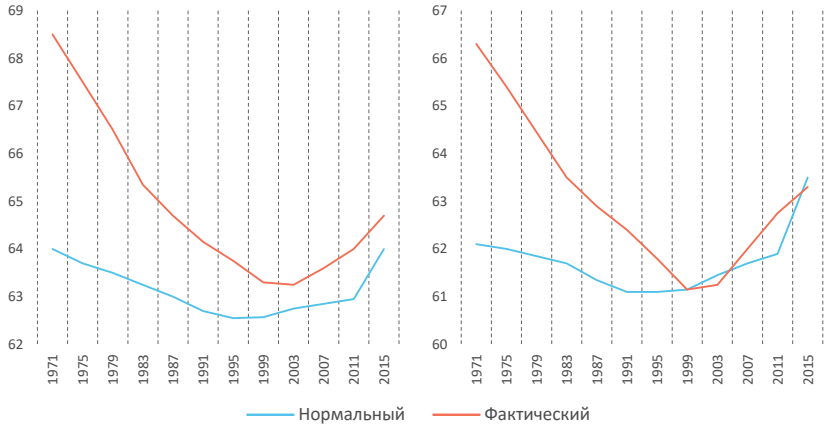
возросли и государство получает больше налогов, чем планировало, повышать пенсионный возраст (за которым может последовать и рост социальной напряженности) нет необходимости [10].

Приводимые обеими сторонами тезисы одинаково сильно аргументированы, что, однако, несколько заводит дискуссию в тупик. Объективно, повышение пенсионного возраста в условиях старения населения является общемировой тенденцией, в связи с чем в большей степени требуется сконцентрировать внимание на вопросах, связанных с его последствиями. В частности, необходимо четко понимать векторы социально-экономической политики, которые позволят, с одной стороны, поддерживать устойчивые темпы социально-экономического развития, с другой – обеспечить достаточный уровень и качество жизни населения. Как показывает опыт «стареющих» государств, несмотря на быстрые темпы научно-технологического прогресса и автоматизацию производств, потребность в труде представителей старших возрастов не только не сокращается, но и имеет тенденцию к росту. Однако повышение эффективности реализации потенциала пожилых людей требует серьезных шагов в сфере институционализации занятости данной возрастной группы, в связи с чем особую важность приобретают исследования в области изучения факторов и тенденций изменения параметров трудовой активности старшего поколения.

Мировые тренды изменения трудовой активности старшего поколения и особенности Российской Федерации

Международные сравнения и анализ трудовой активности старшего поколения в странах мира ограничены в виду различий в границах пенсионного возраста и наборе прав, определяющих возможности продолжения трудовой деятельности по его достижении. Однако обобщенные данные позволяют говорить о наличии некоторых единых международных трендов. В отчетах ОЭСР в качестве наиболее часто используемых показателей для сравнения используется «фактический» (реальный возраст выхода с рынка труда) и «нормальный» (законодательно установленный) возраст выхода на пенсию. Ниже представлены данные об их изменении в среднем для стран ОЭСР за период с 1971 по 2015 год *(рис. 1)*.

Рис. 1. Изменения фактического и нормального возраста выхода на пенсию для мужчин (слева) и для женщин (справа) в странах ОЭСР за период с 1971 по 2015 год, лет



Источник: Pension at a Glance 2017: OECD and G20 indicators. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1527486537&id=id&accname=guest&checksum=62565D618BB44E9C50C412E3493D233E

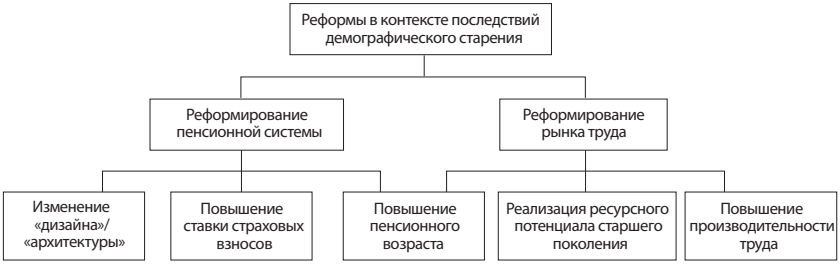
Данные, представленные на рисунках, демонстрируют механизм формирования институциональной пенсионной «ловушки», которая является одним из главных факторов возникновения бюджетных рисков в странах ОЭСР. Исходя из данных графика можно заключить, что с 1970-х по 2000-е годы фактический возраст выхода на пенсию стремительно снижался, в то время как нормальный пенсионный возраст имел тенденцию к увеличению с начала 1990-х годов. Для того чтобы понять причины таких изменений, обратимся к небольшой исторической справке. Во-первых, вторая половина XX века стала эпохой «расцвета» пенсионных систем развитых стран. В течение нескольких десятилетий охват населения пенсионными системами стал практически всеобъемлющим, а размер пенсионных пособий стал достаточным для поддержания достойного уровня и качества жизни после завершения трудовой деятельности. Таким образом, проблема «вынужденной» занятости пожилых людей получила свое естественное решение. Во-вторых,

параллельные тренды снижения рождаемости и смертности в развитых странах создали предпосылки для формирования демографического дивиденда (доля трудоспособного населения достигла максимального исторического значения, в то время как удельный вес иждивенческих групп снизился), который достиг своего пика в 70–80-е годы XX века. В это время активно вводилась практика раннего выхода на пенсию из-за кризиса занятости, возникшего в те годы, разрабатывались специальные программы «освобожденной занятости» (Англия) или предпенсионных выплат (Германия) [11]. Однако через несколько десятилетий ситуация изменилась коренным образом: «благоприятная» возрастная структура сменилась «стареющей», а профицит на рынке труда сменился дефицитом. Помимо этого при колоссальном снижении фактического роста выхода на пенсию заметно увеличилась продолжительность жизни в пенсионном возрасте (с 10,8 до 18,1 лет у мужчин и с 14,7 до 22,5 у женщин) [12]. Возникшая ситуация стала классическим проявлением «эффекта кобры», создав проблемы сразу в двух проекциях: дефиците бюджетов пенсионных систем и потребности в трудовых ресурсах.

Осознание факта, что в условиях старения населения трудовой потенциал старшего поколения является определяющим фактором поддержания устойчивых темпов социально-экономического развития, вынуждало правительства развитых стран проводить необходимые реформы (рис. 2).

Как можно увидеть из рисунка 2, в рамках обоих направлений существует возможность использования как количественных, так и качественных мер по нивелированию последствий демографического старения. Повышение пенсионного возраста – количественная мера, находящаяся на пересечении двух рассматриваемых направлений. С одной стороны, происходит увеличение численности и доли трудящегося населения (соответственно, пополняется база поступлений страховых взносов), с другой – происходит сокращение группы получателей пенсий. Безусловно, реформа повышения пенсионного возраста является наиболее очевидным вариантом решения проблемы демографического старения и, на первый взгляд, наименее ресурсозатратным. Но, несмотря на по-

Рис. 2. Направления реформирования пенсионной системы и рынка труда в условиях старения населения



Источник: составлено авторами.

тенциальный финансовый эффект, данная мера распространяется на краткосрочный период с необходимостью дальнейшего увеличения порога выхода на пенсию, который, в свою очередь, объективно органичен продуктивной (с социально-экономической точки зрения) продолжительностью жизни населения. Более того, для проведения рассматриваемой реформы должен быть создан соответствующий экономико-демографический «фундамент», основными характеристиками которого выступают возможности (физическая, квалификационная и институциональная) и желание (установки, мотивация и ценности) старшего поколения к продолжению трудовой деятельности.

В 1990-х годах в странах ОЭСР стали вводиться меры по стимулированию занятости старшего поколения путем увеличения пенсионных пособий пропорционально количеству «отложенных» пенсионных лет. Однако такая мера также представляется не всегда оправданной, особенно в условиях, когда размер пенсионного пособия является относительно высоким, а объем прибавки – незначительным (например, в Бельгии и Норвегии каждый отработанный год увеличивает пенсию менее чем на 3%). В то же время в странах с меньшим размером пособий, низкой устойчивостью пенсионных систем [13] и наиболее острой потребностью в труде пожилых людей (Япония, Южная Корея, Португалия, Эстония) индексация пенсий за каждый отработанный год превышает 10%.

Опыт реформирования пенсионных систем в странах ОЭСР показывает, что в подавляющем большинстве случаев увеличение пенсионного возраста является первой ступенью трансформации «дизайна» (или «архитектуры») пенсионной системы, позволяющей расширить пространственные и временные рамки для проведения соответствующих реформ [6]. Реформирование пенсионных систем в отдельных странах может иметь свои особенности, однако в условиях старения населения наблюдается единый вектор изменений: постепенный переход от солидарной (распределительной) к накопительной, с соответствующим увеличением индивидуальной ответственности гражданина за размер и состояние собственной пенсии, а также возрастающей ролью негосударственных пенсионных фондов с высокой инвестиционной активностью.

Как уже говорилось ранее, повышение пенсионного возраста – мера, имеющая краткосрочный эффект. В долгосрочной перспективе внимание должно быть сосредоточено на повышении производительности труда (далее – ПТ) населения, что в будущем должно смягчить последствия сокращения предложения на рынке труда. В табл. 1 представлено изменение темпов прироста ПТ (по методике ОЭСР производительность труда рассчитывается как отношение валовой добавленной стоимости в рыночных ценах на отработанный час) в некоторых странах мира с 2002 по 2015 год.

Как можно увидеть из таблицы 1, темпы прироста ПТ в мире сокращаются, так же как и разброс показателей в отдельных странах мира. Безусловно, наибольшее влияние на ПТ оказывают кризисные явления (например, мировой финансовый кризис 2008 года), в период которых наблюдается ее снижение. Однако с наступлением периода восстановления экономики ПТ вновь начинает возрастать. В свою очередь, старение населения (а именно сокращение доли населения трудоспособного возраста) создает существенные ограничения для повышения роста ПТ. Из таблицы 1 видно, что наибольшие темпы прироста ПТ за рассматриваемый период наблюдались в Южной Корее, Турции и ЮАР – странах, завершающих стадию реализации демографического дивиденда, которая предшествует старению населения и является наиболее благоприятной с экономической точки зрения, т. к. доля трудо-

Таблица 1. Темпы прироста производительности труда в некоторых странах мира (2002–2015 гг.), % к предыдущему году

Год	Австралия	Канада	Франция	Германия	Япония	Южная Корея	Мексика	Россия	ЮАР	Турция
2002	0,372	1,535	2,881	1,227	1,92	6,036	-3,787	2,934	4,35	6,7
2003	2,065	0,069	0,504	0,81	1,418	4,795	3,071	0,668	7,161	6,443
2004	0,896	0,662	1,053	0,996	2,307	4,225	1,657	1,676	1,512	8,987
2005	0,668	2,381	0,819	1,515	1,536	4,317	-0,634	1,512	-3,065	5,71
2006	0,842	1,137	2,385	1,924	0,208	4,076	3,724	1,796	4,119	4,858
2007	0,671	0,156	-0,337	1,517	0,798	5,989	2,294	2,717	4,693	5,3
2008	0,717	-0,071	-0,776	0,187	-0,16	4,958	-3,073	0,503	-3,153	-0,301
2009	1,99	0,721	-0,768	-2,568	-1,111	1,626	0,551	-3,502	2,745	-4,0
2010	-0,22	1,104	1,41	2,473	3,267	7,232	-4,902	0,805	6,716	2,576
2011	2,008	1,736	0,845	2,056	0,233	6,429	3,06	1,404	0,297	5,416
2012	2,204	-0,113	0,239	0,621	0,935	-2,914	0,759	0,604	1,071	2,095
2013	1,894	1,415	1,324	0,799	2,065	5,37	-0,424	-0,408	-0,274	6,756
2014	1,491	2,209	0,826	0,401	0,038	-0,924	2,647	0,184	-0,225	0,074
2015	1,022	0,654	0,814	0,767	1,452	1,74	0,062	-1,063	-0,193	3,066

Составлено по: данные ОЭСР. URL: http://www.oecd.org/employment/ageingandemploymentpolicies.htm

способного населения достигает своего исторического максимума. После реализации демографического «бонуса» прирост ПТ в этих странах также будет менее значительным. Таким образом, последствия демографического старения создают сложную ситуацию, когда, с одной стороны, требуется увеличивать ПТ в целях сохранения темпов экономического роста, а с другой – изменение возрастного состава населения в сторону его «старения» существенно снижает темпы прироста реальной ПТ.

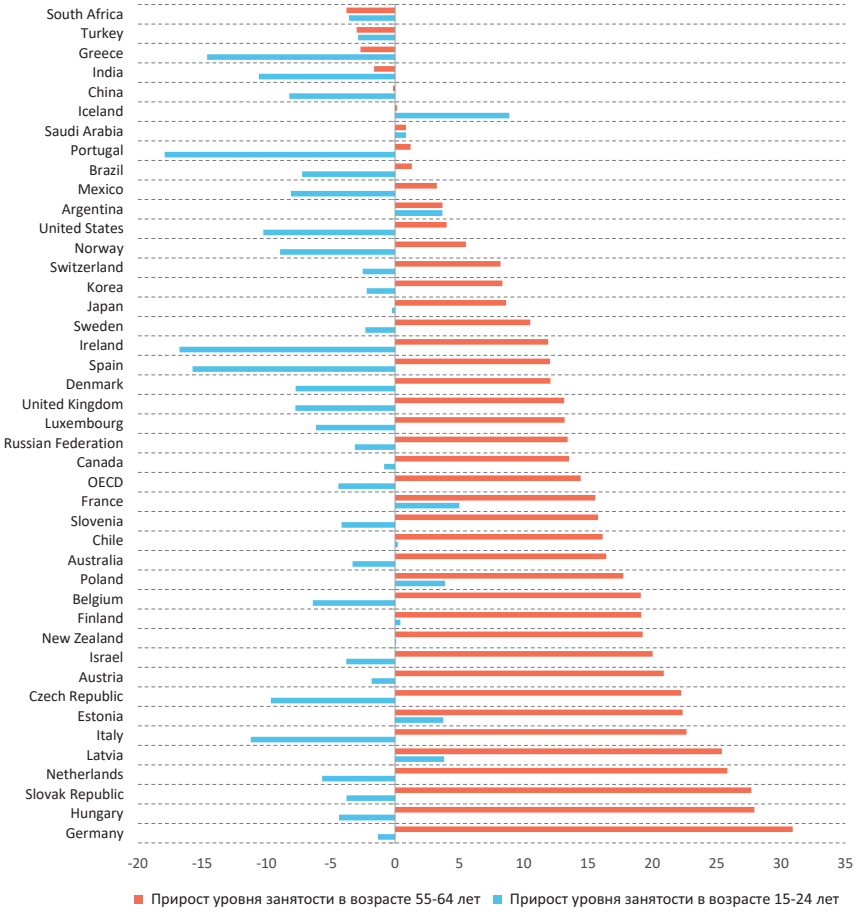
ПТ является краеугольным камнем концепции «экономики поколений» Р. Ли и Э. Мэйсона, рассматривающей возможные варианты реализации ресурсного потенциала старшего поколения и раскрытие «второго демографического дивиденда» [7]. Фактически, при сокращении доли трудоспособного населения ПТ должна существенно возрастать, т. к. с уменьшением использования одного

из факторов на его единицу приходится больший результат производства, однако на практике мы наблюдаем ее сокращение. Снижение прироста ПТ в мире связано не только с возрастающей численностью и долей, но и ролью пожилых людей в экономическом развитии. С учетом роста удельного веса пожилых людей включенность старшего поколения в процессы производства, потребления, распределения и накопления также увеличилась. Однако эти позитивные изменения имеют и обратную сторону: «старение» рабочей силы ведет к изменению характера производства. Одним из наиболее важных конкурентных преимуществ пожилых работников является большой опыт, но имеющиеся у них навыки значительно устаревают к концу экономического жизненного цикла индивида, что во многом определяется ускоренным технологическим прогрессом [3]. Таким образом, на рынке труда возникает несоответствие между потребностями инновационной экономики в кадрах и квалификацией населения, снижается адаптируемость к новым условиям. Эта проблема является еще одной гранью последствий старения населения: возникает не только количественный, но и качественный дефицит на рынке труда.

Решение проблемы было найдено в следующем. Многими странами мира вводятся ограничения на досрочный выход на пенсию, выражающиеся, в частности, в снижении размера пенсионного пособия, получаемого до достижения законодательно установленного возраста. Мотивом внедрения подобного рода практик стала задача по обеспечению максимальной занятости населения предпенсионных возрастов (чья адаптируемость к нововведениям несколько выше), т. к. для государства этот ресурс является наиболее эффективным способом поддержания баланса на рынке труда, величины совокупного спроса и экономической стабильности страны. Обратимся к данным, отражающим динамику уровня занятости населения в возрасте 55–64 лет в некоторых странах мира за период с 2000 по 2016 год *(рис. 3)*.

Из графика видно, что тренд увеличения занятости населения в возрасте 55–64 лет является единым для развитых стран. При этом важно отметить, что параллельно наблюдается снижение занятости молодежи в возрасте 15–24 лет, что в сумме демонстриру-

Рис. 3. Динамика изменения показателей уровня занятости населения в некоторых странах мира за период с 2000 по 2016 год (+/-), %



Источник: Pension at a Glance 2017: OECD and G20 indicators. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1527486537&id=id&accname=guest&checksum=62565D618BB44E9C50C412E3493D233E

ет смещение трудовой активности населения к старшим возрастам. Также обратим внимание на тот факт, что в развивающихся странах, которые на текущий момент находятся на стадии реализации демографического дивиденда (ЮАР, Турция, Китай, Индия), наблюдается сокращение уровня занятости как в группе молодежи, так и в группе пожилых людей. Происходит это по причине возникновения уже упоминаемого кризиса занятости, т. к. доля трудоспособного населения достигает исторического максимума, и рынок труда вынужден ограничивать присутствие групп населения, по формальным причинам относящихся к числу непроизводительных. Также отдельно следует обратить внимание на Исландию, где тренды изменения занятости кардинальным образом отличаются от других стран. Наблюдаемый рост занятости населения в группе 15–24 лет при отсутствии каких-либо значимых изменений этого показателя среди населения 55–64 лет, обусловлен тем, что включенность представителей предпенсионных возрастов в трудовую деятельность на текущий момент является самой высокой в мире (82%) и дальнейшее расширение происходит очень низкими темпами. Таким образом, повышение уровня занятости населения старших возрастов ограничивается определенным естественным пределом, в связи с чем акцент в большей степени делается на стимулировании трудовой активности представителей младших поколений. Отметим, что этого предела в скором времени может достигнуть и ряд других стран (Норвегия, Швеция, Швейцария, Япония, Новая Зеландия), где уровень занятости населения 55–64 лет превышает 70% [13].

На трудовую активность старшего поколения оказывает влияние целый ряд взаимосвязанных факторов. Условно их можно разделить на внутренние (индивидуальные) и внешние (институциональные). К индивидуальным факторам относятся состояние здоровья населения старших возрастов, уровень квалификации и мотивы к продолжению трудовой деятельности на пенсии. Отметим, что здоровье является своего рода «ядром», базовой характеристикой. Данные ОЭСР свидетельствуют о том, что уровень занятости населения старших возрастов существенно коррелирует с ожидаемой продолжительностью жизни в пенсионном воз-

расте [13]. Важно также отметить значимость уровня квалификации населения. В 2015 году в среднем по странам ОЭСР трудовую деятельность в старших возрастах продолжали 44% населения с начальным уровнем образования, 58% – со средним и 72% – с высшим. Наиболее сложной с точки зрения оценки влияния на трудовую активность в старших возрастах является мотивационная составляющая. В докладе ОЭСР [13] отмечается, что в наиболее развитых странах мира занятость пожилых людей следует характеризовать как «осознанную» и в меньшей степени как подверженную влиянию экономических мотивов, в то время как на территориях с низким уровнем и качеством жизни старшего поколения она, как правило, носит «вынужденный» характер.

Институциональные факторы чаще всего носят вторичный характер, однако являются важным регулятором организационно-правовых отношений в сфере труда пожилых людей. Государство имеет в своем распоряжении ряд инструментов, которые, в разной степени, могут оказать влияние на трудовую деятельность населения в пожилом возрасте: повышение пенсионного возраста, финансовые регуляторы, принятие нормативно-правовых актов (например, огранивающих возможность выхода на досрочную пенсию). Важнейшими внешними факторами также являются общественное восприятие пожилых людей и позиция работодателя. В одном из ранних исследований на уровне стран мира нами было доказано [14]: чем ниже уровень дискриминационных настроений в отношении пожилых граждан на определенной территории, тем выше уровень и качество их жизни, а также включенность в процессы производства и распределения. Таким образом, уровень занятости пожилых людей может быть обусловлен различным набором факторов, степень влияния которых определяется социально-демографическими особенностями населения и социально-экономическим положением страны.

Сложившаяся система организационно-правовых отношений в сфере пенсионного обеспечения и труда пожилых людей в Российской Федерации позволяет говорить о ней как об абсолютно уникальной с точки зрения мировой практики [15; 16]. На это есть целый ряд причин.

Во-первых, нормальный пенсионный возраст в Российской Федерации существенно ниже, чем в среднем по странам ОЭСР, где он составляет 64,3 года для мужчин и 63,4 года для женщин (в России 60 и 55 лет соответственно).

Во-вторых, фактический возраст выхода на пенсию в РФ составляет 63,2 года для мужчин и 60,2 года для женщин [9], что является аргументом в пользу повышения пенсионного возраста. Однако ожидаемая продолжительность жизни в фактическом возрасте составляет 13,1 лет для мужчин и 17,6 лет для женщин, что немногим превышает аналогичные показатели в странах ОЭСР 50-летней давности. Таким образом, здоровье населения старших возрастов является главным барьером повышения пенсионного возраста. При этом по уровню демографической «старости» Российская Федерация находится рядом с развитыми странами [17], что, соответственно, определяет наличие схожих негативных последствий старения населения (дефицит бюджета пенсионного фонда и нарастающий дефицит рынка труда).

В-третьих, одной из наиболее важных институциональных характеристик занятости пожилых людей в России является возможность трудиться после выхода на пенсию, не теряя возможности получать пенсионное пособие по старости (статья 21 Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [18]). Подобное комбинирование характерно также для ряда стран мира (например, Австрия, Бельгия, Канада, Чехия, Финляндия, Франция, Германия, Греция, Япония, Норвегия и США [9]), однако имеет ограничения в виде существенного снижения заработной платы либо пенсионного пособия.

Сохранение практики совмещения трудовой занятости и получения пенсионного пособия в полном объеме объясняется двумя причинами. Во-первых, данный экономический «бонус» позволяет поддерживать достаточно высокий уровень занятости в пожилом возрасте. Во-вторых, статус «пенсионера» как человека, прекратившего свою трудовую деятельность, с высокой вероятностью предопределяет низкую материальную обеспеченность в пожилом возрасте [19]. С 2010 по 2016 год значение коэффициента замещения (отношение среднего размера пенсии к среднему размеру заработ-

ной платы) в России снизилось с 35,7% до 33,7% [20]. Фактически, размер пенсий в РФ в среднем составляет лишь треть от средней заработной платы по стране. Для сравнения обратимся к размерам коэффициента замещения в странах мира *(табл. 2)*.

Таблица 2. Размер коэффициента замещения в некоторых странах мира, 2014 год

Страна	Коэффициент замещения (отношение среднего размера пенсии к среднему размеру заработной платы), %
Исландия	82,6
Швеция	64,4
Германия	50,0
Великобритания	90,5
США	88,8
Нидерланды	94,0
Швейцария	55,7
Австралия	79,8
Россия	33,2
Источник: Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en [21].	

По данным за 2014 год коэффициент замещения в подавляющем большинстве развитых стран превышал 50%. Например, в Нидерландах он составляет 94%, в Великобритании – 90,5%, в США 88,8%, т. е. даже при прекращении трудовой деятельности представитель старшего поколения не испытывает экономического «шока» и может поддерживать уровень потребления на допенсионном уровне. В новом веке значение коэффициента замещения в России ни разу не поднималось выше 40% – предела, являющегося критическим, согласно данным Международной организации труда (МОТ). Безусловно, этот фактор вынуждает сокращать потребление и менять его структуру. Таким образом, мы можем с уверенностью говорить о том, что статус неработающего пенсионера в России с большой долей вероятности предопределяет его место среди социально уязвимых категорий населения.

Наиболее вероятным решением проблемы поддержания прежнего уровня жизни и потребления становится продолжение трудовой деятельности на пенсии: с 1997 по 2016 год доля работающих пенсионеров по старости в России возросла с 25,5 до 40% соответственно [20]. Однако если обратиться к официальным данным Росстата, то можно увидеть, что с 2016 по 2017 гг. доля работающих пенсионеров по старости снизилась с 40 до 24%. Такое масштабное снижение вызвано законодательным решением Правительства РФ, предусматривающим неиндексацию пенсий работающим пенсионерам. Т. е. для трети работающих пенсионеров приоритетом оказалась индексация пенсий, что многое говорит о характере занятости этой части старшего поколения: оплата труда является дополнением к пенсии, а не наоборот.

Таким образом, в текущих условиях (возможность одновременно получать пенсию и работать) сложно говорить о кардинальных изменениях в характере занятости старшего поколения. По-прежнему среди работающих пенсионеров по старости высока доля «вынужденных» работающих в связи с низким уровнем пенсий.

Обратимся к основным показателям занятости населения пенсионного возраста в субъектах Российской Федерации (ранжировано по доле населения пенсионного возраста; *табл. 3*).

Таблица 3. Показатели занятости населения пенсионного возраста в субъектах Российской Федерации, 2016 год

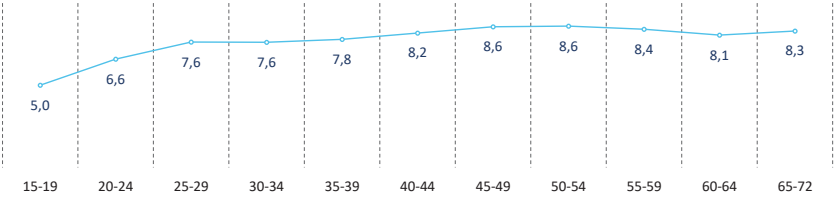
Субъект РФ	Доля населения пенсионного возраста	Уровень занятости населения пенсионного возраста, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы, месяцев
1. Тульская область	30,2	33,5	3,1	9,4
2. Рязанская область	29,9	22,1	1,7	10,4
3. Тамбовская область	29,9	21,5	0,1	15,0
4. Псковская область	29,3	34,1	3,7	8,6
5. Новгородская область	29,1	30,6	4,3	10,0

Окончание таблицы 3

Субъект РФ	Доля населения пенсионного возраста	Уровень занятости населения пенсионного возраста, %	Уровень безработицы, %	Среднее время поиска работы, месяцев
6. Пензенская область	29,1	31,3	1,6	6,7
7. Тверская область	29	32,7	3,0	9,4
8. Владимирская область	28,9	24,5	1,3	11,5
9. Орловская область	28,7	28,9	1,2	6,9
10. Кировская область	28,6	27,7	1,8	7,8
…				
30. г. Москва	26,8	39,2	0,6	4,6
31. г. Санкт-Петербург	26,7	40,6	0,4	2,3
…				
76. Ненецкий автономный округ	17,8	36,7	1,6	1,0
77. Тюменская область	16,9	26,1	2,7	8,8
78. Республика Саха (Якутия)	16,4	39,7	3,9	8,6
79. Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	14,8	27,2	5,7	8,4
80. Чукотский автономный округ	13,9	60,7	1,2	10,1
81. Республика Дагестан	13,2	32,0	1,6	8,1
82. Республика Ингушетия	12	34,8	7,5	13,4
83. Республика Тыва	11,1	24,3	6,1	12,5
84. Ямало-Ненецкий автономный округ	10,8	32,7	…	…
85. Чеченская Республика	10	12,0	7,0	10,4
Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru				

Важной особенностью является отсутствие прямой корреляции между долей пожилых людей и уровнем занятости в регионах. Т. е. фактически, старение населения не является определяющим фактором увеличения доли трудящихся в старших возрастах. Определяющими становятся институциональные факторы, в частности, готовность рынка труда обеспечить рабочими местами работников старших возрастов. Так, например, показатели занятости пожилых людей в мегаполисах (г. Москва и г. Санкт-Петербург) являются одними из самых высоких, в то время как по удельному весу пожилых людей они находятся на 30 и 31 местах соответственно. Однако важнее другое: время поиска работы представителями старшего поколения в рассматриваемых городах заметно ниже, чем в наиболее старых субъектах РФ и в среднем по России. При этом, если обратиться к данным на графике, можно увидеть, что с возрастом время поиска работы существенно не изменяется *(рис. 4)*.

Рис. 4. Среднее время поиска работы безработными по возрастным группам в 2016 году



Источник: Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru

Таким образом, проблема занятости старшего поколения во многом определяется возможностями территории обеспечить их рабочими местами. Вероятно, наиболее развитые субъекты РФ имеют для этого гораздо лучшие стартовые условия, в связи с чем уровень занятости старшего поколения в них существенно выше.

В исследовании [19] отмечается, что примерно пятая часть неработающего населения (21%) согласилась бы на посильную работу, если бы поступило предложение. Следовательно, субъектам РФ требуется создавать благоприятные условия для повышения эффективности использования нереализованного трудового потенциала старшего поколения. С учетом того, что статус пенсионера в России предопределяет место в категории социально уязвимого населения, стимулирование занятости пожилых людей может стать не только фактором поддержания социально-экономического развития в условиях старения населения, но и способом повышения качества жизни данной социально-демографической группы.

Трансформация параметров трудовой активности старшего поколения в Вологодской области по данным социологического опроса

Старение населения представляет собой системное явление с множественными социально-экономическими последствиями. Наряду с количественными изменениями происходят качественные трансформации многих сфер общественной жизни, в том числе и трудовой. В связи с тем, что трудовая активность старшего поколения в условиях старения населения выступает одним из наиболее существенных ресурсов поддержания устойчивого развития территорий, особую актуальность приобретают научные исследования в данной области. При этом имеющаяся статистическая информация не позволяет оценить множество параметров трансформационных процессов в сфере труда пожилых людей (например, мотивационные и ценностные ориентации). В соответствии с важностью и актуальностью проблемы в 2018 году Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук» провел второй этап социологического исследования «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области» (первый этап был проведен в 2015 году). Объем выборки составил 1500 человек населения старше 50 лет. Распределение респондентов по полу и возрасту соответствует ге-

неральной совокупности населения Вологодской области старше 50 лет (согласно половозрастным показателям статистических сборников), что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Для определения территориальных особенностей в исследовании отдельно выделены два крупных городах – Вологда и Череповец, в отдельную группу вынесены восемь муниципальных районов Вологодской области. Ошибка выборки по опросу не превышает 4%. Существенная часть вопросов была посвящена изучению различных аспектов трудовой активности населения пожилого возраста. По сравнению с анкетой 2015 года было добавлено несколько новых вопросов.

Определение возрастных рамок от 50 лет и более было продиктовано необходимостью оценки настроений населения предпенсионного возраста относительно продолжения трудовой деятельности после выхода на пенсию. Обращает на себя внимание тот факт, что доля респондентов, не планирующих оформлять пенсию в первый же год после выхода на пенсию, возросла с 22% в 2015 году до 27% в 2018 году. В то же время практически каждый третий (32%) пока не принял однозначного решения по данному вопросу. В целом подобные изменения могут косвенно свидетельствовать о позитивном эффекте существующей системы бонусов за отложенные годы выхода на пенсию. Распространение данной модели поведения в предпенсионных возрастах может привести к некоторому снижению темпов роста дефицита бюджета Пенсионного фонда России.

На вопрос «Планируете ли Вы продолжить трудовую деятельность на пенсии?» утвердительно ответило только 34% опрошенных (в 2015 году – 35%). Таким образом, потенциальный ресурс пополнения рабочей силы со стороны пожилых трудящихся в Вологодской области остался прежним. В то же время структура мотивов на продолжение трудовой деятельности рассматриваемой социально-демографической группы заметно изменилась *(табл. 4)*.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Что мотивирует Вас на продолжение трудовой деятельности?», %

Вариант ответа	Доля респондентов	
	2015 год	2018 год
Потребность в дополнительном заработке	94,0	84,0
Желание приносить обществу пользу	10,6	25,2
Потребность в общении	15,2	23,7
Другое	0,7	0,8
Затрудняюсь ответить	3,3	1,5

По-прежнему главным мотивом к продолжению трудовой деятельности на пенсии является потребность в дополнительном заработке (84%), однако удельный вес выбравших этот вариант ответа с 2015 года снизился на 10%. При этом на 15% увеличилась доля населения, мотивация которых определяется желанием приносить пользу обществу. Результаты исследования также свидетельствуют о том, что население предпенсионных возрастов в большей степени стало чувствовать свою полезность государству и обществу (с 34% в 2015 году до 42,5% в 2018 году). Как показывают зарубежные исследования [22], чувство собственной значимости старшего поколения возрастает по мере нарастания дефицита трудовых ресурсов. Во многих отраслях экономики пожилых людей стимулируют на продолжение трудовой деятельности ввиду отсутствия подходящей замены. Рост значимости потребности в общении – еще одно важное изменение в структуре мотивации на продолжение трудовой деятельности (прирост на 8,5%). В целом же мы можем говорить о том, что в Вологодской области наблюдается постепенное смещение вектора мотивов от «экономических» (во многом вынужденных) к «неэкономическим» (потребность в общении и желание приносить пользу обществу). Данные явления во многом совпадают с трансформацией характера занятости старшего поколения в развитых странах. Вероятно, введенное на законодательном уровне ограничение на

индексацию пенсий при продолжении трудовой деятельности несколько изменило состав рабочей силы населения старших возрастов именно в части мотивационной составляющей, фактически «отсеяв» довольно существенную часть населения, для которого трудовая деятельность являлась только инструментом получения заработной платы как «бонуса» к уже имеющемуся пенсионному пособию.

В связи с этим не вызывает удивления тот факт, что планируемое число лет, которое представители предпенсионного возраста собираются проработать на пенсии, в среднем выросло с 5,5 до 8 лет. Для мужчин этот показатель составил 9 лет, для женщин – 6 лет.

В то же время следует указать, что 45% респондентов затруднились дать ответ на данный вопрос, в связи с чем прогнозируемое увеличение продолжительности трудовой жизни в перспективе может быть не столь значимым.

Переходя к оценке трудовой активности населения пенсионного возраста, отметим, что за период с 2015 по 2018 год доля продолживших трудиться на пенсии практически не изменилась (45 и 44,5% соответственно), что противоречит выдвинутой нами в 2015 году гипотезе о потенциальном увеличении первичной включенности старшего поколения на рынке труда. При этом в некоторых аспектах изменения мотивации на продолжение трудовой деятельности население пенсионного возраста повторяет тренды, выявленные в группе предпенсионных возрастов *(табл. 5)*. В первую очередь это выражается в увеличении значимости мотива, отражающего важность выполнения общественно полезной деятельности. Также необходимо отметить, что если в 2015 году потребность в общении была в наибольшей степени характерна для самых старших возрастов (70%), то на текущий момент значение этого показателя выровнялось для всех возрастных групп.

В рамках проведенного исследования было выявлено, что около половины пенсионеров (45%) из числа тех, кто продолжил работать после выхода на пенсию, трудятся до сих пор, что соответствует показателю 2015 года *(табл. 6)*.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос
«Что мотивирует Вас на продолжение трудовой деятельности?», %

Вариант ответа	Доля респондентов	
	2015 год	2018 год
Потребность в дополнительном заработке	81,1	83,7
Желание приносить обществу пользу	12,9	21,3
Потребность в общении	20,5	23,9
Другое	1,0	3,2
Затрудняюсь ответить	3,9	7,0

Таблица 6. Распределение утвердительных ответов на вопрос
«Работаете ли Вы в данный момент?», % от тех, кто продолжил
работать после выхода на пенсию и получает пенсионное пособие

Год	Всего	Пол		Возраст				
		мужчины	женщины	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
2015	44,8	48,3	43,3	78,9	73,8	52,2	39,3	9,0
2018	45,3	48,5	44,1	75,0	87,5	54,5	25,0	2,4

В то же время структура занятых несколько изменилась. Касается это в первую очередь смещения концентрации занятости населения старших возрастов к предпенсионным и «молодым» пенсионным возрастам, тогда как доля работающих в возрасте 65–69 лет и 70+ лет сократилась на 14 и 7% соответственно.

Основными причинами завершения трудовой деятельности, особенно в самых старших возрастах, выступают неудовлетворительное состояние здоровья и желание уйти на заслуженный отдых *(табл. 7)*. Важно отметить, что, как и в 2015 году, порядка 13% населения старших возрастов попали под сокращение или были вынуждены уйти с работы по требованию работодателя. Причем это является характерным явлением для всех рассматриваемых возрастов и позволяет предположить, что уровень распространенности подобного рода практик является стабильным на протяжении длительного периода времени. Также стоит обратить внимание на

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Что стало причиной прекращения Вами трудовой деятельности?» (вопрос для тех, кто получает пенсию), % от числа тех, кто не работает на данный момент

Вариант ответа	Всего	Пол		Возраст				
		мужчины	женщины	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и старше
Не было необходимости, хотелось на заслуженный отдых	31,1	29,5	31,8	3,2	21,4	28,2	32,4	40,7
Неудовлетворительное состояние здоровья	29,8	32,4	28,7	19,4	14,3	26,2	32,9	41,0
Вынужденное увольнение (сокращение, увольнение по требованию работодателя)	13,2	15,2	12,4	12,9	12,4	12,1	13,5	14,6
Невозможность совмещения домашних обязанностей (воспитание внуков и др.) и трудовой деятельности	6,8	2,7	8,6	6,5	2,9	9,4	6,8	7,0
Хотелось посвятить больше времени любимому делу, хобби, саморазвитию	6,5	7,1	6,3	6,5	2,9	6,7	8,1	7,6
Другое	2,1	3,6	1,4	0,0	1,9	2,0	3,2	1,7
Затрудняюсь ответить	25,4	22,9	26,5	58,1	52,9	29,9	17,1	7,9

тот факт, что 9% женщин вынуждены были завершить свою трудовую деятельность по причине невозможности ее совмещения параллельно с выполнением домашних обязанностей.

Важной для оценки показателей выступает заинтересованность неработающих пенсионеров в возобновлении трудовой деятельности. Результаты опроса 2018 года свидетельствуют о том, что лишь 13% неработающих пожилых людей готовы взяться за посильную работу, если бы им поступило предложение. Отметим, что в 2015 году на подобное предложение готовы были откликнуться порядка 21% респондентов. Наблюдаемое снижение про-

изошло преимущественно ввиду существенного снижения заинтересованности в труде представителей старше 65 лет. При этом среди неработающего населения в возрасте 50–54 лет доля готовых согласиться на посильную работу составляет порядка 33%. На наш взгляд, несмотря на наблюдаемое снижение, резервы повышения трудовой активности старшего поколения (особенно в предпенсионных и младших пенсионных возрастах) представляются достаточно высокими.

В завершение отметим наиболее важные полученные результаты. Мировые тенденции трансформации рынка труда демонстрируют постепенное смещение структуры занятости в сторону старших возрастов. Институциональная пенсионная «ловушка», вызванная дисбалансом в изменении нормального и фактического возраста выхода на пенсию, вынуждает правительства развитых стран проводить соответствующие реформы в области повышения эффективности реализации потенциала старшего поколения. На текущий момент политика «стареющих» государств ОЭСР направлена на активное повышение трудовой активности населения предпенсионных возрастов, чья адаптируемость к нововведениям несколько выше, чем у населения пенсионного возраста, а актуальность имеющихся компетенций не столь значимо устаревает к концу жизненного цикла индивида. Важно также указать, что происходит качественный переход от «вынужденного» (преобладание экономических мотивов) к «осознанному» (преобладание неэкономических мотивов) характеру занятости пожилых людей.

Как показало проведенное исследование, несмотря на то что организационно-правовые отношения в сфере пенсионного обеспечения и трудовой занятости старшего поколения в Российской Федерации существенно разнятся с общемировой практикой, многие из мировых трендов находят свое отражение в нашей стране. Данные социологического опроса позволяют утверждать, что концентрация занятого населения постепенно смещается к предпенсионным и младшим пенсионным возрастам. Происходят серьезные изменения в структуре мотивации (нарастание значимости неэкономических мотивов). Относительно возмож-

ных резервов повышение трудовой активности в старших возрастах, следует обратить внимание на достаточно высокий уровень нереализованного трудового потенциала неработающего населения в возрастах от 50 до 59 лет. На сегодняшний день можно однозначно утверждать, что роль и значимость пожилых людей в социально-экономическом развитии возрастает, причем главным маркером является рост ощущения собственной полезности самим старшим поколением.

Повышение пенсионного возраста в России требует параллельных шагов государства в сфере институционализации занятости населения старших возрастов. Социально-демографическая группа пожилых людей является крайне неоднородной, что безусловно требует введения дифференцированных мер. Главными задачами должны стать обеспечение гарантий занятости в старших возрастах и повышение гибкости рынка труда. По параметрам дожития и состояния здоровья населения старших возрастов Российская Федерация заметно уступает развитым странам. Этот фактор должен учитываться при разработке мер по стимулированию занятости старшего поколения (в частности, создание адаптированных рабочих мест).

Литература

1. Россет Э. Процесс старения населения. М.: Статистика, 1968. 512 с.
2. Сови А. Общая теория населения. Т. 2: Жизнь населения. М.: Прогресс, 1977. 520 с.
3. Зиберт Х. Эффект кобры. Как можно избежать заблуждений в экономической политике. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. 244 с.
4. Golini A. Demographic trends and aging in Europe. Prospects, problems and policies. Genus, 1997, vol. 53, pp. 33–74.
5. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2. С. 7–17.
6. Adequate and sustainable pensions. Joint report by the Commission and the Council. URL: http://europa.eu.int/comm/employment_social/socprot/pensions/index_en.htm

7. Lee R., Mason A. Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy. New York: WESS background paper, 2015. 35 p.
8. Починок Н.Б. Порог старости // Официальный сайт газеты «Известия». URL: https://iz.ru/751570/natalia-pochinok/porog-starosti
9. Sanderson W., Scherbov S. Faster increases in human life expectancy could lead to slower population aging. PLoS ONE, 2015, vol. 10, URL: http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0121922
10. Россиян оставят без пенсии? URL: https://www.rosbalt.ru/moscow/2018/06/07/1708798.html
11. Зеликова Ю.А. Стареющая Европа: демография, политика, социология. СПб.: Норма, 2014. 224 с.
12. Pension at a Glance 2017: OECD and G20 indicators. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/pension_glance-2017-en.pdf?expires=1527486537&id=id&accname=guest&checksum=62565D618BB44E9C50C412E3493D233E
13. Pension Sustainability Index 2014. URL: http://www.allianz.ru/upload/iblock/960/960d4c19f5004413d9afec71e085328a.pdf
14. Барсуков В.Н. Оценка дискриминационных настроений по отношению к пожилым людям в странах мира // Вестник Том. гос. ун-та. 2018. № 429. С. 82–90.
15. Пенсионная реформа в России: результаты мониторинга социально-экономического положения населения и зарубежный опыт. М.: Институт социологии РАН, 2007. 80 с.
16. Проблемы законодательного обеспечения пенсионной реформы в Российской Федерации. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/vestniksf_index17.htm
17. World Population Ageing 2013. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/ageing/WorldPopulationAgeing2013.shtml
18. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156525

19. Барсуков В.Н. Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 195–213.
20. Федеральная служба государственной статистики Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru
21. Pension at a Glance 2015: OECD and G20 indicators. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/pensions-at-a-glance-2015_pension_glance-2015-en
22. Barr N. The welfare state as piggy bank. OUP Oxford, 2001. 316 p.

Глава IV. Положение сельских жителей в контексте пространственного сжатия

4.1. Сельская жизнь российских женщин

«Есть женщины в русских селеньях...»
Некрасов Н.А. Из поэмы «Мороз, красный нос»

Демографическое развитие России, так же как и большинства развитых стран, характеризуется центростремительной миграцией населения, стягиванием его в крупные и крупнейшие города. Но не только процессы урбанизации являются основными стратегическими ограничителями сельского развития. Для Российской Федерации характерны и другие социальные и экономические факторы, понижающие «вероятность реализации оптимистического сценария развития села, прежде всего, демографического развития» [1, с. 15]. Отток молодежи и квалифицированных кадров в города происходит из-за отсутствия подходящей работы, слабого развития социальной инфраструктуры села, низкой доступности медицинских услуг. Сокращается общее количество населенных пунктов, нарушаются традиционные экономические и культурные связи. Сложившиеся тенденции ведут к формированию рисков государственного развития – снижению пространственной связанности, потере культурной идентичности территорий, несбалансированному увеличению нагрузки на большие города.

Статья подготовлена в соавторстве с Г.В. Леонидовой.

Шабунова А.А., Леонидова Г.В. Сельская жизнь российских женщин // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 14–25.

За 1990–2017 гг. численность селян в субъектах Северо-Западного федерального округа сократилась на 19% (в Мурманской области – на 42%, в Псковской области – на 40%; в Республике Коми, Архангельской области и Ненецком АО – на 36-38%). Формируется «очаговость» заселения [2], растет число малолюдных деревень. За последние 20 лет количество населенных пунктов с числом жителей до 10 человек выросло в России на 16162 единицы. В малозаселенной сельской местности формируется «социальная воронка»: снижается численность населения – затухает социально-экономическое развитие этих территорий (сокращается производство, рабочие места, объекты социальной инфраструктуры). А это в свою очередь выталкивает молодежь и квалифицированные кадры из села. Обезлюдение деревень, расширение зон неосвоенного (пустого) пространства содержит и геополитические угрозы[1].

По мере снижения численности населения сельских территорий увеличивается и средний возраст их жителей. Это наглядно демонстрируют статистические данные: за последние 20 лет численность сельского населения России моложе трудоспособного возраста сократилась более чем на четверть (26,7%), а удельный вес людей старших возрастов вырос на 16%.

В тоже время село продолжает выполнять многообразные и чрезвычайно важные в экономическом и социальном аспектах функции, среди которых: «производственная, социально-демографическая, экологическая, рекреационная, культурная, пространственно-коммуникационная, политическая, функция со-

[1] Основные научные результаты представленного доклада были получены сотрудниками Вологодского научного центра РАН в 2015-2017 гг. в ходе выполнения проекта «Экономическая и социальная трансформация сельских территорий (на примере Северо-Западного федерального округа)», реализуемого в рамках Программы фундаментальных научных исследований Президиума Российской академии наук № 13 «Пространственное развитие России в XXI веке: природа, общество и их взаимодействие» а также научно-исследовательской работы по исследованию предпосылок и условий формирования Вологодской агломерации, выполненной в интересах Администрации города Вологды.

циального контроля территории и предоставления социальных услуг, организационно-управленческая» [4, с. 113] и др. Осуществляя значимую государственную функцию – развитие сельскохозяйственного производства – село обеспечивает продовольственную безопасность страны. Социально-демографическая функция сельских территорий заключается в обеспечении естественного воспроизводства населения страны, передаче от поколения к поколению сельского уклада жизни, норм и ценностей, традиционных знаний и методов землепользования [4, с. 115]. Село – это и рекреационная зона. Именно в сельской местности можно создавать условия для восстановления здоровья и отдыха за счет использования природных рекреационных и бальнеологических ресурсов. Значение сельских территорий связывается не только с производством сельскохозяйственной продукции, но и с развитием других видов деятельности в рамках диверсификации сельской экономики, что требует восстановления сельской производственной и социальной инфраструктур, развития сельского строительства, организации переработки сельскохозяйственной продукции, возрождения народных промыслов и так далее.

На чьи плечи ложится эта работа? Кто играет основную роль в сельской местности страны? «Заглянем» в сельские районы Вологодской области, одного из русских (доля русского населения – 97,3%) и «типичных» регионов нечерноземной зоны России. Площадь области составляет почти 1% территории России, это крупный регион (144,5 тыс. км^2), в котором производится каждая шестая тонна российского проката и стали, каждая восьмая тонна минеральных удобрений, каждый восьмой метр льняных тканей, каждый десятый кубометр клееной фанеры. Здесь живет 1% населения страны (28% – в сельской местности в 8006 населенных пунктов). При этом 66% селян проживают в небольших пунктах до 100 жителей. За период 2002–2010 гг. число опустевших сел и деревень в регионе выросло в 1,3 раза (с 1625 до 2131). Характерна для вологодских сел и диспропорция половой структуры – на 1000 женщин приходится 993 мужчины, в трудоспособном возрасте соотношение почти равное, а дальше преобладание женщин увеличивается, и чем крупнее населенный пункт, тем больше диспро-

порция [5, с. 19]. Можно констатировать, что у села женское лицо. В этой связи изучение особенностей и проблем сельских женщин представляется весьма актуальным.

Сельские женщины представляют собой социально-демографическую группу общества, имеющую особые социально-психологические, идейно-нравственные и этнокультурные характеристики, схожие духовные ценности, социальный опыт и образ жизни. Роль сельских тружениц весьма многогранна для развития сельской экономики и экономики государства в целом, а также в обеспечении экономического благосостояния своих семей. Проводимые исследования свидетельствуют, что социально-экономические трансформации в обществе (неоднозначные по результатам) в течение последних десятилетий привели к существенному изменению положения женщины (в некоторых развитых странах предприятия, возглавляемые женщинами, обеспечивают до 60% ВВП, а в России 45% высших управленческих позиций занимают женщины [6]) в стране в целом и, в частности, в сельском сообществе.

Сегодня сельские женщины играют важную роль в социальном развитии села. Они решают бытовые социальные проблемы на селе, сотрудничают с местной властью, трудятся на разных участках сельского производства, социальной сферы, руководят широкой сетью бюджетных учреждений, встают во главе сельских поселений, все активнее создают фермерские хозяйства, развивают семейный бизнес. На них держатся традиции и нравственные устои сельской семьи. Актуальность проблем, связанных с жизнью и деятельностью сельских женщин, обусловлена также тем, что, несмотря на улучшение качества и уровня жизни населения в мире в целом и в России в частности, женщины чаще оказываются среди низкооплачиваемых, безработных и малообеспеченных слоев населения. При этом они совмещают семейные и внесемейные, материнские и трудовые обязанности, оставаясь в силу ряда социокультурных особенностей и традиций в более трудном положении, чем мужчины.

Соотношение занятого населения в гендерном разрезе показывает, что за период с 2000 по 2018 г. удельный вес женщин в

структуре российского рынка труда не претерпел значительных изменений и составляет порядка 48-49%. То есть практически равные доли мужской и женской рабочей силы участвуют в производительном труде. Для сравнения: в Вологодской области это соотношение также в пользу мужчин (51%), доля занятых женщин – 49%, что соответствует среднероссийским значениям [7]. Таким образом, мужчины и женщины имеют практически равные возможности для осуществления трудовой деятельности. Это подтверждается и данными исследований Всемирного экономического форума (ВЭФ), согласно которым гендерная структура рынка труда является конкурентным преимуществом России: по этому показателю страна занимает 75 позицию среди 149 обозреваемых стран [8].

Показатели безработицы в гендерном разрезе также говорят о наличии этого преимущества на рынке труда: уровень общей безработицы не демонстрирует гендерных различий (4,7% – женщины; 4,9% – мужчины). Более существенные различия показателя обнаруживаются в региональном разрезе. Например, в 2018 г. в Вологодской области он равен 6,3% у мужчин и 3,7% у женщин. Одна из причин меньшей безработицы среди женщин, возможно, связана и с тем, что в поисках работы они зачастую соглашаются на более низкую оплату труда, что в целом согласуется с представлением о российской модели рынка труда, которая предусматривает стабильную занятость при низкой заработной плате [2].

Наибольшее количество женского труда в сельских территориях сосредоточено в сферах образования (87%), здравоохранения и социальных услуг (84%), сфере услуг (76%), общепита (80%), торговли (70%), финансовых операций (79%). Практически все эти виды деятельности относятся к так называемым феминизированным отраслям. Сосредоточение в них женщин свидетельствует о сохранении отраслевой гендерной сегрегации в российской экономике [9]. Отличие от города здесь связано с существенным перевесом женщин в деятельности предприятий общественного питания, что для городов уже не является характерным.

Нельзя не отметить, что работа в отраслях социальной сферы предъявляет более высокие требования к качеству рабочей силы

(уровню образования, здоровью). Исследование качества трудового потенциала населения региона, проводимое Вологодским научным центром РАН с 1997 г., который измеряется индексом социальной дееспособности[2], дает возможность оценить трудовой вклад в гендерном разрезе. Анализ этого показателя *(рис. 1)* свидетельствует, что в период с 1997 по 2006 г. более высоким качеством трудового потенциала отличались мужчины (исключение – 1999 и 2003 гг.). Но с 2007 г. наблюдается явное превосходство качества трудового потенциала женщин. Более того, в 2018 г. разрыв в значениях показателя достиг максимальной величины – 0,016 ед. (0,684 ед. у женщин против 0,668 ед. у мужчин) [10, с. 46]. Существенное превышение качества трудового потенциала женщин обусловлено, в первую очередь, более высоким уровнем их образования, а также усилением их роли в экономической жизни [11, с. 130].

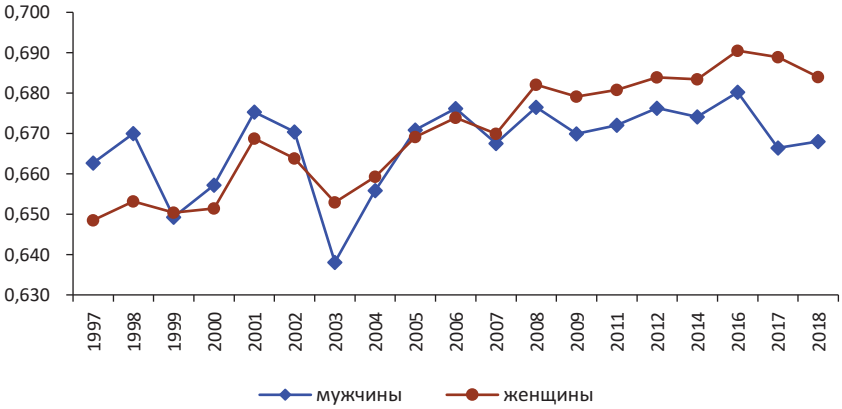


Рис. 1. Динамика качества трудового потенциала населения Вологодской области, индексы социальной дееспособности

[2] Измерение качественных характеристик рабочей силы проводится на основе социологических опросов. В результате математической обработки баз данных мониторинга качество трудового потенциала населения получает численную оценку в виде индекса в интервале от 0 до 1, рассчитываемого как отношение фактического числа баллов к максимуму.

Надо отметить, что по уровню образования сельские женщины уступают городским –в селе, по результатам опросов, лиц с высшим образованием в 2 раза меньше, чем тех, кто имеет среднее образование (в городе преобладает население, имеющее высшее образование). В свою очередь они превосходят в уровне образования своих земляков-мужчин: лиц с высшим образованием среди них больше в 2 раза – 63 против 37% [12]. На основании этих данных можно говорить о том, что за счет мужчин формируется в основном тот объем рабочей силы на селе, который занят физическим трудом.

Не случайно сельские женщины, умело сочетая в себе женственность и деловые качества, встают во главе сельских поселений, являются главами муниципальных образований (6 из 28 глав МО Вологодской области – женщины), занимают выборные должности сельских старост (50% старост – женщины) [13, с. 7]. Вот как об этом рассказывают сами сельские активистки: «*Так уж получилось, что односельчане оказали мне доверие и выбрали в 2015 г. старостой деревни. Населенный пункт находится в 5 км от центра сельского поселения ... В деревне отсутствуют социально-значимые объекты: торговые точки, объекты культуры, ФАП. В основном проживают люди пенсионного возраста, поэтому связь с администрацией сельского поселения и другими организациями происходит через связующее звено – старосту. Староста – это человек, который болеет душой за свое родное село, не считаясь с личным временем, оказывает помощь населению на безвозмездной основе*» [14, с. 35]. *«... хороший староста – это спасение деревни, без него не обойтись ни жителям, ни местным администрациям. Старосты для односельчан – и коммунальщики, и социальная служба, и психологи. И все это на общественных началах»* [15, с. 30].

Женщины выкладываются на работе больше, чем мужчины, это подтверждают результаты исследования уровня[3] реализации

[3] Индекс «реализации трудового потенциала» показывает уровень использования работающим населением своих качеств и умений в конкретной трудовой деятельности. Методика, разработанная в Вологодском научном центре РАН, основана на вопросах «Насколько сильно Вы «выкладываетесь» на работе? В какой мере используете свои качества и умения?».

качественных характеристик населения в трудовой деятельности. Наиболее активно они используют свои коммуникабельные (84,3%) и психологические (83,6%) способности. Это демонстрируют приведенные выше выдержки из выступлений активисток на областном сходе сельских женщин Вологодской области в 2019 году. Вместе с тем, качественные характеристики трудового потенциала различаются территориально. Население городов на протяжении всего периода исследований, за исключением базового 1997 года, имеет более высокие индексы качества трудового потенциала по сравнению с сельскими жителями. Это свидетельствует о том, что в течение двадцати лет качество сельского населения не столько приобретало, сколько теряло. В первую очередь, из-за негативных демографических процессов (миграционного оттока молодежи, прогрессирующего старения), а во вторую очередь, из-за оптимизации социальной инфраструктуры [10, с. 49].

Уровень реализации качества трудового потенциала сельских территорий также заметно проигрывает показателям городов [16]. И здесь закономерно говорить не только о повышении эффективности использования ресурсов труда, накопленных за пределами крупных городов, но и о создании необходимых для этого условий. Как справедливо отмечает Н.В. Зубаревич, «сокращение численности населения неизбежно, и в таких условиях самое главное – эффективно использовать человеческие ресурсы, воспроизводить и наращивать в первую очередь их качество» [17, с. 5]. Самое малое, что можно сделать для повышения эффективности женской рабочей силы, это создать достойные условия труда или, другими словами, позаботиться о качестве трудовой жизни женщин (КТЖ). Исследование этого фактора трудовой деятельности в Вологодской области показывает, что женская часть населения более удовлетворена такими компонентами трудовой жизни как устойчивость, стабильность работы, психологический климат и комфортность жизненного пространства. Характерно, что в ранжированном ряду удовлетворенности качеством трудовой жизни оплата труда стоит у жительниц города на последнем месте, у мужчин она занимает позицию выше *(табл. 1)*.

Таблица 1. Индексы КТЖ трудоспособного населения Вологодской области

Группы населения		Индексы удовлетворенности частными аспектами КТЖ								Сводный индекс удовлетворенности КТЖ
		Оплата труда	Условия и организация труда	Использование человеческого потенциала	Карьерный рост	Устойчивость занятости	Психологический климат	Жизненное пространство	Социальная значимость труда	
Мужчины	Город	0,119	0,129	0,216	0,071	0,934	0,403	0,240	0,304	0,235
	Село	0,094	0,183	0,169	0,137	0,849	0,384	0,253	0,253	0,228
Женщины	Город	0,088	0,185	0,248	0,159	0,920	0,441	0,278	0,278	0,256
	Село	0,179	0,328	0,358	0,250	1,000	0,490	0,318	0,270	0,348
Источник: Мониторинг качества трудового потенциала населения Вологодской области [9].										

Это косвенно свидетельствует о том, что дискриминация в заработной плате между мужчинами и женщинами на рынке труда присутствует. Удовлетворенность оплатой труда у сельских женщин также находится на последнем месте в ряду индикаторов КТЖ (0,179). Но у мужчин села, в отличие от городских, эту оценку трудно назвать удовлетворенностью – 0,088, то есть можно говорить о полной неудовлетворенности этим компонентом. В исследованиях [18, с. 279] отмечается, что «сигналы низкого качества рабочего места в ощущениях женщин не влекут за собой негативных последствий в части оценки удовлетворенности трудом в отличие от мужчин». Явление, когда женщины более удовлетворены своей работой при менее благоприятных условиях труда, карьерных перспектив и оплаты труда, называют «парадоксом удовлетворенности работой в зависимости от пола» [19, с. 266]. Он заключается в том, что женщины имеют меньшие ожидания относительно результатов своей работы.

Такая разница может быть связана еще и с отсутствием качественных рабочих мест в селе для мужчин. «Традиционная» же женская занятость (сферы образования, здравоохранения, социальных услуг) сегодня получает определенные преференции в

оплате труда. В этих отраслях заработная плата выше (например, в образовании – 34361 руб. [20]), чем в сельскохозяйственных видах экономической деятельности (28699 руб. в 2018 г., что ниже средней заработной платы в целом по отраслям экономики (43724 руб.) в 1,5 раза). Нужно сказать, что заработная плата по основному месту работы и социальные выплаты являются основным источником дохода для подавляющего большинства жителей области (70%), в том числе и для сельских женщин (70,3%). Положительная оценка КТЖ женщинами связана и с тем, что Трудовым кодексом для сельских женщин установлен сокращенный рабочий день.

В целом сводный индекс КТЖ у сельских тружениц выше по сравнению с горожанками на целый порядок. Возможно, здесь включается и ментальное убеждение, что наличие любой работы в нестабильных социально-экономических условиях уже хорошо, что отражается и на оценках удовлетворенности. Отметим, что проведенное исследование [21] в Вологодской области выявило прямую зависимость реализации качественных характеристик рабочей силы от удовлетворенности разными компонентами трудовой жизни, и в первую очередь, уровнем заработной платы. В группе работников с положительными оценками качества трудовой жизни уровень реализации качества трудового потенциала выше и, соответственно экономические эффекты в этом случае выше.

Какие проблемы волнуют сельских женщин сегодня больше всего? Во-первых, как и в 2012 г., в «пятерку» наиболее актуальных проблем сельских женщин (по их собственным оценкам) входят инфляция (70%), неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дорог, транспорта – 32%), низкий уровень жизни (32%), низкая доступность жилья (32%), недоступность и низкое качество медицинских услуг (30%). Во-вторых, исследование общественного мнения населения Вологодской области показывает отсутствие существенной динамики в ответах женщин за шестилетний период, что говорит о сохранении негативной динамики в развитии территорий по наболевшим вопросам *(табл. 2)*.

Таблица 2. Динамика ответов женщин села Вологодской области на вопрос «Какие проблемы современной жизни Вы считаете наиболее острыми для Вашей семьи?», %

Проблема	2012 год	2018 год
Инфляция (постоянный рост цен)	67,3	69,6
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт)	31,7	32,2
Низкий уровень жизни, бедность	32,3	31,9
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	34,0	31,5
Недоступность здравоохранения, низкое качество медицинских услуг	32,2	30,3
Невозможность влияния простых людей на положение дел в стране, регионе, месте своего проживания	13,8	19,3
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	25,7	13,6
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	16,7	13,4
Отсутствие (недостаток) условий для отдыха, проведения досуга	15,4	10,4
Социальная незащищённость граждан	9,6	10,3
Недоступность образовательных услуг, низкое качество образования	12,8	9,7
Несправедливое налогообложение	8,0	9,6
Увольнения персонала, безработица	13,3	8,5
Плохая экология, загрязнение окружающей среды	13,8	8,2
Рост алкоголизма	13,3	7,2
Политическая нестабильность	2,5	6,7
Бездуховность, разгул безнравственности	5,1	6,3
Низкая продолжительность жизни, сокращение численности населения	8,7	6,3
Высокий уровень преступности, незащищённость от криминалитета, хулиганства	9,9	6,1
Задержки выплаты зарплаты, пенсий, стипендий	7,0	5,8
Некомпетентность властей	3,0	4,0
Коррупция, взяточничество	9,0	3,4
Притеснения на национальной почве, межнациональная рознь	1,8	1,6
Источник: данные мониторинга общественного мнения населения Вологодской области Вологодского научного центра РАН.		

Второе место такой проблемы, как состояние сельской инфраструктуры, не случайно. Уровень благоустройства сельского жилищного фонда значительно ниже городского, а материальное положение большей части сельчан не дает возможности его улучшить [22, с. 277]. Несмотря на то, что в селах, как и в целом по России, выросла доля работников сферы услуг (в том числе ЖКХ), это не повлекло за собой повышения качества работы в ней [22, с. 279]. Эта проблема, а также отсутствие перспективной работы и возможности получить качественное образование подталкивают селян к решению изменить свое место жительства[4]. Покинуть деревню, уехать в города в планах у значительной доли молодежи (это указывают 66% опрошенных). Так об этом процессе говорит руководитель предприятия – самого крупного налогоплательщика (маслозавода) в одном из муниципальных районов области, сетуя на то, что «*... самая большая проблема на селе в малом бизнесе – это кадры. Молодежь не едет в сельскую местность...*». По словам этой женщины–руководителя динамично развивающегося предприятия с полной модернизацией производства и современным оборудованием, с качественными рабочими местами: «*...молодые остаются в городе, работая не по специальности...*» [23, с. 25–26].

Сельские территории испытывают не только миграционный отток, но и распространение такого явления как отходничество, то есть выезды из сельской местности на заработки в города и пригороды. В результате в районах длительной депопуляции из поколения в поколение происходит отрицательный социальный отбор, подрывающий любую хозяйственную деятельность, сворачивается даже личное подсобное хозяйство [24]. Доля отходников в регионах Нечерноземья, колеблется от 5 до 30% трудоспособного населения. Чаще основным регионом их притяжения из Вологодской области являются Москва и Подмосковье, чуть реже – Ярославль и Санкт-Петербург [25]. Большинство отходников – мужчины.

[4] Данные социологического опроса «Человеческий потенциал сельских территорий» Вологодского научного центра РАН в 2017 году.

Такая ситуация еще более обостряет женскую ответственность за состояние дел на селе. Мужчины уже не являются единственными добытчиками и главой семьи. Эти роли все активнее примеряют на себя женщины. Исследования показывают, что пятая часть (19%) респондентов считают, что женщина должна выполнять роль главы семьи, причем среди семейных людей большая половина (55%) констатируют, что в их семье жена таковой и является. То же с ролью добытчика – 21% опрошенных считают ее обязательной и для жены, по факту 58% женщин реально выполняют ее. Нужно отметить, что эта ситуация не только не способствует сохранению института семьи, но и усугубляет ситуацию «двойной нагрузки» женщин. В сельской местности это особенно актуально.

Помня о том, что женщины составляют большинство сельского населения, причем активное, на чьих плечах лежит ответственность за семью и детей, необходимо уделять особое внимание их здоровью. Почти половина женщин региона (44%) считает свое физическое состояние хорошим. Однако в сельской местности доля положительных характеристик состояния здоровья среди женщин ниже, чем в городе (38% против 43,4%). Большинство женщин ответственность за состояние личного здоровья возлагают на себя (87%) и предпринимают конкретные действия по здоровьесбережению *(табл. 3)*. В результате активных самосохранительных действий с 2012 г. снизилось количество курящих женщин (48% против 36%) и увеличился процент своевременно обращающихся к врачам (25% против 34%). Однако исследование констатирует, что внимание женщин к своему здоровью в целом ослабло. Об этом красноречиво говорит отрицательная динамика их ответов на остальные вопросы.

Депопуляция сельских территорий, малонаселенность, низкая производственно-хозяйственная активность, отток населения и неясные перспективы не погасили социальную активность жителей сел и деревень. Рассматривая активность сельских женщин, важно отметить, что за 2012–2018 гг. выросла (с 37 до 50%) среди них готовность к объединению. Доля сельских женщин, активных, по их оценкам, в общественной и политической жизни,

Таблица 3. Динамика ответов женщин Вологодской области на вопрос о личных усилиях по сохранению и укреплению своего здоровья, %*

Женщины город		Меры по укреплению и сохранению здоровья	Женщины село	
2012	2018		2012	2018
51,8	49,9	Не курю	47,5	35,9
30,0	37,7	Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	24,7	33,6
26,8	25,9	Посещаю баню, сауну	45,7	30,0
27,3	29,2	Стараюсь больше ходить пешком, совершаю прогулки в местах отдыха	26,0	22,3
36,2	28,3	Использую бытовые приборы для очистки питьевой воды, покупаю бутилированную воду, пользуюсь водой из специальных источников (родников, колодцев)	19,3	19,1
21,3	22,9	Стараюсь оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых	20,2	18,2
27,8	34,9	Соблюдаю режим питания, стараюсь, чтобы рацион был сбалансированным (в 2012 г.: «Контролирую свой вес»)	21,5	17,3
18,3	24,7	Стараюсь организовать своё свободное время с пользой для здоровья, саморазвития, самореализации	16,6	11,8
18,7	22,6	Стараюсь контролировать своё психическое состояние	16,1	10,0
14,6	18,0	По возможности прохожу курс лечения в санатории, на курорте и т.п.	8,5	9,1
35,7	32,3	Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	23,8	7,7
13,1	12,4	Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	8,5	6,8
17,5	20,4	Ничего специально не предпринимаю	27,4	28,6

* Ранжировано по столбцу «Женщины село 2018».
Источник: данные мониторинга физического здоровья Вологодского научного центра РАН.

выше по сравнению с городскими (28% против 23%). Несмотря на то, что это участие в большинстве случаев ограничивается благоустройством территорий, субботниками, сельские женщины активно берут на себя заботы и о развитии села в целом. Так об этом говорят сами женщины: «*Какую сторону деревенской жизни ни возьми, везде вы найдете женщин. Женщины охотно трудятся в женсоветах, союзах, участвуют в сходах граждан. Чтобы улучшить положение женщин на селе, они проводят семинары, круглые столы по темам: «Женщины России и возрождение села», «Молодая семья и личное подворье», «Хозяйка села - женщина», «Чистый двор и лучший огород» и другие. Многие сельские женщины идут на руководящую работу. Немало женщин возглавляет сельские поселения*» [26, с. 45].

Таким образом, женщины в российских селах, немногословные и не очень притязательные в целом, выполняют свою работу, решая тем самым не только свои, но и общественные проблемы. Всего этого не понять, не обратившись к судьбам конкретных людей.

Екатерина Б.: «*Я хочу рассказать о том, как живет наше село. В нашем поселении мы, женщины, объединяемся в кружках, клубах, создаем группы здоровья. Деревня Барановская находится в 70 км от райцентра. Часто выезжать в поселок Кадуй нет возможности, поэтому мы сами развлекаем себя и жителей нашего поселения. На базе Сосновского филиала Рукавицкого Дома культуры создан ансамбль художественной самодеятельности «Конфетки-бараночки». В коллективе 12 женщин, возраст участников – от 45 до 72 лет. Ансамбль участвует во всех мероприятиях поселения и района. Все мероприятия готовятся и проводятся совместно с администрацией сельского поселения, школой, домом культуры, библиотекой, советом ветеранов, женсоветом, которые возглавляют тоже женщины...*».

Людмила Н.: «*Свое крестьянско-фермерское хозяйство мы зарегистрировали в феврале 2017 г. ... На данный момент у нас 200 голов крупного рогатого скота. На постоянной основе работают 5 человек, на период заготовки привлекаются еще дополнительные рабочие. Считаю, что с увеличением желающих работать на сельскохозяйственных землях увеличится и численность населения*».

Ольга С.: «*В 2013 г. в составе студенческого трудового отряда мне посчастливилось работать зоотехником на животноводческом комплексе... Все это мне понравилось и в 2014 г., после окончания Вологодской молочнохозяйственной академии, я приехала в хозяйство, где работаю по специальности уже 5 лет. Поселение, на территории которого расположено хозяйство, живет насыщенной жизнью. Активно идет строительство частных домов. Молодежь не боится строиться в деревне. Созданы все условия для их деятельности, есть возможность заниматься спортом и творчеством...*».

Татьяна К.: «*Успех нашего хозяйства – в нашей семье. Мы все делаем вместе. ... стараемся по возможности посещать все районные и местные мероприятия и по работе, и развлекательные. Стараемся помогать всегда всем, кто просит, ведь нам тоже помогают всегда, когда обращаемся: и управление сельского хозяйства, и глава поселения*».

Обобщая наши рассуждения еще раз отметим актуальность поднятой проблематики – о важной роли женщин в сохранении и развитии сельских территорий. Действительно в период депопуляции, сжатия сельских территорий женщины обладая более высокими показателями трудового потенциала, более активной гражданской позицией во многом способствуют не только поддержанию жизнеспособности села, но и сохранению национальных традиций и культуры. На конкретных примерах мы показали, что Вологодская глубинка жива и сохраняет свою самобытность во многом благодаря труду и энтузиазму женщин. Исследовательская группа Института географии РАН, изучая особенности сельских территорий в восточных районах Вологодской области, также отметила их самобытность и уникальность. По мнению ученых, на обследуемых территориях помимо насыщенной культурной жизни в селах присутствует и развитие индивидуального предпринимательства, и накопление социального и человеческого капитала жителей, что в совокупности противостоит (замедляет) социально-экономическому сжатию села [27]. Обращаясь к эпиграфу, можно сказать, что, как и 150 лет назад сегодня актуальны слова поэта «Есть женщины в русских селеньях...». Женщины никогда не были в стороне от общих дел, и пока есть такие заинтересо-

ванные, целеустремленные и любящие свою малую родину люди, деревня будет жить. Представляется, что этот ресурс организационно раскрыт не полностью, важно и нужно шире учитывать и использовать его при создании проектов и программ муниципального развития.

Литература и Интернет-источники

1. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник СГСЭУ. 2018. № 2 (71). С. 14–18.
2. Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
3. Староверова Г.С., Медведев А.Ю. Сельская территория как среда обитания и сфера жизнедеятельности человека // Проблемы развития территории. 2014. № 5 (73). С. 112–122.
4. Шабунова А.А. Проблемы и возможности демографии вологодского села // Областной сельский сход «Женщины Вологодчины – за возрождение села». Вологда: ВИРО, 2019. 56 с.
5. International Business report by Grant Thornton: в России больше всего женщин-руководителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/zhenshchiny-v-biznese/275281-8-novykh-issledovanii-o-zhenshchinakh-v-bizne?photo=7 (дата обращения – 20.03.2020).
6. Статистический ежегодник Вологодской области, 2018. Вологда: Вологдастат, 2019. 319 с.
7. Индекс гендерного разрыва по версии Всемирного экономического форума. Гуманитарная энциклопедия: Исследования // Центр гуманитарных технологий, 2006–2020 (последняя редакция: 08.02.2020) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://gtmarket.ru/ratings/global-gender-gap-index/info (дата обращения – 20.03.2020).
8. Права женщин и институты гендерного равенства в регионах России / отв. ред. Н.М. Римашевская, О.А. Воронина, Е.А. Баллаева. М.: МАКС Пресс, 2010. 424 с.
9. Леонидова Г.В., Россошанская Е.А., Попов А.В. Мониторинг качества трудового потенциала: 20 лет региональных исследова-

ний / под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда: Вологодский научный центр РАН, 2018. 192 с.

10. Шабунова А.А., Попов А.В., Соловьева Т.С. Потенциал женщин на рынке труда региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 1. С. 124–144.
11. Женщины и мужчины Вологодской области. Цифры и факты: статистический сборник. Вологда: Росстат. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области, 2018. 124 с.
12. Фекличев С.А. Грязовецкий район – «южные ворота» Вологодчины // Областной сельский сход «Женщины Вологодчины – за возрождение села». Вологда: ВИРО, 2019. 56 с.
13. Семенкова В.М. Роль старосты на селе // Областной сельский сход «Женщины Вологодчины – за возрождение села». Вологда: ВИРО, 2019. 56 с.
14. Самойлова О.Г. Формирование социальной активности населения // Областной сельский сход «Женщины Вологодчины – за возрождение села». Вологда: ВИРО, 2019. 56 с.
15. Чекмарева Е.А. Качество трудового потенциала за пределами крупных городов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 1. С. 164–179. DOI: 10.15838/esc.2018.1.55.11
16. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России в 2000-е годы: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15–26.
17. Muskat B., Reitsamer B. Quality of work life and Generation Y: How gender and organizational type moderate job satisfaction. Personnel Review. 2019. No. 49(1). P. 265–283. DOI: 10.1108/PR-11-2018-0448
18. Westover J.H. The job satisfaction-gender paradox revisited: A cross-national look at gender differences in job satisfaction, 1989–2005. Journal of Global Responsibility. 2012. Vol. 3. No. 2. Pp. 263–277.
19. Рынок труда, занятость и заработная плата: среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности в Российской Федерации за 2000–2019 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://www.gks.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения – 20.03.2020).

20. Белехова Г.В. Удовлетворенность компонентами трудовой жизни в разрезе социально-демографических характеристик // Социально-гуманитарные технологии. 2019. № 3 (11). С. 9–16.
21. Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. М.: Весь Мир, 2018. 384 с.
22. Зыкова В.Д. Тарногский маслозавод – визитная карточка Тарногского района // Областной сельский сход «Женщины Вологодчины – за возрождение села». Вологда: ВИРО, 2019. 56 с.
23. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М., Издательская группа URSS, 2013. 456 с.
24. Нефёдова Т.Г. Миграционная подвижность населения и отходничество в современной России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015. № 3. С. 41–56. DOI: 10.15356/0373-2444-2015-3-41-56
25. Белова Е.П. Активность сельских тружениц и развитие села: роль районного совета женщин // Областной сельский сход «Женщины Вологодчины – за возрождение села». Вологда: ВИРО, 2019. 56 с.
26. Аверкиева К.В. Восток Вологодской области как социально-экономическая и культурная аномалия // Проблемы развития территории. 2018. № 6 (98). С. 131–148. DOI: 10.15838/ptd.2018.6.98.9

4.2. Экономическое положение и социальное самочувствие сельской женщины

Происходящие в стране трансформации привели к проблеме феминизации бедности – преобладания женщин среди низкооплачиваемых, безработных и малообеспеченных слоёв населения. Обостряется главная социальная проблема женщин, которая заключается в сочетании семейных и внесемейных, материнских и трудовых обязанностей, обусловленная выполнением ими репродуктивной функции [5].

Поэтому проблемы, связанные с положением женщин в обществе, приобрели характер самых актуальных. Объективная разница во внешних обстоятельствах, системно влияющих на образ жизни в городе и деревне, позволяет выделить сельских женщин в отдельную группу.

На международном уровне особый статус сельской женщины подчёркнут тем, что ежегодно 15 октября в Европе отмечают День сельских женщин (World Rural Women's Day). В 2011 году Продовольственная и сельскохозяйственная международная организация ООН (Food and Agriculture Organization, FAO) обнародовала доклад «Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2010–2011» с подзаголовком «Женщины в сельском хозяйстве. Устранение гендерного разрыва в интересах развития». Документ целиком посвящён

Статья подготовлена в соавторстве с Т.П. Кожиной.

Кожина Т.П., Шабунова А.А. Экономическое положение и социальное самочувствие сельской женщины // Проблемы развития территории. 2012. № 3 (59). С. 68–75.

острейшей проблеме – дискриминации женщин, особенно в сельской местности развивающихся стран.

Сельские женщины – экономическая категория населения, от которой в значительной степени зависит и состояние сельскохозяйственного производства, и социальной сферы (образование, здравоохранение), и демографической ситуации (потенциал воспроизводства в сельской местности в настоящее время выше, чем в городской). В итоге экономическое положение сельской женщины определяет качество человеческого потенциала страны в целом и отдельных её регионов.

Современная ситуация в постсоветской России характеризуется тем, что у значительной части сельских женщин ухудшились условия реализации основных социальных функций. Почти полностью разрушена или стала недоступной из-за высоких цен система платных услуг населению, снизились возможности доступа к детским дошкольным учреждениям, к различным формам семейного отдыха.

Проблема социальной дискриминации женщин приобрела исключительную злободневность в связи с распадом социалистического общественного строя, сменой всего социально-экономического уклада и фактической ликвидацией социальных гарантий для семьи, детей, женщин [1].

Следование нормам рыночной экономики неизбежно привело к отказу поддерживать социальную инфраструктуру села [2]. Территориальная обособленность, материальные затруднения ограничили возможности сельских женщин практически во всех сферах жизнедеятельности: материальном потреблении, образовании, медицинском обслуживании и т. д. Отсутствие выбора места работы в селе, большая удалённость многих сёл от города и железных дорог являются затрудняющими факторами для их социальной адаптации.

В настоящей статье дана характеристика экономического положения и социального самочувствия сельской женщины в сравнении с другими территориально-гендерными группами и показано место данной категории среди населения в целом. Пред-

ставлены данные статистики и результаты опросов, проведённых ИСЭРТ РАН в 2010–2011 гг.

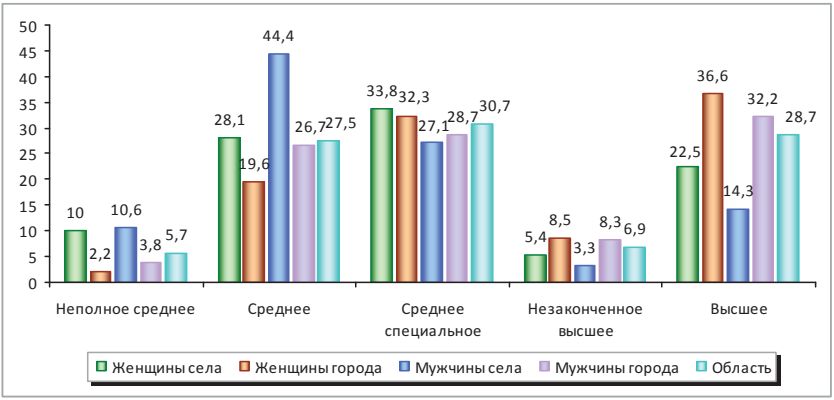
По данным переписи 2010 года, в сельской местности Вологодской области проживали 185 273 женщины. Это 28,5% от всех женщин региона, 15,4% от всех жителей. По сравнению с данными переписи 2002 года население области уменьшилось на 5,3%, при этом городское население – на 3,1% (в среднем по России на 1%), сельское – на 10,3% (по РФ – на 3%). В 67% сельских населённых пунктов области никто не проживает или они малочисленны (население составляет менее 10 человек).

В сельской местности доля лиц трудоспособного возраста меньше, чем в городской (58% против 62). Особенно это касается женщин (50% против 56). Удельный вес женщин пенсионного возраста в селе, напротив, выше (35% против 29 в городе). Доля женщин старших возрастов (свыше 65 лет) в области примерно такая же, как в Северо-Западном федеральном округе и России в целом (13%), однако в сельской местности их удельный вес заметно выше (18% против 15 и 14 соответственно).

По уровню образования сельские женщины уступают городским: доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием среди них в 1,6 раза ниже, а с неполным средним – почти в 5 раз выше *(рис. 1)*. В то же время они значительно образованнее сельских мужчин, в отличие от которых чаще имеют среднее специальное образование (34% против 27), а не общее среднее (28% против 44).

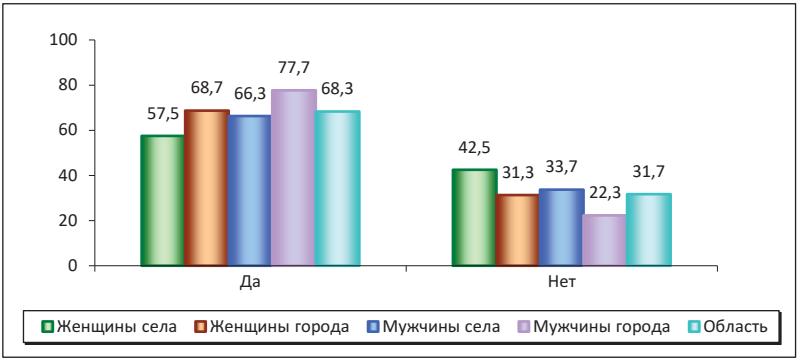
Наличие постоянного занятия, обеспечивающего доход, – главное условие материального и социального благополучия. В этом отношении сельские женщины являются наименее защищённой среди территориально-гендерных групп населения: только для 58% из них источником дохода является постоянная занятость (в среднем по области – 68%; *рис. 2*).

Рис. 1. Уровень образования (2011 г., в % от числа опрошенных)



Примечание: Опрошено 1900 человек. Из них женщин села – 391, женщин города – 674, мужчин села – 329, мужчин города – 506.

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Имеете ли Вы постоянное занятие, приносящее Вам доход?» (2011 г., в % от числа опрошенных)



Примечание: Опрошено 1900 человек. Из них женщин села – 391, женщин города – 674, мужчин села – 329, мужчин города – 506.

Таблица 1. Виды занятости (2011 г., в % от числа занятых)

Вид занятости	Женщины		Мужчины		Область
	села	города	села	города	
Рабочий промышленности, транспорта, связи, сельского, лесного хозяйства	18,7	11,4	55,5	45,8	30,5
Работник торговли, сферы обслуживания	27,6	28,1	11,5	11,7	20,2
Учитель, врач, работник науки / культуры, журналист и т. д.	20,4	24,6	4,1	4,8	14,5
Служащий (квалифицированный специалист, работник аппарата предприятия, учреждения)	21,3	20,1	4,6	8,1	14,1
Инженерно-технический работник	3,6	6,0	8,3	11,7	7,7
Другое	5,7	7,7	14,7	16,8	11,4
Примечание: Опрошено 1900 человек. Из них женщин села – 391, женщин города – 674, мужчин села – 329, мужчин города – 506.					

По видам занятости у сельских и городских женщин много общего. Женщины сохраняют свои позиции в тех сферах, которые отличаются невысокой заработной платой, прежде всего в сфере обслуживания, образовании и здравоохранении. Чаще всего они работают в сфере торговли, обслуживания (по 28%; *табл. 1*) или служащими в учреждении (20–21%).

Доля специалистов, занятых в непромышленной сфере, как и инженерно-технических работников, среди сельских женщин ниже, чем среди городских (24% против 31), а рабочих, напротив, выше (19% против 11).

Заработная плата по основному месту работы и социальные выплаты являются главными источниками дохода для подавляющего большинства жителей области *(табл. 2)*.

Таблица 2. Основной источник личных доходов за последний год
(2011 г., в % от числа опрошенных)

Основной источник дохода	Женщины		Мужчины		Область
	села	города	села	города	
Пенсии, пособия, стипендии, социальные выплаты	55,0	62,2	67,8	74,2	64,8
Заработная плата по основному месту работы	54,0	58,8	59,9	69,4	60,8
Помощь родственников	3,1	3,9	3,6	2,4	3,3
Доходы от самозанятости	1,0	2,7	4,9	4,2	3,1
Прочие доходы	1,3	2,3	4,5	1,0	2,2
Примечание: Опрошено 1900 человек. Из них женщин села – 391, женщин города – 674, мужчин села – 329, мужчин города – 506.					

При этом доля лиц, имеющих подобные постоянные источники дохода, среди сельских женщин оказывается ниже, чем среди остальных рассматриваемых категорий населения. Так, по сравнению с городскими женщинами удельный вес тех из них, кто получает социальные выплаты, на 7 процентных пунктов ниже, а по сравнению с сельскими мужчинами – ниже на 13 п.п. Заработную плату как источник дохода отметили в 2011 году 54% женщин в селе (против 59% среди городских женщин и 61% в среднем по области).

Заметны различия в семейном положении женщин в селе и в городе. Среди сельских женщин по сравнению с городскими выше доля тех, кто связан семейными отношениями (в зарегистрированном или незарегистрированном браке): 62% против 55 *(табл. 3),* а также вдов (17% против 13). В значительной мере это объясняется, с одной стороны, более традиционным подходом к брачно-семейным отношениям, с другой – ранней смертностью мужчин в селе.

Таблица 3. Семейное положение (2011 г., в % от числа опрошенных)

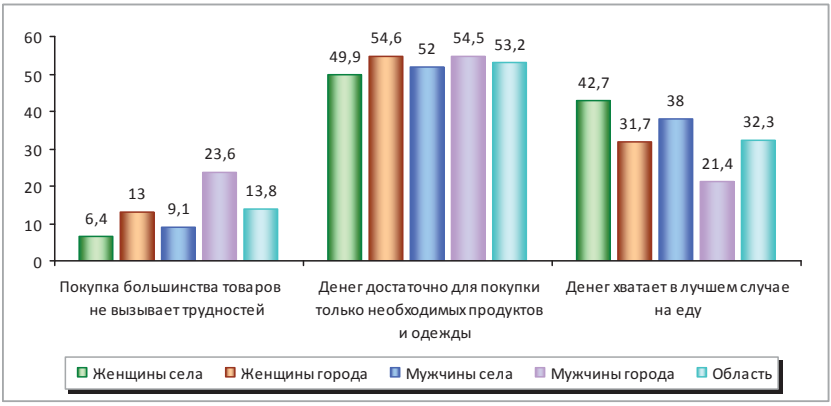
Показатель	Женщины		Мужчины		Область
	села	города	села	города	
Состою в зарегистрированном браке и проживаю совместно с супругом(ой)	55,0	46,9	60,5	55,5	53,2
Состою в зарегистрированном браке и не проживаю совместно с супругом(ой)	2,8	2,2	2,7	2,4	2,5
Не состою в зарегистрированном браке, но проживаю совместно с супругом(ой)	7,2	8,5	7,0	10,1	8,4
Не замужем/холост	10,2	16,8	22,2	22,5	17,9
Разведен(а)	7,4	12,3	5,2	6,7	8,6
Вдова/вдовец	17,1	13,4	2,4	2,8	9,4
Примечание: Опрошено 1900 человек. Из них женщин села – 391, женщин города – 674, мужчин села – 329, мужчин города – 506.					

Соответственно реже встречаются разведённые (7% против 12) и незамужние (10% против 17) женщины.

По данным опроса, фактический доход на одного члена семьи у женщин села в среднем почти в полтора раза ниже, чем у женщин города, и лишь немного превышает прожиточный минимум. Вследствие этого значительно выше (на 11 процентных пунктов*; рис. 3*) среди них доля лиц с низкой оценкой покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»).

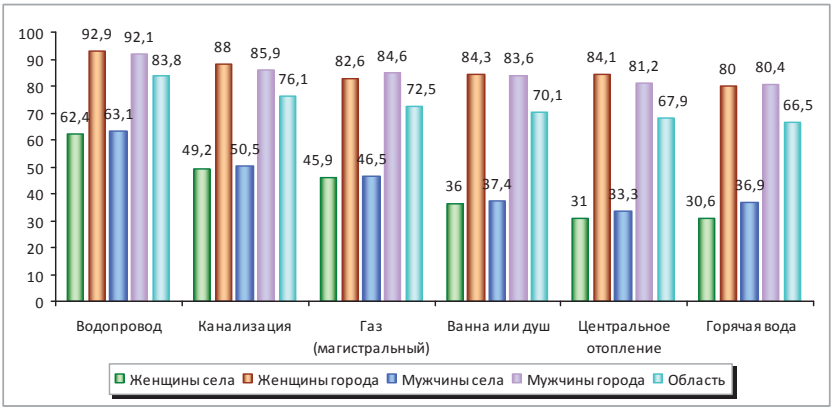
Жилищные условия сельских женщин оставляют желать лучшего. Менее двух третей имеют в своём доме водопровод *(рис. 4)*, примерно половина – канализацию, менее чем у половины (47%) подключён газ, чуть более трети (36%) имеют возможность пользоваться в доме ванной или душем, менее трети (31%) обеспечены центральным отоплением и горячей водой. В отличие от сельских, городские женщины гораздо лучше обеспечены коммунальными удобствами.

Рис. 3. Оценка покупательной способности доходов
(2011 г., в % от числа опрошенных)



Примечание: Опрошено 1900 человек. Из них женщин села – 391, женщин города – 674, мужчин села – 329, мужчин города – 506.

Рис. 4. Виды благоустройства жилья (2010 г., в % от числа опрошенных)



Примечание: Опрошено 1500 человек. Из них женщин села – 242, женщин города – 591, мужчин села – 198, мужчин города – 469.

Наиболее актуальной проблемой для своей семьи женщины села, как и другие категории населения, считают инфляцию: её отмечают 57% против 53% среди женщин города *(табл. 4)*. Кроме того, среди них существенно выше доля тех, кого волнует вопрос недоступности жилья (52% против 33 среди женщин города и 34% среди сельских мужчин).

Таблица 4. Наиболее актуальные проблемы для себя и своей семьи (2010 г., в % от числа опрошенных)

Проблема	Женщины		Мужчины		Область
	села	города	села	города	
Инфляция	57,0	53,0	56,6	53,0	55,2
Низкий уровень жизни	29,9	35,3	30,9	29,2	34,4
Низкая доступность жилья	51,9	32,0	32,0	32,9	32,0
Недоступность услуг здравоохранения	33,6	33,3	34,3	22,4	29,9
Плохое качество инфраструктуры	30,8	30,2	25,1	33,9	29,3
Безработица	23,8	7,0	17,7	10,9	13,2
Рост алкоголизма	21,5	13,8	12,0	11,1	13,2
Недоступность услуг образования	20,1	10,9	18,9	12,1	11,2
Примечание: Опрошено 1500 чел. Из них женщин села – 214, мужчин села – 175, женщин города – 625, мужчин города – 496.					

Можно назвать ещё по крайней мере три проблемы, которые женщины села воспринимают острее, чем городские. Это безработица (24% против 7), алкоголизм (22% против 14), недоступность качественного образования (20% против 11). При этом они реже отмечают бедность (30% против 35) и социальное расслоение (20% против 26). К бедности они «привыкли», социальное расслоение в селе не является ярко выраженным.

Проблема безработицы в селе более актуальна, чем в городе, причём в первую очередь она касается именно женщин, которые называют её в 3,4 раза чаще, чем городские жительницы, и почти в полтора раза чаще, чем сельские мужчины.

Психологически сельские женщины чувствуют себя менее уверенно, чем городские *(табл. 5)*. Они реже отмечают умение общаться с людьми, настаивать на своём, принимать на себя ответственность за происходящее. Доля тех из них, кто полагает, что препятствия закаляют, в полтора раза ниже по сравнению с жительницами города (48% против 71); удельный вес заявивших о мечте иметь собственное дело – в 1,6 раза ниже (24% против 39). В то же время они чаще говорят о том, что плохо спят, бывают раздражительными, полагают, что у них нет надежд на будущее, чувствуют себя скованными.

Таблица 5. Психологические характеристики (2010 г., в % от числа опрошенных)

Психологическая установка	Женщины		Мужчины		Область
	села	города	села	города	
Люблю общаться и работать с людьми	72,7	85,8	73,7	77,2	79,4
Препятствия укрепляют меня	48,3	70,9	60,1	69,3	65,3
Умею настоять на принятом решении	51,7	64,0	56,6	64,8	61,3
Чувствую, что живу неполной жизнью	36,8	48,9	39,9	41,4	43,4
Люблю брать на себя ответственность	33,1	44,7	48,8	32,8	42,5
Часто бываю раздражительной(ым)	47,5	39,6	47,5	33,9	40,1
Мечтаю иметь собственное дело	24,0	38,7	30,3	52,7	39,6
Часто плохо сплю	47,9	38,9	43,9	30,3	38,3
Часто чувствую подавленность	45,9	34,3	37,4	27,1	34,3
Чувствую себя скованной(ым)	33,9	26,7	35,4	26,4	28,9
У меня нет надежд на будущее	31,0	17,4	24,7	13,0	19,2
Примечание: Опрошено 1500 человек. Из них женщин села – 242, женщин города – 591, мужчин села – 198, мужчин города – 469.					

При этом значительно в меньшей степени, чем городские женщины, они осознают, что живут неполной жизнью (37% против 49). Для сельских жительниц такая жизнь является привычной, многие их них не обладают необходимыми ресурсами для того, чтобы её изменить.

Улучшению психологического состояния сельских женщин не способствуют и те возможности для отдыха, которые им доступны. Так, доля тех, кто нигде не отдыхал за последние два года, среди них достигает 70%, что в 2,2 раза выше, чем среди женщин города, и в 1,6 раза выше, чем в среднем по области *(табл. 6)*. Соответственно, в их семьях отмечена наименьшая доля тех, чей отдых был организованным или связанным с выездом за пределы области: 18% против 40 среди городских женщин и 35% в целом по области. Практически недоступным для них является и выезд за границу: 4% против соответственно 14 и 12%.

Таблица 6. Место отдыха для себя или членов семьи в течение 2-х последних лет (2011 г., в % от числа опрошенных)

Место отдыха	Женщины		Мужчины		Область
	села	города	села	города	
Нигде не отдыхали	70,1	32,0	62,9	29,6	44,6
Отдых за городом, в деревне	23,0	50,6	25,8	52,2	41,1
Пляжный отдых в Турции, Египте, Тунисе, Болгарии, Таиланде, Хорватии, Черногории и т. п.	3,3	11,4	4,3	15,2	9,5
Отдых «дикарями» на территории России и стран СНГ	3,3	8,5	6,4	11,7	7,9
База отдыха, туристическая поездка внутри области (Великий Устюг, Тотьма, Кириллов и др.)	5,1	6,4	7,9	6,5	6,4
Отдых в санаториях и пансионатах России и стран СНГ	2,3	5,9	2,7	5,3	4,5
Детский лагерь на территории области, России или стран СНГ	2,3	4,6	3,0	4,8	3,9
Отдых в Европе или в экзотических странах	0,8	2,3	0,3	5,4	2,4
Примечание: Опрошено 1900 человек. Из них женщин села – 391, женщин города – 674, мужчин села – 329, мужчин города – 506.					

Сельские женщины более других осознают необходимость создания рабочих мест для улучшения жизни населения (49% против 36 среди женщин города и 41% в среднем по области; *табл. 7*). На второй позиции для них находится улучшение медицинского обслуживания (41%) в отличие от городских женщин, для которых проблемы здравоохранения являются самыми актуальными (45%).

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос: «Для улучшения жизни населения необходимо…» (2010 г., в % от числа опрошенных)

Мероприятия	Женщины		Мужчины		Область
	села	города	села	города	
Создавать рабочие места	48,7	36,4	43,6	38,2	40,6
Улучшать медобслуживание	41,2	45,4	30,9	28,9	37,5
Соблюдать правопорядок, бороться с криминалом, коррупцией	21,4	30,6	19,1	33,1	27,6
Решительнее отстаивать интересы региона на федеральном уровне	20,8	18,6	29,7	15,2	19,8
Усилить госконтроль за экономической деятельностью	19,8	24,7	20,8	25,4	23,3
Развивать малый бизнес	17,5	19,9	17,8	26,1	20,9
«Оздоровить» природу	17,2	29,0	16,1	21,7	22,5
Улучшить систему образования	16,9	11,4	8,9	10,7	11,9
Строить новые дороги	16,9	12,3	24,2	16,6	16,3
Затрудняюсь ответить	19,1	8,7	18,7	12,4	13,5
Примечание: Опрошено 1500 человек, из них женщин села – 308, женщин города – 527, мужчин села – 236, мужчин города – 429.					

Следующими по значимости для сельских женщин выступают мероприятия со стороны органов власти по улучшению ситуации в селе (их отмечает примерно каждая пятая). Это соблюдение правопорядка, решительное отстаивание интересов региона на федеральном уровне, усиление государственного контроля за экономической деятельностью.

Примечательно, что почти каждый пятый житель села (как женщины, так и мужчины) зачастую не имеет определённого суждения о том, что могло бы изменить жизнь к лучшему (в среднем по области доля таковых почти в полтора раза ниже). Во многом это связано с негативным опытом реформ, приведшим к обострению социальных проблем в селе.

Таким образом, для улучшения положения женщин в селе, качества человеческого потенциала необходимо совершенствовать инфраструктуру села, решать жилищные проблемы, особенно молодых семей и семей с детьми, создавать рабочие места, повышать уровень заработной платы работников сельского хозяйства и бюджетной сферы. Предлагаемые в докладе ФАО меры политического воздействия, способные предотвратить гендерный разрыв, во многом актуальны и для России. К числу приоритетных областей реформ они относят инвестирование трудосберегающих и интенсивных технологий и инфраструктуры для того, чтобы высвободить время женщин для более производительной деятельности; а также содействие участию женщин на гибких, эффективных и справедливых сельских рынках труда [3].

Меры по повышению уровня жизни в селе обсуждались на Всероссийском форуме сельской интеллигенции, состоявшемся 15 ноября 2011 года в Белгородской области. По словам выступившего на форуме В.В. Путина, совершенствование социальной инфраструктуры села должно стать общей задачей государства и бизнеса, речь идёт об инвестициях в человеческий капитал, о формировании нового уклада жизни в сельской местности[1]. Председатель Правительства РФ выразил уверенность, что предприниматели понимают необходимость такой работы, и отметил, что в последние годы в сельской местности появилось много успешных предприятий, ставящих перед собой долгосрочные цели развития: «всё чаще и чаще в сельской местности появляются предприятия,

[1] Стенограмма выступления Председателя Правительства России В.В. Путина на пленарном заседании Всероссийского форума сельской интеллигенции. URL: http://premier.gov.ru/events/news/17112/

конкурентоспособные даже на международных рынках, даже удивительно, как всё быстро это происходит, и это залог развития российского села».

Литература

1. Великий П.П. Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи // Социологические исследования. 2008. № 7. С. 101–108.
2. Калабихина И. Гендерный фактор воспроизводства человеческого капитала // Вестник МГУ. 1998. № 5. С. 65.
3. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства 2010–2011. URL: http://www.fao.org
4. Силласте Г. Изменения социальной мобильности и экономического поведения женщин // Социологические исследования. 1997. № 12. С. 112–120.
5. Силласте Г.Г. Социальная дискриминация женщин как предмет социологического анализа // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 25–34.
6. Социальное развитие села Вологодской области на 2009–2012 г. URL: http://www.protown.ru/russia (дата обращения: 18.04.2012).
7. Фадеева О.П. Женщины в сельской семье: изменение экономических ролей // Народонаселение Сибири в 3-м тысячелетии. Новосибирск: ЦЭРИС, 2004. С. 82–87.
8. Эрдыниева Л.М. Социальный статус сельской женщины в современном российском обществе (на материалах республики Бурятия). URL: http://www.scholar.ru/speciality.php?page=14&spec_id=94 (дата обращения: 18.04.2012).

4.3. Гражданская активность на селе: возможности развития

В современном мировом сообществе происходит демократизация всех сфер общественной жизни: политической, экономической и социальной. Одной из важных форм управления становится развитие институтов гражданского общества, вовлечение населения в решение проблем местного, регионального и федерального уровней. Повышение интенсивности урбанизационных процессов требует поисков новых форм управления, позволяющих сохранять и развивать сельские сообщества и сельскохозяйственные производства.

В развитых европейских странах самое пристальное внимание государство уделяет развитию социальной активности населения, вовлечению его в процессы управления и развития сельскохозяйственного производства.

Например, в государственной политике Норвегии в течение многих лет (с конца 1990-х) стратегические направления развития села основывались на поддержке и активизации деятельности сельских движений, опираясь на то, что сельское развитие зависит, главным образом, от вовлеченности и активности местного населения. Исследования показали, что многие муниципалитеты в Норвегии активно привлекают местное население к разработке и реализации сельских проектов [15]. Такая политика дает возможность объединять людей, поддерживать сельское сообщество живым и активным.

Шабунова А.А. Гражданская активность на селе: возможности развития // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 7–17.

Одним из подходов, применяемых странами Европейского Союза для сельского развития, стала программа «Лидер». Она предполагает создание местных инициативных групп из представителей власти, бизнеса и общественных организаций (местного населения) для разработки и реализации с помощью местного населения проектов, направленных на повышение качества жизни. Основная цель программы – переориентация сельского развития с экзогенного на эндогенный подход для активизации скрытых возможностей сельской местности и наращивания инвестиций в местный социальный капитал [12].

В Финляндии деревни воспринимаются не только как место для жизни и ведения бизнеса, но и как особое социокультурное и личностно значимое пространство. Созданная национальная программа ПОМО [13], аналогичная проекту «Лидер» Евросоюза, способствовала значительной активизации развития гражданского общества. К середине 2000-х годов в разных районах страны работало 58-60 местных активных групп, призванных интенсифицировать и расширять масштабы взаимодействия местных жителей, локальных сообществ, предпринимателей и муниципальных властей. Среди основных факторов успешности проекта финские ученые выделяют распространенность сетевого подхода в политике сельского развития и развитое гражданское общество. Программа является своего рода «бриллиантом в короне финской сельской политики» [16].

В Исландии же важным инструментом сотрудничества на местном уровне являются Ассоциации местных властей Исландии. Гражданское общество играет лишь незначительную роль в сельском развитии страны. В отличие от других северных стран, этот сектор в Исландии очень молодой. На местном уровне существуют общественные организации, но их активность сильно отличается от таковых в Финляндии [6].

В то же время, несмотря на политику сохранения сети расселения и развитие гражданского общества, в европейских государствах все сильнее проявляются процессы глобализации и централизации, основной причиной которых является отток молодежи из периферийных в центральные и урбанизированные зоны.

Поэтому в числе стратегических направлений социально-экономического развития остаются создание условий для занятости населения, творческое использование местных ресурсов на периферийных территориях, а также создание единых условий жизни, как в городе, так и в деревне.

В России в связи с бурными процессами общественного реформирования в 1990-х годах развитие гражданского общества началось значительно позже, чем в европейских государствах. Особенно медленно проходит оно в сельской местности, хотя значение социальных связей, общественных институтов в российском селе вряд ли можно переоценить. Издавна соседская помощь односельчанам, оказавшимся в трудном положении, занимавшая почетное место в общественной жизни деревни, регулировалась целой системой норм поведения. Частично такая помощь проходила через институт общины [7, с. 283]. В российском селе «мнение семьи, родственников за пределами семьи, близлежащих соседей, селения в целом и комплекса близлежащих деревень – все это были регуляторы поведения, оказывающие непосредственное воздействие на формирование и сохранение этических воззрений и соблюдение этических норм» [3]. При всей значимости перемен ушедшего столетия указанное положение дел в значительной мере продолжает сохраняться и в современной российской деревне.

Целью представляемой работы стал анализ наиболее важных специфических черт формирования гражданской активности в сельской России, сочетающих в себе глобальные и национальные особенности и тенденции.

Происходящие в настоящее время изменения внешних условий жизни и среды обитания сельской семьи и домохозяйства, ведут к изменениям в системе сельского расселения и территориальной организации сельского общества.

Для большинства регионов России, том числе и даже в большей степени для Вологодской области, характерна тенденция нарастания дисперсности сельского расселения. Растет число незаселенных деревень, снижается плотность населения *(табл. 1)*, что требует усилий по сохранению каркаса сельского расселения.

Таблица 1. Число населенных пунктов по данным переписей населения 2002 и 2010 гг.

Территория	Города		Сельские населенные пункты		В том числе без населения	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Российская Федерация	1098	1100	155289	153124	13086	19416
Вологодская область	15	15	8041	8006	1625	2131
Источники: Итоги Всероссийской переписи населения 2002. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=13; Итоги Всероссийской переписи населения 2010. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm						

Кроме того, все ярче проявляются еще две тенденции, связанные с изменением демографической структуры сельчан: старение населения (увеличение доли жителей в возрасте 60 лет и старше) и нарастание гендерной диспропорции в структуре населения.

Таблица 2. Изменение доли населения старше 60 лет в территориальном разрезе за период с 1990 по 2015 год, %

Территория		Год							
		1990	1991	2000	2005	2013	2014	2015	2015 к 1990,%
Российская Федерация	все население	15,8	16,2	18,3	17,4	19,0	19,3	19,9	125,9
	городское население	14,6	15,0	17,3	16,8	18,9	19,3	19,8	135,6
	сельское население	18,9	19,4	20,8	19,1	19,2	19,6	20,2	106,9
Северо-Западный Федеральный округ	все население	15,2	15,6	18,7	17,8	20,0	20,3	20,8	136,8
	городское население	14,3	14,7	17,8	17,2	19,8	20,1	20,5	143,4
	сельское население	19,4	19,9	22,4	20,4	21,2	21,8	22,5	116,0
Вологодская область	все население	17,3	17,8	19,5	18,1	19,2	19,6	20,2	116,8
	городское население	14,3	14,8	16,7	15,9	17,8	18,2	18,7	130,8
	сельское население	22,9	23,6	25,8	22,9	22,7	23,3	24,2	105,7
Источник: Данные Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС)]. URL: https://www.fedstat.ru									

Между возрастными структурами городского и сельского населения России имеются заметные различия, особенно в высоко урбанизированных регионах. Доля сельского населения в России составляет 26% (в Вологодской области 28%). Миграционный отток молодежи и лиц трудоспособного возраста из сельской местности, более высокий уровень смертности, особенно среди мужчин, отразились на половозрастных структурах городского и сельского населения. В сельской местности больше удельный вес детей (19 в сравнении с 16 в городах), но выше и доля пожилых людей, а также очень велик дефицит трудоспособного населения в возрастах 25–40 лет. В возрасте 60+ среди сельчан преобладают женщины. Старение населения увеличивает демографическую нагрузку на работающее население.

Кроме того, по оценкам экспертов увеличение продолжительности жизни и снижение рождаемости трансформирует семейно-родственную структуру [2]. Преобладающими стали вертикальные семейные связи, что с одной стороны существенно снижает возможности родственной поддержки для пожилых членов семьи, особенно на селе. С другой стороны, для средних поколений возникновение 4-этажного родства означает увеличение нагрузки по поддержке пожилых родителей. Раньше, при 3-поколенных родственных связях, 30–40-летние содержали свои семьи, а также помогали стареющим родителям. Теперь 50–60-летние помогают своим детям и внукам, что было и раньше, и ухаживают за своими престарелым родителями [4] , чего раньше не было.

К данным проблемам мы уже обращались на страницах этого журнала [11], акцентируя внимание читателей на то, что основным негативным последствием данных тенденций является угроза национальной безопасности и территориальной целостности страны. Указывали на необходимость учета демографических тенденций при стратегическом планировании развития России и ее регионов.

Сокращение демографического поля усугубляется рядом социокультурных тенденций. Сужение радиуса доверия оказывает ограничивающее влияние на развитие всех форм самоорга-

низации. В свою очередь низкий уровень участия сельчан в общественно-политической жизни не может обеспечить реализацию их стремлений и пожеланий.

Уровень доверия населения к социальным и политическим институтам, к власти отражается на социальной активности. В современной России наблюдается тенденция атомизации общества, т. е. сосредоточения круга интересов, доверия на себе, своей семье и ближайшем окружении. Доверие и доверительные отношения распространяются только на узкие семейно-родственные, соседские и дружеские круги. По оценкам экспертов, «... основной преградой на пути повышения роли социальной активности становится ощущение, что в обществе не так много людей, которым можно доверять, которые могут действовать бескорыстно исходя из общего интереса, подозрение в инструментализме и прагматизме, на первый взгляд, укладывается в тенденцию перекладывания ответственности на государство» [9].

Общее представление об уровне социальной активности жителей позволяют дать результаты социологического исследования[1]. В 2015 году большинство жителей районов Вологодской области (60%, *табл. 3*) ответило, что доверяет только своему ближайшему окружению заметно выше, чем в крупных городах (58%). Очевидно, это обусловлено тем, что на селе люди имеют небольшой по радиусу круг отношений. Поэтому большинство возникающих взаимосвязей имеют личностную окраску, которая основана на достаточно высокой ответственности их участников. Кроме того, в деревне высок уровень социального контроля,

[1] Опросы проводятся 6 раз в год по четным месяцам. Всего опрашивается 1500 респондентов в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий:

– пропорций между городским и сельским населением;

– пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города);

– половозрастной структуры взрослого населения области.

Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

и люди часто ведут образ жизни в соответствии со сложившимися в данной местности правилами. Не исключено при этом, что, оказавшись в условиях города, значительная часть «доверяющих» граждан достаточно быстро утратила бы подобные установки [8].

Таблица 3. Кому Вы можете доверять?, % от числа ответивших на вопрос

Вариант ответа	Среднее по районам				Среднее по области			
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
В наше время никому нельзя доверять	24,1	33,8	31,4	28,3	24,8	28,7	28,8	25,0
Только самым близким друзьям и родственникам	57,4	50,3	51,9	60,0	56,6	54,0	55,3	59,1
Большинству знакомых мне людей можно доверять	15,7	13,8	11,5	9,0	16,1	15,6	12,6	13,4
Доверять нужно всем людям без исключения	2,9	2,1	5,2	2,7	2,5	1,6	3,2	2,6
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.								

Поскольку сельчане, проживая в отдаленных уголках страны, считают политику сферой, не касающейся их непосредственно, политика в иерархической структуре ценностей сельских жителей занимает последнее место: важность этой сферы отмечают 15,8% сельчан в России [5]. Созвучно с этими представлениями формируется и степень доверия к общественным и политическим институтам. Общественным организациям (в целом) доверяют не более 15–23% жителей районов Вологодской области *(табл. 4)*.

Несмотря на невысокую общественную активность, сельчане имеют значительную востребованность участия в общественно значимых, признанных в народе мероприятиях, что говорит о незадействованном потенциале сельского населения и о возможностях развития гражданской активности на селе.

Таблица 4. Динамика уровня доверия общественным структурам и институтам власти, % от числа опрошенных

Общественные структуры и институты власти	Среднее по районам					Среднее по области				
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Президенту РФ	43,2	32,9	37,5	52,0	51,4	50,5	45,7	47,0	55,3	60,6
Правительству РФ	40,0	31,0	34,4	44,8	41,4	47,4	39,6	40,4	47,4	49,4
Церкви	41,1	32,0	36,7	38,1	32,6	47,5	41,4	43,9	45,5	43,7
Прокуратуре	30,6	26,9	35,6	28,9	31,7	35,4	33,9	40,1	39,4	40,9
Суду	31,1	30,8	33,8	28,7	32,7	35,8	36,1	39,3	38,3	40,5
Полиции	27,3	22,7	28,0	29,9	32,6	32,1	29,3	33,7	35,7	40,2
Руководству области	27,8	23,8	29,7	31,1	28,0	36,6	34,6	37,8	36,8	36,9
Органам местного самоуправления	25,5	19,6	25,9	28,8	27,5	33,9	29,3	32,7	34,8	34,5
Государственной думе	25,3	26,6	28,3	31,2	24,3	32,0	30,5	31,6	36,3	34,0
СМИ	22,9	26,0	27,4	22,7	16,9	28,7	29,5	30,2	29,7	26,6
Профсоюзам	24,1	21,7	24,2	20,2	18,8	30,0	25,6	27,8	27,7	26,5
Общественным организациям (в целом)	21,0	20,6	23,1	20,4	15,2	26,7	26,5	26,8	26,7	23,8
Политическим партиям	17,2	16,6	19,2	17,9	12,2	22,8	20,9	20,4	21,4	17,0
Банковским, предпринимательским кругам	17,2	20,7	23,4	17,1	13,7	20,4	21,3	23,4	19,9	16,5
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.										

Сегодня одним из главных элементов развития гражданского общества выступает поддержка социальных инициатив граждан. От готовности людей участвовать в общественной жизни территории, на которой они проживают и работают, во многом зависят эффективность решения актуальных социальных проблем территориального сообщества, действенность органов местного самоуправления.

Однако значительная часть сельских жителей достаточно консервативна, с недоверием относится к переменам, которые инициированы государством. Исследования Высшей школы экономики показывают, что среди сельских жителей преобладает «неопределенно-мечтательная» мотивация, которая выражается в пассивности, мечтательности, минимизации потребностей и усилий. Всего 5% говорили о желании активно участвовать в социальной и экономической жизни села, но, прогнозируя негативную реакцию соседей, вскоре отказались от этой затеи [10].

Сельские жители не менее горожан заинтересованы в решении насущных проблем, хотят иметь возможность довести свою точку зрения до органов власти, однако, по оценкам экспертов, около трети населения России остаются неуслышанными [1]. Это во многом объясняется низким уровнем общей и политической культуры, осведомленности; недостаточным уровнем развития каналов обратной связи, обеспечивающих взаимодействие населения с органами власти.

Формы проявления социальной активности могут носить как институциональный (членство в организациях), так и локальный характер (участие граждан в тех или иных социально значимых для территории мероприятиях). В значительной степени участие граждан в таких мероприятиях зависит от ряда условий, среди которых определяющее место занимают информированность и сформированная осознанная мотивация социального участия.

Жители районов Вологодской области мало информированы о деятельности общественных и политических организаций (только треть из них лично сталкивались или что-то слышали об общественных и политических организациях и их деятельности, *табл. 5*). Это формирует апатию и негативное отношение к общественным институтам.

Низкий уровень значимости политической сферы в жизни населения иллюстрирует и его некомпетентность в некоторых вопросах. Например, более половины опрошенных в Вологодской области заявляют, что принимали участие в выборах в

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Знаете ли Вы о деятельности в Вологодской области некоммерческих (общественных) организаций (региональных отделений партий, профсоюзов, религиозных, правозащитных, благотворительных организаций, обществ и т. д.)?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Среднее по районам				Среднее по области			
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Лично сталкивался, определенно знаю	5,7	10,6	3,3	3,1	8,1	12,7	7,1	8,2
Что-то слышал	37,2	37,6	37,1	26,3	39,7	34,7	35,9	34,3
Ничего не знаю	37,1	32,4	31,9	39,7	34,0	33,6	35,5	36,3
Затрудняюсь ответить	20,0	19,4	27,6	30,8	18,2	19,0	21,5	21,2
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.								

предыдущем году (невзирая на то, проводились ли выборы), что определяет и участие в выборах как наиболее значимое и запоминающееся действие. Эта тенденция характерна и для России в целом [5].

Нельзя не отметить увеличение популярности среди вологжан участия в субботниках и в коллективном благоустройстве территории *(табл. 6)*. Это иллюстрирует востребованность участия в общественно значимых, признанных мероприятиях, действовать «за компанию».

Низкая заинтересованность сельчан в участии в политической и общественной жизни, возможно, обусловлена их уверенностью в том, что они не могут повлиять на принятие важных решений ни на государственном, ни на республиканском, ни на областном, ни даже на районном уровнях. В то же время в том, что на состояние дел в семье, на работе или в своем дворе можно повлиять, уверены соответственно 71, 30 и 38% жителей районов *(табл. 7)*.

Среди основных препятствий жители районов Вологодской области также отмечают неверие в возможность оказывать влияние на решения властей (15%), недостаток знаний (13%), привычку надеяться на готовое (13%). В то же время для сельчан в меньшей степени характерно безразличие к общим делам *(табл. 8)*.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «В каких мероприятиях общественной и политической жизни Вам приходилось участвовать в прошлом году?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Среднее по районам				Среднее по области			
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Выборы	76,6	60,7	54,4	44,8	68,3	64,9	41,4	47,7
Коллективное благоустройство, субботники	11,2	10,5	16,9	17,3	12,1	15,5	17,1	19,1
Сбор пожертвований, средств, вещей для нуждающихся	6,1	2,8	9,9	9,0	6,9	6,3	9,9	10,7
Работа ТСЖ, домового комитета (КТОС), совета дома, совета самоуправления	2,7	4,0	4,2	4,1	6,1	6,9	8,2	10,6
Деятельность профсоюзных организаций	2,2	1,9	1,4	2,4	2,7	3,8	3,5	3,8
Деятельность общественных организаций	3,5	1,6	1,5	1,5	4,2	2,7	3,5	2,7
Ни в чем подобном не участвовал	15,4	36,5	38,1	44,6	20,6	29,0	43,7	36,6
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.								

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел..?» (вариант ответа «да»), % от числа опрошенных

Вариант ответа	Среднее по районам				Среднее по области			
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
В Вашей семье	71,3	71,0	72,4	71,0	77,1	76,9	77,5	75,7
У Вас на работе	45,2	36,4	34,7	29,6	50,7	42,9	40,9	37,5
В Вашем доме, дворе, где Вы живете	36,8	33,3	33,3	37,6	35,6	34,5	33,5	35,1
В Вашем городе, районе	10,4	4,6	10,4	4,6	12,3	7,1	9,4	7,1
В нашей области	6,8	1,5	4,6	2,4	7,7	3,0	4,1	3,7
В стране в целом	6,5	1,3	4,2	1,5	6,6	2,5	3,7	3,3
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.								

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Какие препятствия Вы считаете главными для общественной активности и проявления людьми своей гражданской позиции?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Среднее по районам				Среднее по области			
	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	15,4	22,3	14,0	15,6	24,3	27,2	22,7	21,0
Недостаток знаний, некомпетентность	12,1	16,3	13,8	13,2	15,2	19,1	15,9	15,4
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	19,7	16,3	20,1	13,1	19,1	22,0	21,9	19,5
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	11,7	18,9	16,0	11,8	15,9	19,9	19,7	11,8
Недостаток времени, чрезмерная занятость	8,6	10,8	10,0	11,0	12,3	15,5	15,0	14,4
Безразличие к общим делам, индивидуализм	17,1	21,2	22,9	10,7	26,2	24,1	23,5	19,6
Отсутствие способности к организации	8,1	9,6	9,9	7,2	8,3	11,1	10,7	9,5
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	6,9	7,4	4,6	5,1	6,7	9,4	7,4	6,5
Источник: Мониторинг общественного мнения ИСЭРТ РАН.								

Структура ценностей сельских жителей в целом стабильна. На первом месте – здоровье и материальная обеспеченность – как мерила возможностей удовлетворения основных потребностей и достижения целей, не связанных с материальными ценностями: получение образования, отдых, лечение.

Нельзя не отметить, что ценность продуктивной жизни у сельчан существенно выше, чем по области в целом или у горожан, что говорит о желании быть востребованным и полезным, видеть результат своих усилий. 60% жителей районов Вологодской

области считают «активную деятельную жизнь» важной ценностью (сумма ответов «важно» и «очень важно»). Однако 85% из них не являются членами ни одной общественной организации. То есть население сельских территорий обладает скрытым потенциалом активности, но не реализует его в полной мере.

Проблема развития механизмов гражданского участия стоит очень остро особенно на уровне сельских поселений, где представлено незначительное количество НКО, население слабо информировано о существующих формах участия в общественно-политической жизни и реализуемых социальных проектах, недостаточен кадровый потенциал «активистов».

Для развития общественной активности, в том числе и в сельской местности, представляется важным и своевременным:

– Расширение возможностей использования широкополосного Интернета. Международные эксперты отмечают, что распространение доступа к широкополосному Интернету способствовало ускорению экономического и социального развития сельских поселений. В 2009 году администрация Президента в США, признавая, что ИКТ играют решающую роль в расширении бизнеса и возможностей образования, а также повышения конкурентоспособности малых городов и сельских поселений, приняла решение выделить $ 6 млрд для осуществления масштабного интернет-проекта в сельских территориях страны [14], что способствовало повышению информированности и активности сельских жителей.

– Образование граждан. Развитие системы правового просвещения населения, его информирование о возможностях участия в решении вопросов местного значения, обеспечение граждан необходимыми методическими рекомендациями и постоянными консультациями.

– Воспитание граждан. Через СМИ и образовательную деятельность, проведение акций, направленных на пропаганду ценностей гражданственности и социальной ответственности, информирование граждан об эффективных примерах социальной активности, культивирование положительных образов общественных деятелей, создание системы поощрения лучших обще-

ственников (в том числе – учреждение общественных наград и премий). На уровне муниципальных образований необходима разработка специальных программ, направленных на воспитание местного патриотизма, чувства сопричастности к жизни города, поселка.

– Разработка рекомендаций для муниципальных образований по созданию системы поддержки общественных инициатив. Включение показателей развития этой системы в национальную систему показателей эффективности работы муниципальных образований. Введение системы поощрения для муниципалитетов, наиболее эффективно работающих с общественностью.

– Подготовка глав муниципальных образований и муниципальных служащих по вопросам взаимодействия с общественностью и поддержки гражданских инициатив.

Литература

1. Бондаренко Е.О. К вопросу о развитии гражданского общества в сельской местности // Огарев-online. 2014. № 7 (21).
2. Гридасов Г.Н. Медико-социальные последствия демографического старения (на примере Самарской области) / Г.Н. Гридасов, М.Б. Денисенко, М.Л. Сиротко, Н.М. Калмыкова, С.А. Васин. Самара: ООО «Волга-Бизнес», 2011. 216 с.
3. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян Х1Х в. М. : Наука, 1986.
4. Денисенко М.Б. Тихая революция // Отечественные записки. 2005. Т. 23. № 3.
5. Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х – середина 2010-х гг.): Научное издание / под ред. Ж.Т. Тощенко. ЦСП и М, 2016. 367 с.
6. Никулин А.М., Троцук И.В., Копотева И.В. Северные территории Российской Федерации, Стран Европы и Америки: компаративистский анализ перспектив сельского развития. М., 2015.
7. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с.
8. Реутов Е.В., Тришина Т.В. Социальное доверие как ресурс муниципального управления // Белгородская городская агломерация

как субъект опережающего развития : сб. материалов науч.-практ. конф., Белгород, 2013 г. / ред. кол.: Ю.В. Астахов и др. Белгород, 2014. Т. 1. С. 200–207.

9. Стрaдзе А.Э. Социальная активность в российском обществе: аксиологический аспект // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4 (20).
10. Хасимова З. Интервью о психологии сельских жителей // Эксперт. 2012. № 38 (344). URL: http://expert.ru/expert/2002/38/38exefco_35931
11. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2.
12. Hyyryläinen T. Governance of local empowerment in Finnish rural policy: Collaboration between policy, development and research : discussion paper / Employment Policy Research Center. EPRC. Hirosaki University, Japan. 2010. № 4.
13. Hyyryläinen T. Structural and functional changes in Finnish rural policy system / European Society for Rural Sociology XXI Congress, Keszhely, Hungary. 22.08.2005.
14. Jian-Chuan Zhang, Ying Qin Impact of Internet Useon Civic Engagement in Chinese Rural Areas: A Preliminary Research. Available at: http://www.irma-international.org/viewtitle/63376
15. Teknologisk Institut: Landdistriktspuljen 1994-99. Evaluering foretaget af Teknologisk Institut Erhvervsanalyser. Indenrigsministeriet, 1999; Teknologisk Institut: Evaluering af kommuners og amters.
16. Walls H. Finnish local action group work – experience from the field // Finnish Journal of Rural Research and Policy. 2009. № 2. Pp. 95–98.

Глава V. Оценка эффективности демографической политики глазами россиян

5.1. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости в России

Депопуляция в России придала демографическим вопросам стратегический характер. Несмотря на заметные позитивные результаты последних 15 лет, демографические перспективы страны остаются весьма неоднозначными. Согласно прогнозу Росстата к 2025 г. смертность вновь превысит рождаемость. Каковы причины сложившейся ситуации, можно ли и как на нее повлиять – эти вопросы стоят не только перед научным сообществом, но и перед государством.

Анализ тенденций и причин сложившейся ситуации требует достоверных источников информации и соответствующего методологического аппарата. В исследовании используются статистические данные и социологических исследований, проводимых ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области в мониторинговом режиме. Для оценки происходящих изменений рождаемости с точки зрения оценки вклада структурного и поведенческого фактора применялся индексный метод. Для оценки биологического потенциала рождаемости использовался метод расчета гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) В.А. Борисова [1]. Он дает возможность рассчитать через степень реализации гипотетического минимума естественной рождаемости уровень её намеренного ограничения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ, проект №14-18-03120.

Статья подготовлена в соавторстве с О.Н. Калачиковой.

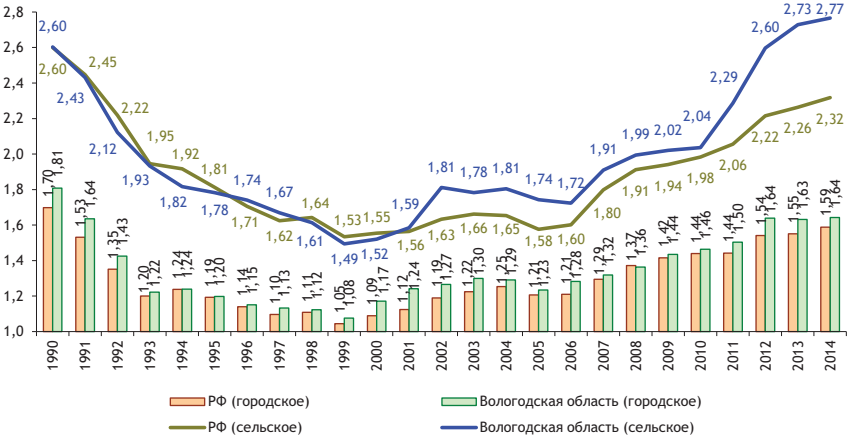
Демографический потенциал и стимулирование рождаемости. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. // Народонаселение. 2016. № 4 (74). С. 47–56.

Тенденции демографических процессов в 21 веке

За последнюю четверть века численность постоянного населения России сократилась почти на 4 млн. человек. Однако в последние пять лет ситуация меняется в лучшую сторону. Число родившихся детей превышает число умерших, число приехавших больше числа покинувших страну. Общий коэффициент рождаемости в России демонстрировал уверенный рост с 2000 до 2012 г. (с 8,3 до 13,3‰), в 2013 г. показал снижение до 13,2‰, с 2014 г. зафиксировался на 13,3 ‰.

Рост суммарного коэффициента рождаемости (СКР) свидетельствует об интенсивной реализации запланированных рождений. Причем в сельской местности СКР почти достиг формальной многодетности -2,8 *(рис. 1)*. Существенно менее активный рост детности в городах.

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости сельского и городского населения России и Вологодской области в 1990–2014 гг. (число родившихся на 1 тыс. чел. населения)



Источник: Центральная база статистических данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cbsd.gks.ru

Нетто-коэффициент воспроизводства населения к 2014 г. достиг 83 процентов замещения материнского поколения дочерним. Однако режим воспроизводства населения остается суженным,

несмотря на весьма заметный рост этого показателя с начала 2000-х годов.

Насколько длительны позитивные тенденции? Демографические прогнозы предсказывают неблагоприятные перспективы. В этой связи важно оценить резервы повышения рождаемости. Оценки резервов рождаемости базируются на данных о рождаемости населения, не практикующего контрацепцию, по ним определяются биологические стандарты повозрастных коэффициентов рождаемости и возможный минимум ее уровня. Расчет индекса гипотетического минимума естественной рождаемости (ГМЕР) в России (и в Вологодской области) свидетельствует о наличии значительных резервов. Как видно из *таблицы 1* ГМЕР за межпереписной период (с 1989 г. по 2010 г.) снизился с 48,7 до 38,6‰. Это свидетельствует о сокращении численности когорт женщин в репродуктивном возрасте. Соотношение индекса

Таблица 1. Общие коэффициенты рождаемости, гипотетический минимум естественной рождаемости и степень реализации ГМЕР

Годы	Россия			Вологодская область*		
	Общий коэффициент рождаемости	ГМЕР	Реализация ГМЕР, %	Общий коэффициент рождаемости	ГМЕР	Реализация ГМЕР, %
	в промилле			в промилле		
1897	49,9	47,7	104,7	н.д.	н.д.	н.д.
1927	46,0	50,2	91,6	н.д.	45,2	н.д.
1939	37,0	51,4	72,0	н.д.	42,8	н.д.
1959	23,9	49,2	48,6	н.д.	46,1	н.д.
1970	14,4	47,2	30,6	12,8	43,1	29,7
1979	15,9	47,6	33,4	16,2	42,8	37,8
1989	15,3	48,7	31,5	14,9	47,7	31,2
2002**	9,7	39,3	24,7	10,1	38,2	26,5
2010**	12,5	38,6	32,4	12,5	37,9	33,0

* По данным Вологдастата.

** По данным переписей населения 2002, 2010 гг. URL: http://www.perepis2002.ru/index.html?id=9, http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm

Источники: [1, с. 204], оперативные данные Росстата о естественном движении населения URL: http://www.gks.ru; расчеты автора.

ГМЕР и общего коэффициента рождаемости показывает уровень реализации естественной рождаемости. Она за тот же период несколько увеличилась – с 31,5 до 32,4%.

В рассмотренный период индекс ГМЕР снижается, свидетельствуя об ухудшении возрастной и брачной структуры населения. На фоне *распространения практики внутрисемейного контроля* рождаемости, убывания потребности в детях, это актуализирует исследования репродуктивного поведения и способов воздействия на него.

Мониторинг репродуктивного потенциала населения в Вологодской области, начиная с 2005 г. позволяет фиксировать предпочитаемые числа детей, условия реализации репродуктивных намерений [2].

Средние предпочитаемые числа детей показывают среднюю детность семей, которая при определенных условиях может быть достигнута. Результаты опроса жителей Вологодской области, как и итоги Российского обследования репродуктивных планов, свидетельствуют о том, что в обществе закрепилась и активно реализуется в повседневной жизни норма малодетности. Осознавая, что представления о детности не всегда совпадают с фактическим числом рождений, следует понимать их роль: до 50% рождаемость определяется репродуктивными планами семьи и личности [3, с. 60], которые довольно устойчивы на протяжении всей жизни [4, 5]. Предпочитаемые числа детей показывают условно вероятные границы повышения суммарного коэффициента рождаемости.

Идеальное число детей – то число детей в семье, которое было бы наилучшим вообще, для «идеальной» семьи. Особенность его оценки заключается в отстраненности от личных обстоятельств, это условный норматив, действующий в обществе. На начало исследования его среднее значение составляло 2,06, а к 2014 г. увеличилось до 2,12. На наш взгляд, это результат активной информационной политики, сформировавшей мнение о существовании и необходимости решения «демографической проблемы».

Проецируя на себя, свои личные предпочтения, респондент говорит о том, сколько детей он хотел бы иметь при всех благоприятных условиях. Желаемое число детей – это проекция потребности в детях. Для ее удовлетворения населению достаточно,

в среднем, двоих детей. С точки зрения обеспечения воспроизводства населения, это режим простого замещения поколений, но его динамика неблагоприятна (среднее желаемое число детей сократилось с 2,2 в 2005 г. до 2,02 в 2014).

Наиболее близок к значению коэффициента фертильности показатель ожидаемого числа детей. Это то число детей, которое люди реально планируют иметь, учитывая существующие условия [6]. Если условия жизни улучшаются, ожидаемое число может быть превышено. Например, после обращения Президента России Законодательному Собранию в 2006 году, произошел рост значений планируемой детности, люди ощутили внимание к проблемам семьи, способствовала оптимистичным настроениям и стабилизация социально-экономического положения в стране. В период 2005–2011 гг. среднее ожидаемое число детей увеличилось с 1,77 до 1,86, в 2014 г. показатель снизился до 1,81. Это может свидетельствовать о «затухании» эффекта мер демографической политики, введенных в период 2006–2012 гг.

В сельской местности размер семей традиционно более высок, чем в семьях горожан. Реализация потенциала сельских жителей – один из стратегических резервов повышения рождаемости. Однако в 2014 г. зафиксировано заметное снижение установок детности в сельской местности по сравнению с 2011 г.; средние предпочитаемые числа детей были меньше, чем у городских жителей *(табл. 2)*. Вероятно, это обусловлено «стиранием границ» между городом и селом в плане жизненных ценностей, притязаний к образу и уровню жизни [7, 8].

Главными препятствиями (как и способствующими условиями) увеличения рождаемости жители региона видят в проблеме материального положения и жилищную неустроенность. Вместе с тем, не смотря на ограниченную достоверность их ответов [9] следует отметить заметный рост значимости ценностного фактора: в 2005 г. только 8% населения области считали, что рождаемость ограничивается приоритетом карьеры, стремлением «пожить для себя» против 16% в 2014 г. *(табл. 3)*. На 94% увеличилась частота выбора такого фактора как «риск остаться без работы», что подчеркивает актуальность проблемы занятости женщин, совмещения трудовой деятельности и репродуктивной.

Таблица 2. Средние желаемое и ожидаемое число детей в Вологодской области

Год	г. Вологда и г. Череповец		Районы		В среднем	
	Желаемое	Ожидаемое	Желаемое	Ожидаемое	Желаемое	Ожидаемое
2005	2,13	1,77	2,22	1,78	2,20	1,77
2008	2,00	1,86	2,02	1,86	2,01	1,86
2011	1,99	1,70	2,17	2,02	2,08	1,86
2014	2,05	1,84	1,97	1,77	2,02	1,81
Источник: Мониторинг репродуктивного потенциала населения в Вологодской области.						

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, препятствует увеличению рождаемости в нашей стране?» (в % от числа опрошенных)

Факторы	Год			2014 г. к 2005 г., %	Ранг		
	2005	2011	2014		2005 г.	2011 г.	2014 г
Плохие жилищные и материальные условия большинства семей	68,3	70,0	70,7	103,5	*1*	*1*	*1*
Нестабильное экономическое положение	43,5	45,8	46,3	106,4	*2*	*2*	*2*
Риск остаться без работы	15,5	30,5	33,7	217,4	*3*	*3*	*3*
Приоритет карьеры, стремление «пожить для себя»	8,3	13,6	16,1	194,0	*6*	*5*	*4*
Заботы, связанные с уходом за детьми	12,2	15,1	12,7	104,1	*5*	*4*	*6*
Рождение неполноценного ребенка	12,5	13,4	13,3	106,4	*4*	*6*	*5*
Другое	0,6	0,5	0,4	66,7	*7*	*7*	*7*
Источник: Мониторинг репродуктивного потенциала населения в Вологодской области.							

Проведенное исследование свидетельствует о распространении малодетности. Увеличение рождаемости за счет роста доли многодетных семей потребует поиска и использования всех возможных ресурсов для формирования условий «перевыполнения» репродуктивных планов, что в первую очередь связано с влиянием на представление о семье и родительстве, их успешным совмещением с другими сферами жизни.

Оценка эффективности демографической политики

Положительный демографический тренд последних 15 лет был достигнут (или совпал?) благодаря позиции официальных властей. В 2006 г. Президентом России демография была определена приоритетной сферой [10]. Был намечен курс активной демографической политики, нацеленной на рост численности населения, рождаемости, снижение смертности трудоспособного населения, укрепление здоровья населения. В качестве целевого ориентира ряда важнейших концептуально-стратегических и программных документов Российской Федерации (Стратегии национальной безопасности РФ на период до 2020 года[1], Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года[2] и Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года[3]) выступает стабилизация и дальнейший рост численности населения страны.

Существует мнение, что повышение рождаемости, начавшееся в 2000 г. было обусловлено демографической волной. Прирост рождаемости мог быть обеспечен увеличением численности когорт женщин 15-49 лет и, особенно 20-34 лет. Действительно,

[1] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.scrf.gov.ru/documents/1/99.html

[2] Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. распор. Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/194365/

[3] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://base.garant.ru/191961/

в активный репродуктивный возраст вступили многочисленные когорты конца 1970-х-начала 1980-х гг. рождения. Но уже с 2004 г. численность женщин репродуктивного возраста начала снижаться *(табл. 4, рис. 2)*. В то же время, специальный коэффициент рождаемости начал увеличиваться. Т.е. прирост числа родившихся стал обеспечиваться за счет увеличения интенсивности рождений.

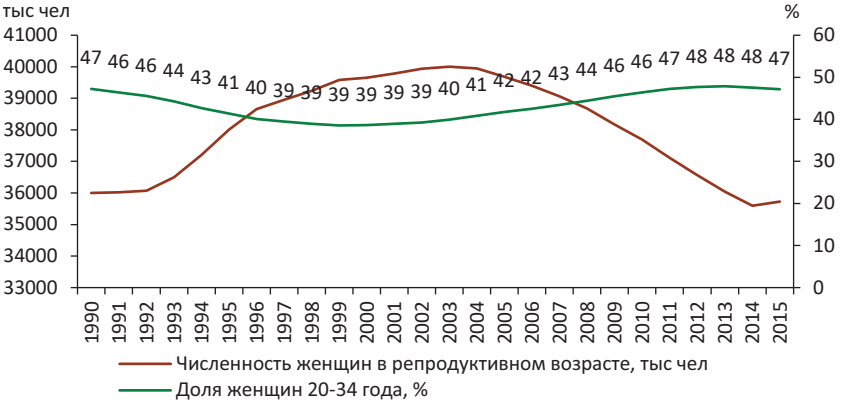
Таблица 4. Число родившихся, женщин в репродуктивном и активном репродуктивном возрасте, специальный коэффициент рождаемости, Россия

Показатель	Год						2015 к 1990, %	2015 к 2005, %
	1990	1995	2000	2005	2010	2015		
Число родившихся	1988858	1363806	1266800	1457376	1788948	1944000	97,7	133,4
Число женщин в репродуктивном возрасте	36004394	38004739	39649206	39680092	37690083	35730236	99,2	90,0
Число женщин в активном репродуктивном возрасте (20-34 года)	17012194	15714473	15312283	16571526	17480154	16838957	98,9	101,6
Специальный коэффициент рождаемости	55,2	35,9	32,0	36,7	47,5	54,4	98,5	148,1

Источник: Демографический ежегодник России, расчеты авторов.

Определенное влияние могло оказать распределение женщин внутри возрастного интервала 15-49 лет. Около 80% всех рождений обеспечивают женщины в возрасте 20-34 года. Увеличение доли этих когорт в структуре группы могло сыграть и сыграло значимую роль. Как видно из рисунка 5 на фоне общего снижения численности женщин 15-49 лет, доля 20-34-летних с начала двухтысячных годов росла с 39 до 48-47% и численность их снизилась незначительно.

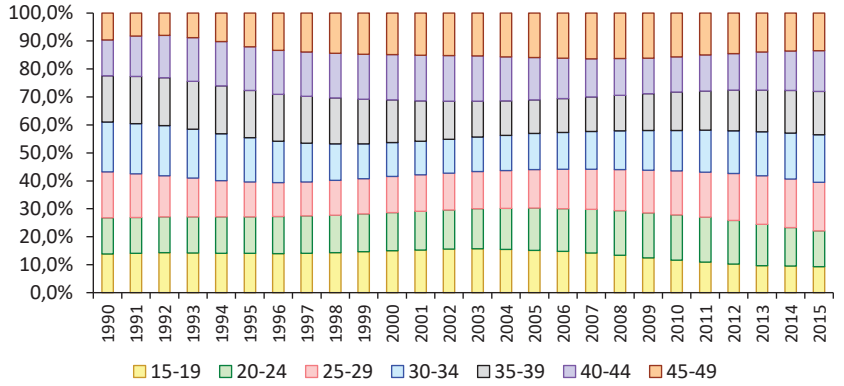
Рис. 2. Численность женщин репродуктивного возраста (тыс. человек) и доля в ней группы 20-34 летних женщин (%), Российская Федерация



Источники: Демографический ежегодник России, расчеты авторов.

Следует отметить, что распределение женщин внутри группы было достаточно благоприятным. Сокращение численности самых юных 15-19-летних и 20-24-летних женщин компенсировалось увеличением вклада вполне и даже наиболее репродуктивно активных 25-29-летних *(рис. 3)*.

Рис. 3. Структура женщин репродуктивного возраста по пятилетним возрастным группам (%), Российская Федерация



Источники: Демографический ежегодник России, расчеты авторов.

Расчеты индексным методом свидетельствуют о том, что повышение рождаемости населения России в 2006–2009 гг. на 78% обусловлено повышением ее интенсивности при активизации демографической политики [11, с. 72] и на 22% – за счет улучшения демографической структуры.

Аналогичные оценки индексным методом по Вологодской области [12] показывают, что увеличение общего коэффициента рождаемости в период с 2006 г. по 2011 г. на 19,3% (с 10,9‰ до 13,0‰) было достигнуто за счет:

– действительного увеличения рождаемости, т.е. за счет увеличения возрастных коэффициентов рождаемости – на 14,03%,

– некоторого улучшения структуры женщин внутри репродуктивного возраста – на 9,45%;

– снижения доли женщин репродуктивного возраста в общей численности населения – на 4,5%. При сохранении доли женщин репродуктивного возраста, общий коэффициент рождаемости мог бы увеличиться на 22%.

Таким образом, зафиксированный рост рождаемости в период активизации демографической политики действительно большей частью (на 74%) обусловлен увеличением интенсивности рождений.

В период 2011–2014 гг. ОКР в РФ вырос на 5,6% – с 12,6 до 13,3‰. Сохраняется положительное влияние распределения женщин внутри группы 15–49 лет. Динамика численности женщин в репродуктивном возрасте оказывает снижающее воздействие, распределение внутри группы и интенсивность рождений – повышающее. За счет сокращения численности женщин 15-49 лет ОКР снизился бы на 26%, но за счет изменения состава женщин репродуктивного возраста он увеличился на 59% и на 67% – за счет изменения интенсивности рождений.

В Вологодской области за этот период ОКР увеличился на 4,6% – с 13,0 до 13,6‰. Снижение за счет сокращения доли женщин 15-49 лет составило бы 36%, но за счет изменения состава женщин репродуктивного возраста он увеличился на 66% и на 68% – за счет изменения интенсивности рождений.

Действительно, россияне стали более интенсивно реализовывать свои репродуктивные планы, однако вмешательство со стороны государства в семейную жизнь приветствуется далеко не всеми. Каждый десятый житель региона полагает, что государство никак не должно влиять на рождение в семьях числа детей, 38%, напротив, считают, что семьи нужно заинтересовать, стимулировать к рождению детей. Чуть более половины респондентов (51%) высказались за политику поддержки.

Что касается значимости мер, то первое место фактически разделили пособие по беременности и родам (41%) и семейный капитал (40%). Для 38% вологжан важнее оказалось пособие по уходу за ребенком – единственный гарантированный доход матери в этот период.

Обе первые меры подразумевают получение «на руки» относительно крупной суммы, которая может быть направлена на решение «стратегических» для семьи задач (приобретение жилья, автомобиля, ремонт, выплата кредита). Следует отметить, что материнский капитал (429408 руб. в 2014 г.) большая часть (64%)[4] вологодских семей направила на получение или погашение ипотечных кредитов.

Процессы атомизации общества, проявляющиеся в повышении индивидуализма, сужении социального пространства человека до границ семьи отразились и в оценках населением последствий однодетности. Наиболее значимыми, по мнению жителей региона, являются психологические, имеющие отношение к конкретной семье. Молодых людей чуть в большей степени, чем старшие поколения волнует повышение вероятности разводов, одиночества своего и своих родителей. Это отражение их личных тревог: 77% молодых людей от 15 до 25 лет выросли в малодетных семьях (27% из них – единственные дети) [2].

Выводы и рекомендации

Биологический (естественная рождаемость) потенциал повышения рождаемости не исчерпан, но ограничивается демографическим поведением. Репродуктивное поведение относится к

[4] Пенсионный Фонд РФ: официальный сайт. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.pfrf.ru/ot_vologda/pr_releases/67542.html

малодетному типу с ориентацией на 1-2 детей и превалированием психологических репродуктивных мотивов. Помехи к рождению желаемых детей в основном находятся в зоне материально-бытовых проблем и «неуверенности в завтрашнем дне». Немаловажную роль играет страх потерять работу, что вскрывает целый комплекс проблем рынка труда, в том числе и его нового для российской правовой сферы вида – репродуктивного.

Демографическая политика стимулирования рождаемости имеет эффект, но ограничивается желаемой детностью. В этой связи важно не только создавать условия для реализации желаемых рождений, но активировать работу по формированию репродуктивных установок молодого поколения. Это задача официального политического курса государства с привлечением в первую очередь воспитательного ресурса системы образования, средств массовой информации, социальных служб.

Регулярный поиск новых эффективных инструментов демографической политики позволит снизить «затухание» результативности предпринимаемых мер. На наш взгляд, на сегодняшний день существует угроза «перекоса» поддержки рождения детей второй и более очередности. С учетом роста в молодежной среде распространенности идеологии добровольной бездетности, важно поддержать и рождение первенцев. Изучение образа жизни современной молодежи, ориентированной на нуклеарную семью, эффективное совмещение репродуктивного и продуктивного труда, карьеры свидетельствует в пользу уральской демографической школы, ратующей за официальное признание репродуктивного труда как вида трудовой деятельности, требующего соответствующих компетенций и оплаты.

Перспективным представляется пересмотр системы налоговых преференций семьям с детьми. Более ощутимый для бюджета «выигрыш» станет не только материальным ресурсом, но инструментом психологического воздействия. В связи с реформированием пенсионной системы, планируемым повышением пенсионного возраста введение новой системы индексации размера пенсии в зависимости от детности так же будет иметь значение для большей части россиян.

Литература и интернет-источники

1. Антонов А.И. Лекции по демографии / А.И. Антонов, В.А. Борисов. М., 2011. 592 с.
2. Калачикова О.Н. Репродуктивное поведение населения: опыт многолетнего мониторинга / О.Н. Калачикова, А.Н. Гордиевская // Вопросы территориального развития. № 9. 2014. URL: http://vtr.isert-ran.ru/?module=Articles&action=view&aid=4279
3. Копейкина М.А. Экономико-математическое моделирование репродуктивного поведения населения региона. Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2006. № 32. С. 56–63.
4. Бодрова В.В. Репродуктивное поведение и репродуктивные права населения России в переходный период // Народонаселение. – 1999. № 2. С. 79–90.
5. Пальцева Т.В. Формирование репродуктивной установки / Т.В. Пальцева // Семья в России. 2004. № 4. С. 26–35.
6. Андреев Е.М., Бондарская Г.А. Можно ли использовать данные об ожидаемом числе детей в прогнозе численности населения? // Вопросы статистики. 2000. № 11. С. 60.
7. Нечипоренко О.В. Становление многоукладности в аграрной сфере российского общества и эволюция адаптационных стратегий сельского населения / О.В. Нечипоренко // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM. С. 5124–5132.
8. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия / В.В. Пациорковский. М.: ИСЭПН РАН, 2010. 390 с.
9. Архангельский В.Н. Мнения о «помехах» к рождению детей в семье и о действительных трудностях реализации желаемого числа детей [Электронный ресурс] / В.Н. Архангельский // Демографические исследования, 2010. № 3. Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=20&idArt=320#_ftnref5.
10. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию 10.05.2006 [Электронный ресурс] // Интернет-версия системы Консультант-Плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru

11. Зверева Н.В., Архангельский В.Н. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости в России // Федерализм. 2010. № 2 (58). С. 69–84.
12. Калачикова О.Н. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова // Проблемы прогнозирования. 2013. № 5. С. 129–136.

5.2. Отношение населения к государственной социально-демографической политике

Новые меры социально-демографической политики в оценках населения Вологодской области

Отношение населения к государственной социально-демографической политике

Данные социологических опросов показывают, что мнения населения при оценке роли демографической политики разделились. В 2021 году опрошенные жители региона чаще всего выбирали сценарий политики, при котором государство помогает семье иметь столько детей, сколько она хочет, т. е. политику поддержки (45%; *рис. 2.5*). За политику стимулирования рождаемости, когда государство старается заинтересовать семьи иметь как можно больше детей, высказались 41% респондентов, и лишь 14% опрошенных считают, что государство ни при каких условиях не должно вмешиваться в вопросы деторождения. По сравнению с 2011 годом, когда впервые задавался вопрос, на 3 п. п. выросла доля тех, кто выступает за политику невмешательства в дела семьи, и на 2 п. п. сократился удельный вес жителей, выбирающих политику поддержки семей с детьми.

Исследование подготовлено в соавторстве с О.Н. Калачиковой, А.В. Короленко.

Демографическая ситуация и социально-демографическая политика Вологодской области в условиях пандемии COVID-19: II региональный демографический доклад / А.А. Шабунова, О.Н. Калачикова, А.В. Короленко; под ред. А.А. Шабуновой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. С. 69–75.

Рис. 2.5. Распределение ответов на вопрос «Среди мнений о демографической политике государства выберите одно, с которым Вы в наибольшей мере согласны» (% от числа опрошенных)

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН (N = 1500).

Молодёжь 15–19 и 20–24 лет чаще по сравнению с остальными в качестве приоритетной выбирала политику стимулирования рождаемости со стороны государства (44 и 43% соответственно), население 25–34 лет – политику поддержки (48%), а респонденты старше 35 лет – политику невмешательства (16%; *табл. 2.2*). Активные действия государства по стимулированию рождения как можно большего числа детей в семьях в большей степени готовы поддержать жители г. Череповца и районов области (45 и 46% соответственно), тогда как для населения г. Вологды приоритетна политика, подразумевающая помощь семье для рождения такого числа детей, какое эта семья хочет сама (56%).

Государственная семейно-демографическая политика традиционно включает в себя оказание соответствующей помощи, предоставление различных семейных пособий, налоговое стимулирование государством социальных мер поддержки семьям. Однако она носит больше социальный, чем демографический характер, так как

Таблица 2.2. Распределение ответов на вопрос «Среди мнений о демографической политике государства выберите одно, с которым Вы в наибольшей мере согласны» по полу, возрасту и территории проживания респондентов (% от числа опрошенных)

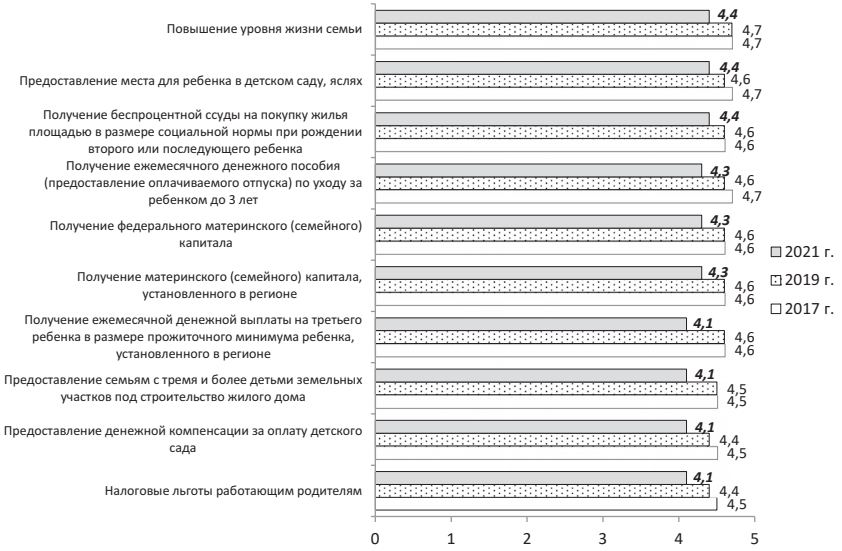
Вариант ответа	Пол		Возраст				Территория		
	Мужчины	Женщины	15–19	20–24	25–34	Старше 35 лет	Вологда	Череповец	Районы
Государство должно попытаться заинтересовать семьи иметь большее число детей (политика стимулирования)	42,5	39,4	44,0	42,6	41,0	40,0	29,3	45,0	46,2
Государство должно только помочь семье иметь столько детей, сколько она сама хочет (политика поддержки)	43,6	46,7	44,7	43,3	47,6	44,1	55,8	41,1	40,6
Государство ни в коей степени не должно влиять на рождение в семьях того или иного числа детей (политика невмешательства)	13,8	13,9	11,3	14,2	11,4	15,9	14,9	13,9	13,2
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021 г. (N = 1500).									

отражает вектор борьбы с неравенством и бедностью, направлена на поддержку сокращения неравенства в семьях, профессиональной занятости в семьях с детьми[2].

[2] Большаков С., Большакова Ю. Государственная семейная политика в странах Европы: выбор приоритетов и дифференциация мер поддержки // Общество и экономика. 2021. № 6. С. 95.

Наиболее значимыми государственными мерами для реализации репродуктивных намерений жителей региона в 2021 году оказались такие, как повышение уровня жизни семей с детьми в целом, предоставление мест для детей в детских садах, яслях и получение беспроцентной ссуды на покупку жилья при рождении второго и последующих детей (по 4,4 балла соответственно; *рис. 2.6*). Немаловажную роль играют выплата ежемесячного пособия по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, предоставление федерального и регионального материнского капитала (по 4,3 балла соответственно). Менее востребованными мерами являются получение ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере регионального прожиточного минимума для детей, предоставление земельных участков под строительство жилья семьям с тремя и более детьми, денежная компенсация оплаты за посещение детского сада и на-

Рис. 2.6. Распределение ответов на вопрос «Какие государственные меры необходимы Вам для рождения желаемого числа детей?»* (балл)



*Вопрос задаётся с 2017 года.

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН. (N = 1500).

логовые льготы для работающих родителей (по 4,1 балла соответственно). По сравнению с 2017 годом в 2021 году несколько ослабла значимость всех мер, особенно ежемесячной выплаты на третьего ребенка, денежной компенсации за оплату детского сада, налоговых льгот работающим родителям, предоставления земельных участков под строительство дома семьям с тремя и более детьми, выплаты ежемесячного пособия по уходу за ребенком до трех лет.

Что касается новых инициатив по поддержке семей с детьми на региональном уровне, то в августе 2021 года на заседании круглого стола, посвященного поддержке материнства и детства, в Правительстве Вологодской области было предложено несколько мер, среди них: определение статуса «многодетная семья» на федеральном уровне; учреждение наряду с Днем матери празднования Дня отца (каждое третье воскресенье октября); увеличение пособия на содержание детей-сирот в приемных семьях до прожиточного минимума; поддержка проекта «Остров развития», подразумевающего выезд в муниципальные районы семейных психологов и проведение бесплатных занятий-консультаций с женщинами; поддержка работающих родителей – гибкий отпуск по уходу за ребенком; поддержка работодателей, которые во время пандемии создают специальные места для дистанционной работы молодых мам, с компенсацией расхода бизнесу; проведение Всероссийского конкурса «Лучшее предприятие для работающих родителей»; введение отцовского капитала при рождении или усыновлении трех детей; представление к наградам не только многодетных семей, но и семей, которые воспитывают детей-инвалидов[3].

В оценках потребности населения в государственных мерах стимулирования рождения желаемого числа детей не прослеживается существенных половозрастных различий, но имеются некоторые территориальные особенности. Так, для реализации репродуктивных намерений жителей крупных городов (Вологды и Череповца) более значимы такие меры материального стимулиро-

[3] Вологжане выдвинули инициативы по поддержке семей с детьми // Красный Север. 2021. 11 августа. № 87. URL: https://www.krassever.ru/article/vologzhane-vydvinuli-initsiativy-po-podderzhke-semey-s-det-mi (дата обращения 14.09.2021).

вания, как повышение уровня жизни семей, предоставление ежемесячного денежного пособия по уходу за ребенком, выплата федерального и регионального семейного капитала (*табл. 2.3*). Кроме того, для населения областного центра – г. Вологды – более существенной мерой стало предоставление места для ребенка в детском саду, яслях и денежная компенсация за оплату дошкольных учреждений, тогда как для череповчан – получение беспроцентной ссуды на покупку жилья при рождении второго или последующего ребенка. Относительно желаемого числа детей у жителей районов области бо́льшую роль по сравнению с населением крупных городов играет ежемесячная денежная выплата на третьего ребенка в размере регионального прожиточного минимума для ребенка.

Таблица 2.3. Распределение ответов на вопрос «Какие государственные меры необходимы Вам для рождения желаемого числа детей?»* по полу, возрасту и территории проживания респондентов (балл)

Вариант ответа	Пол		Возраст				Территория		
	Мужчины	Женщины	15–19	20–24	25–34	Старше 35 лет	Вологда	Череповец	Районы
Повышение уровня жизни семьи	4,4	4,5	4,4	4,4	4,5	4,4	4,5	4,6	4,3
Получение ежемесячного денежного пособия (предоставление оплачиваемого отпуска) по уходу за ребенком до 3 лет	4,2	4,4	4,4	4,2	4,4	4,3	4,5	4,5	4,1
Получение федерального материнского (семейного) капитала	4,3	4,4	4,4	4,3	4,4	4,3	4,5	4,5	4,2
Получение материнского (семейного) капитала, установленного в регионе	4,3	4,4	4,3	4,2	4,4	4,3	4,5	4,3	4,2

Окончание таблицы 2.3

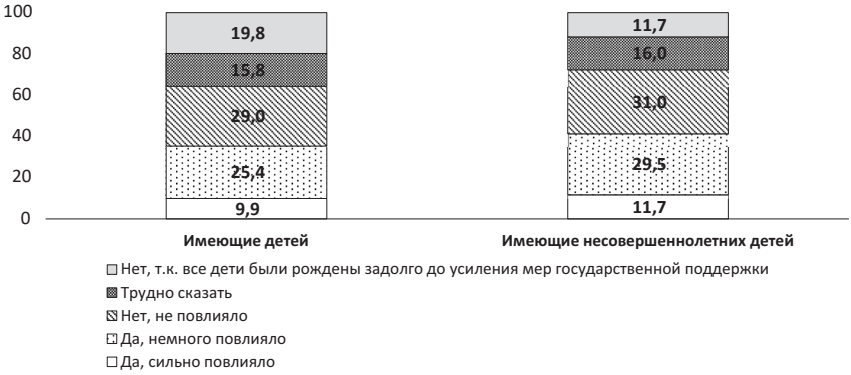
Вариант ответа	Пол		Возраст				Территория		
	Мужчины	Женщины	15–19	20–24	25–34	Старше 35 лет	Вологда	Череповец	Районы
Получение ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума для ребенка, установленного в регионе	4,1	4,2	4,1	4,0	4,1	4,2	4,1	4,0	4,3
Предоставление места для ребенка в детском саду, яслях	4,3	4,4	4,4	4,2	4,4	4,4	4,5	4,4	4,3
Получение беспроцентной ссуды на покупку жилья площадью в размере социальной нормы при рождении второго или последующего ребенка	4,4	4,4	4,4	4,3	4,4	4,4	4,4	4,5	4,3
Предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома	4,1	4,2	4,1	4,1	4,1	4,2	4,1	4,1	4,2
Предоставление денежной компенсации за оплату детского сада	4,0	4,1	4,1	3,9	4,1	4,1	4,3	3,8	4,1
Налоговые льготы работающим родителям	4,1	4,1	4,2	4,0	4,1	4,1	4,4	3,8	4,2

Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021 г. (N = 1500).

По данным опроса, 35% жителей Вологодской области, имеющих детей, положительно оценили влияние усиления мер государственной поддержки семей с детьми на принятие ими решения о рождении детей, из них 10% охарактеризовали его как «сильное» (*рис. 2.7*). Среди респондентов с несовершеннолетними детьми доля положительных ответов оказалась ещё выше и составила 41%, из них у 12% влияние социально-демографической политики на реализацию рождений оказалось сильным, а в случае 29% – незначительным. Удельный вес респондентов, у которых рождение детей никак не зависело от активизации государственной помощи семье, составил 29%, а среди имеющих несовершеннолетних детей – 31%.

Каждый пятый опрошенный житель региона отметил, что усиление государственной поддержки не повлияло на принятие решения о рождении детей в силу того, что дети появились на свет задолго до этого. Среди имеющих несовершеннолетних детей доля таковых составила 12%. По 16% респондентов, имеющих детей, в т. ч. несовершеннолетних, затруднились в оценке влияния мер социально-демографической политики на рождаемость.

Рис. 2.7. Распределение ответов на вопрос «В какой степени принятию решения о рождении Вашего ребёнка (детей) помогло усиление мер государственной поддержки семей с детьми?» (% от числа тех, у кого есть дети; % от числа тех, у кого есть несовершеннолетние дети)



Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021 г. (N = 1500).

Новые меры поддержки семей с детьми оказали наиболее существенное воздействие на реализацию рождений у молодежи 20–24 лет (повлияли в 50% случаев, из них в 14% – сильно) и жителей г. Череповца (повлияли в 49% случаев, из них в 21% – сильно), имеющих несовершеннолетних детей (*табл. 2.4*). В то же время чаще всего о том, что усиление мер государственной поддержки семей с детьми не оказало влияния на принятие решения о рождении ребёнка/детей, заявляли представители старшей возрастной группы (44%) и жители г. Вологды (45%).

Таблица 2.4. Распределение ответов на вопрос «В какой степени принятию решения о рождении Вашего ребёнка (детей) помогло усиление мер государственной поддержки семей с детьми?» по полу, возрасту и территории проживания респондентов (% от числа тех, у кого есть несовершеннолетние дети)

Вариант ответа	Пол		Возраст				Территория		
	Мужчины	Женщины	15–19	20–24	25–34	Старше 35 лет	Вологда	Череповец	Районы
Да, сильно повлияло	11,0	12,3	0,0	14,3	12,0	11,5	5,4	20,9	9,3
Да, немного повлияло	31,3	28,0	0,0	35,7	32,0	27,6	37,3	27,7	26,5
Нет, не повлияло	31,0	30,9	100,0	28,6	34,9	28,5	34,6	25,9	32,3
Трудно сказать	17,3	15,0	0,0	21,4	14,5	16,6	11,9	10,9	21,5
Нет, т.к. все дети были рождены задолго до усиления мер государственной поддержки	9,3	13,8	0,0	0,0	6,5	15,7	10,8	14,5	10,5
Источник: данные мониторинга репродуктивного потенциала населения Вологодской области, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021 г. (N = 1500).									

Таким образом, среди населения Вологодской области в большей степени распространено мнение о том, что государство должно помогать семье иметь столько детей, сколько она захочет (политика поддержки). В числе наиболее значимых государственных

мер для реализации репродуктивных планов население видит повышение уровня жизни семей с детьми в целом, предоставление мест для детей в детских садах, яслях и получение беспроцентной ссуды на покупку жилья при рождении второго и последующих детей. В целом усиление мер государственной социально-демографической политики оказало влияние на принятие решения о рождении детей в 35% случаев (у имеющих несовершеннолетних детей – в 41% случаев). При этом в мнениях как о государственной поддержке семей с детьми, так и значимости её мер для реализации репродуктивных установок наблюдаются возрастные и территориальные различия, что свидетельствует о необходимости их учета при разработке мероприятий региональной социально-демографической политики.

Вместо заключения. Акценты пандемии

Одним из ключевых факторов социально-демографического развития России в XXI веке стала пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19. Кризисный характер эпидемии и ее последствий привел к резким изменениям демографических трендов и внес существенные коррективы в образ жизни россиян.

Демографическая динамика

Предсказуемо, самые большие потери были понесены на фронте работ по снижению смертности населения и укреплению общественного здоровья. По итогам 2020–2021 гг. значения общего коэффициента смертности вернулись на уровень 1990-х гг. В 2020 году по сравнению с предшествующим 2019-м в России произошло сокращение уровня рождаемости (на 3%) при одновременном увеличении уровня смертности на 19%, что обусловило рост коэффициента естественной убыли. Вклад коронавирусной инфекции в общую смертность населения в 2020 году составил 7%, что больше доли инфекционных и паразитарных заболеваний (1,4%), болезней органов дыхания (4,5%) и пищеварения (5%), внешних причин (6,5%).

Снизился показатель ожидаемой продолжительности жизни. Сокращение ОПЖ в 2020 году по сравнению с 2019-м в целом по России оказалось существенным: с 73,3 года до 71,5. ОПЖ мужчин снизилась на 1,7 года, женщин – на 1,8 года.

В 2020 году по сравнению с 2019-м первичная заболеваемость населения сократилась на 3% – с 780,2 случая на 1000 человек до 758,4. Снижение первичной заболеваемости может быть связано с периодами локдауна и самоизоляции, которые повлияли на меди-

цинскую активность населения, и переориентацией деятельности учреждений здравоохранения на оказание медицинской помощи заболевшим коронавирусной инфекцией в условиях пандемии. В целом по России заболеваемость COVID-19 в 2020 году составила 22 случая на 1 000 человек (2 153 на 100 000 человек).

Локдаун и режим самоизоляции повлияли и на брачность. По объективным причинам в 2020 году снизилось число заключенных браков, тогда как разводимость осталась на прежнем уровне – около 4 разводов на 1000 чел. населения. Соотношение браков и разводов в связи с этим заметно ухудшилось: с 60–65 до 73 разводов на 100 браков в 2020 году (по сравнению с допандемийными 2015–2018 гг.). Несомненно, в том числе и этот фактор повлиял на снижение рождаемости. Перспективы демографической динамики можно оценить с долей здорового скептицизма. Новые штаммы вируса активно расширяют возрастной спектр влияния, омикрон поражает молодежь, репродуктивные планы которой и так заметно зависят от неопределенности будущего. Компенсационный бэби-бум постэпидемии маловероятен, т. к. поколение активного репродуктивного возраста (конца 1980-х гг. рождения) успешно реализовало отложенные рождения под влиянием введенных мер поддержки семьи, в частности материнского капитала.

Жизнь онлайн. Цифровизация повседневности. Жизнь «в сети»

Коронакризис трансформировал производственные цепочки и модели потребления. Ответом на вызовы пандемии стал активный рост онлайн-сфер, нацеленных на взаимодействие человека и компьютера (электронной торговли, онлайн-видео, онлайн-игр, онлайн-образования, удаленной работы и др.). Возросла интернет-активность и граждан, и бизнеса.

В то же время в условиях локдауна обострилась проблема цифрового неравенства. В частности, оно стало главной детерминантой при переходе на дистанционный формат работы системы образования.

Форс-мажорные обстоятельства перехода на формат удаленного обучения затронули, по оценкам педагогов, всех участников образовательного процесса в школе. Особенно проблемность ситуации ощутили на себе обучающиеся (94%) и их семьи.

В числе наиболее проблемных учителя назвали ситуацию с недостаточной обеспеченностью семей техникой, необходимой для онлайн-связи (планшеты, ноутбуки, компьютеры, микрофоны, веб-камеры и т. п.). Эта позиция ответов вышла на первое место как в городских, так и в сельских территориях.

Безусловно, ситуация локдауна, психологического напряжения оказала влияние на трудовой потенциал: как и во время предшествующих экономических кризисов, он существенно снизился. Работники, оказавшись в нестандартной ситуации, столкнулись с проблемами нестабильной занятости (в Вологодской области, согласно данным опроса, 7% работающего населения области были отправлены весной 2020 года в неоплачиваемый отпуск, 4% – попали под сокращение, еще 36% имеют опасения потери работы).

Результаты того же опроса, проведенного Вологодским научным центром РАН в августе – октябре 2020 года, показали, что в связи с введенными ограничениями частично/полностью на удаленную занятость перешли 15% вологжан, хотя до пандемии в таком режиме работало около 1% населения. Самыми «дистанционными» оказались сферы финансов и образования (39–42% работников). Вместе с тем опыт удаленного режима работы население оценивает не совсем оптимистично: 44% скорее или совсем не понравилось так работать. Оптимистов меньше в 1,5 раза – 27%.

Социальное самочувствие. Почему буксует вакцинация

После объявления о начале вакцинации от COVID-19, казалось бы, ситуация должна была стабилизироваться. Однако прививочная кампания идет не столь успешно. К концу 2021 года число регионов, перешагнувших 50%-й порог, невысоко (9 – по первому компоненту, 5 – по двум компонентам вакцины).

Вологжане, как и россияне в целом, весьма осторожно отнеслись к вакцинации. В феврале 2021 года 25% вологжан собирались сделать прививку, 3% на тот момент уже были вакцинированы. Более трети жителей региона сомневались, какое решение им следует принять.

Ключевые причины антипрививочных настроений связаны с опасениями по поводу качества и эффективности вакцины. Очевидно, что население испытывало дефицит информации: о вакци-

нации и российской вакцине были осведомлены на уровне «что-то слышал» или вообще ничего не знали (по самооценке) 55% опрошенных.

Причина недоверия к вакцине в значительной степени связана с размытостью информационного поля. Обычному человеку (который, стоит отметить, имеет несколько источников информации и просматривает/прослушивает их ежедневно) становится все труднее понять, какая информация достоверная, какая требует проверки, а какая точно может навредить и даже ожесточить.

Так, заведомо ложную информацию получают из источников, традиционно воспринимаемых большей частью населения как официальные или отражающие официальную позицию тех сообществ и групп, которым они доверяют. Это официальные сайты организаций, газет, телеканалов, официальные группы городов в социальных сетях, новостные сообщения, которые ссылаются на научные исследования, мнения врачей.

В соцсетях зачастую можно встретить сообщения, поддерживающие антипрививочную кампанию, говорящие о неэффективности вакцин, осложнениях и летальных исходах после прививки, незаконности принуждения к вакцинации. Яркие посты оказывают большое влияние на сознание человека. Часто они нацелены еще и на определенную социально-демографическую группу, например: «Пожилая женщина умерла от COVID-19 после вакцинации» (пожилые женщины – одна из самых многочисленных групп населения в средней полосе и на севере России, особенно в сельской местности), «В Казани мужчина умер после прививки от COVID-19. Врачи отрицают» (мужчинам присуща и без того низкая медицинская активность, подрывается авторитет врачей). Или же задевают важные ценностные основы для человека, например то, что вакцина ведет к бесплодию.

Безусловно, журналисты, блогеры пытаются таким образом привлечь аудиторию, создавая т. н. hype, однако последствия своих действий не осознаются ими в полной мере. Люди же при этом не знают, «кому верить», и находятся в ситуации тревоги и стресса, преодолевать который не всегда получается конструктивными способами.

Уровень распространения симптомов депрессии в 2021 году имеет самый высокий за 20 лет мониторинга показатель (38%). Увеличился и уровень тревожности. Если в допандемийный 2019 год она наблюдалась у каждого четвёртого респондента, то в феврале 2021 года – у каждого третьего.

При сохранении у большей части вологжан «спокойного, ровного» настроения (61%) исследования распространённости среди населения тревожного и депрессивного расстройства показали, что практически у каждого второго (48%) респондента отмечены симптомы того или иного расстройства.

Одна из самых распространенных причин употребления алкоголя – использование его как антидепрессанта. И по поведенческим практикам, и по объемам продаж алкогольных напитков заметен рост его применения в условиях стресса, вызванного пандемией COVID-19.

В 2020 году, согласно социологическому мониторингу физического здоровья населения Вологодской области[1], по сравнению с допандемийным периодом люди стали реже соблюдать умеренность в потреблении алкоголя (на 7 п. п.), поддерживать здоровый режим и рацион питания (на 4 п. п.), проходить санаторно-курортное лечение (на 4 п. п.), стараться оптимально сочетать трудовые нагрузки и отдых (на 4 п. п.). Снижение удельного веса тех, кто в целях укрепления здоровья проходит санаторно-курортное лечение, вполне объяснимо ввиду введения в 2020 году ряда ограничительных мер – самоизоляции, запрета на перемещение людей и их массовые скопления и, как следствие, приостановление работы санаторно-курортных учреждений. Возрастание показателей потребления алкоголя, ухудшение настроения и психического состояния населения признаются одними из ожидаемых результатов пандемии и введения жестких карантинных мер[2].

[1] В 2020 году анкетирование проводилось в период пандемии коронавирусной инфекции и действия ограничительных карантинных мер (июнь – июль 2020 г.).

[2] Шматова Ю.Е. Влияние COVID-19 на психическое здоровье населения (как показатель человеческого потенциала): опыт зарубежных исследований // Проблемы развития территории. 2020. № 4 (108). С. 91. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.6

На фоне весьма умеренного институционального доверия, которое не претерпело существенных изменений, заметно снизилось доверие врачам, учителям и ученым (с 79, 85 и 68% в 2017 году до 43, 45 и 45% в 2020 году соответственно), что обусловлено во многом противоречивостью информации, обилием фейков. А вот доверие друзьям и соседям выросло (с 81% в 2017 году до 87 – в 2020-м, с 44 до 60% соответственно).

Говорить о стабилизации ситуации и возвращении к допандемийным условиям жизни пока рано. Во-первых, вирус мутирует, что требует контроля дальнейшего внимания к эпидемиологической ситуации и здоровью людей. Во-вторых, цифровизация ряда сфер жизнедеятельности стимулировала развитие и популярность онлайн-форм образования, потребления, ведения бизнеса, которые оказались успешны и востребованы. И хотя уже публикуются исследования специалистов Университета Джонса Хопкинса о неэффективности локдауна, дистанционные и удаленные форматы занимают свою нишу современной реальности.

Оглавление

Введение. Общественное развитие и демографические вызовы современности 5

Глава I. Социокультурный дискурс положения детей и молодежи

1.1. Дети и молодежь в России: глобальные вызовы современности 19

1.2. О социальной активности и ценностях молодёжи 48

Глава II. Человек на рынке труда

2.1. Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию 55

2.2. Социальное положение учительства в России 76

2.3. Проблемы качества кадров местного самоуправления 94

Глава III. Серебряное поколение: от «демографической нагрузки» к «человеческому капиталу»

3.1. Тенденции демографического старения населения Российской Федерации и пути их преодоления 111

3.2. Старшее поколение в структуре среднего класса: опыт регионального исследования 126

3.3. Оценка субъективного качества жизни представителями старшего поколения 146

3.4. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения 166

Глава IV. Положение сельских жителей в контексте пространственного сжатия

4.1. Сельская жизнь российских женщин 193

4.2. Экономическое положение и социальное самочувствие сельской женщины 212

4.3. Гражданская активность на селе: возможности развития 226

Глава V. Оценка эффективности демографической политики глазами россиян

5.1. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости в России 241

5.2. Отношение населения к государственной социально-демографической политике 255

Вместо заключения. Акценты пандемии 265

Научное издание

Шабунова Александра Анатольевна

ОЧЕРКИ К СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина, И.А. Кукушкина
Оригинал-макет	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 11.03.2022.
Формат $60\times90/_{16}$. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 17,0. Тираж 500 экз. Заказ № 19.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
(ФГБУН ВолНЦ РАН)

160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон: (8172) 59-78-03, e-mail: common@volnc.ru

ISBN 978-5-93299-529-7